

ISSN 2226-3365

www.vestnik.nspu.ru

DOI: 10.15293/2226-3365.1503

ВЕСТНИК Новосибирского государственного педагогического университета

*Novosibirsk State
Pedagogical University*
BULLETIN

5(27) 2015

Учредитель журнала:

ФГБОУ ВПО «Новосибирский
государственный педагогический
университет»

Электронный журнал «Вестник Новосибирского
государственного педагогического университета»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере
связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС77-50014

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ И СОВЕТ НАУЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК НОВОСИБИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Редакционная коллегия

главный редактор

Пушкарёва Е. А., д-р филос. наук, проф.

заместитель главного редактора

Майер Б. О., д-р филос. наук, проф.

педагогические и психологические науки

Синенко В. Я., д-р пед. наук, профессор

Богомаз С. А., д-р психол. наук, проф. (Томск)

философские и исторические науки

Майер Б. О., д-р филос. наук, проф.

Зверев В. А., д-р ист. наук, проф.

физико-математические и социально-

экономические науки

Трофимов В. М., д-р физ.-мат. наук, проф.

Ряписов Н. А., д-р экон. наук, проф.,

биологические, химические, медицинские науки

Айзман Р. И., д-р биол. наук, проф., член-корр.

МАНВШ, заслуж. деят. науки РФ

Просенко А. Е., д-р хим. наук, проф.

культурология, филологические науки

Чапля Т. В., д-р культурологии, проф.

Трипольская Т. А., д-р филолог. наук, проф.

Международный редакционный совет

Айзман О., д-р филос., д-р мед., Каролинский институт (Стокгольм, Швеция)

Ангелика Ригер, д-р, проф. (Ахен, Германия)

Анна Паола Бонола, проф. славистики, Миланский университет (Милан, Италия)

Балгимбеков Ш. А., д-р мед. наук, проф. (Алматы, Казахстан)

Бухтова Б., д-р наук, Университет им. Масарика (Брно, Чехия)

Валькенхорст Ф., д-р наук, проф., университет Кельна (Кельн, Германия)

Винго Чарльз С., д-р мед. наук, проф., ун-т Флориды (Гейнсвилль, Флорида, США)

Либерска Х. д-р психол. наук, проф., ун-т им. Казимира Великого (Быдгощ, Польша)

Логунов Д., н.с., ун-т Манчестера (Великобритания)

Мауриция Калузио, д-р наук, ст. исследов. по русс. лит. (Милан, Италия)

Мукатаева Ж. М., д-р биол. наук (Павлодар, Казахстан)

Чагин А., д-р филос., н. с., Каролинский институт (Стокгольм, Швеция)

Челси Д., д-р филос., проф., (Уппсала, Швеция)

Шмайс Й., д-р наук, Университет им. Масарика (Брно, Чехия)

Юй Вень Ли, д-р политического образования, Пекинский университет (Пекин, Китай)

Редакционный совет

председатель редакционного совета

Герасёв А. Д., д-р биол. наук, проф. (Новосибирск)

Афтанас Л. И., д-р мед. наук, проф., акад. РАМН, вице-президент РАМН, Президент СО РАМН (Новосибирск)

Баликоев В. З., д-р экон. наук, проф. (Новосибирск)

Безруких М. М., д-р биол. наук, проф., почетный профессор НГПУ, академик РАО (Москва)

Бережнова Е. В., д-р пед. наук, проф. (Москва)

Винокуров Ю. И., д-р геогр. наук, проф. (Барнаул)

Галажинский Э. В., д-р психол. наук, проф., академик РАО (Томск)

Дымарский М. Я., д-р филолог. наук, проф. (Санкт-Петербург)

Жафяров А. Ж., д-р физ.-мат. наук, проф., член-корр. РАО (Новосибирск)

Жукоцкая З. Р., д-р культурол., проф. (Нижевартонск)

Иванова Л. Н., д-р мед. наук, проф., акад. РАН (Новосибирск)

Казин Э. М., д-р биол. наук, проф., заслуж. деят. науки РФ, академик МАНВШ (Кемерово)

Ключко В. Е., д-р психол. наук, проф. (Томск)

Князев Н. А., д-р филос. наук, проф. (Красноярск)

Кондаков И. В., д-р филос. наук, проф., акад. РАЕН, почетный работник общего образования (Москва)

Красноярцева О. М., д-р психол. наук, проф. (Томск)

Кривошеков С. Г., д-р мед. наук, проф. (Новосибирск)

Кудашов В. И., д-р филос. наук, проф. (Красноярск)

Кустова Г. И., д-р филолог. наук, проф. (Москва)

Медведев М. А., д-р мед. наук, проф., академик РАМН, заслуж. деят. науки РФ (Томск)

Мокрецова Л. А., д-р пед. наук, проф. (Бийск)

Овчинников Ю. Э., д-р физ.-мат. наук, проф. (Новосибирск)

Печерская Т. И., д-р филолог. наук, проф. (Новосибирск)

Пузырев В. П., д-р мед. наук, проф., академик РАМН (Томск)

Серый А. В., д-р психол. наук, проф. (Кемерово)

Федоров В. И., д-р биол. наук, проф. (Новосибирск)

Чупахин Н. П., д-р филос. наук, проф. (Томск)

Шошенко К. А., д-р мед. наук, проф. (Новосибирск)

Основан в 2011 году, выходит 6 раз в год

Редакционно-издательский отдел:

630126, г. Новосибирск, ул. Вилуйская, д. 28

тел. +7(383)244-06-62

E-mail: vestnik.nspu@gmail.ru

Номер подписан к выпуску 08.10.15

The founder
Novosibirsk State
Pedagogical University

The registration certificate

The electronic journal «Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin» is registered in Federal service on legislation observance in sphere of communication, information technologies and mass communications

The registration certificate ЭЛ № ФС77-50014

EDITORIAL BOARD AND EDITORIAL COUNCIL OF SCIENTIFIC ELECTRONIC JOURNAL

«NOVOSIBIRSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY BULLETIN»

Editorial Board

Editor-in-chief

Pushkareva E.A., Dr. of philosophical Sc., Prof. of the NSPU

Deputy editor-in-chief

Mayer B.O., Dr. of philosophical Sc., Prof. of the NSPU

Pedagogical Sciences and Psychology

Sinenko V.Ya., Dr. of Pedagogical Sciences, Professor

Bogomaz S.A., Dr. of Psychological Sc., Prof. (Tomsk)

Philosophy and Historical Sciences

Mayer B.O., Dr. of philosophical Sciences, Professor

Zverev V.A., Dr. of Historical Sciences, Professor

Physics, Mathematics, Social and Economics Sciences

Trofimov V.M., Dr. of Physical and Mathematical

Sciences, Professor

Ryapisov N.A., Dr. of Economic Sciences, Professor

Biological, Chemical Sciences and Medicine

Aizmam R.I., Dr. of Biological Sciences, Prof. of the

NSPU, Corr-Member of IASHS

Prosenko A.E., Dr. of chemical Sciences, Professor

Culturology, Philology Sciences

Chaplya T. V., Dr. of Cultural Sciences, Professor

Tripolskaya T. A., Dr. of Philological Sciences, Prof.

International Editorial Council

Aizman O., Ph.D., M.D., Karolinska Institute,
(Stockholm, Sweden);

Angelica Rieger, Dr., Professor (Aachen, Germany)

Anna Paola Bonola, Professor Università Cattolica
del Sacro Cuore (Milan, Italy)

Balgimbekov Sh.A., Dr. of Medical Sciences,
Professor (Almaty, Kazakhstan)

Buhtova B., Ph.D., Masaryk University (Brno, Czech
Republic)

Chagin A., Ph.D., Karolinska Inst. (Stockholm, Sweden)

Charles S. Wingo, M. D., Professor, University of
Florida (Gainesville, Florida, USA)

Gianni Celsi, Ph.D., Professor, Uppsala University,
(Uppsala, Sweden)

Liberska H. Dr. of Psychol. Sciences, Prof.,
Kazimierz Wielki University (Bydgoszcz, Poland)

Logunov D., Ph.D., University of Manchester
(Manchester, United Kingdom)

Maurizia Calusio, Senior Researcher
in Russian Literature, PhD (Milan, Italy)

Mukataeva Zh.M., Dr. of Biological Sciences
(Pavlodar, Kazakhstan)

Walkenhorst Philipp, Dr., Professor, University of
Cologne (Cologne, Germany)

Šmajš Jozef, Dr. of Philosophy, Professor, Masaryk
University (Brno, Czech Republic)

Yu Wen Li, Ph.D., Professor Peking University
(Peking, People's Republic of China)

Editorial Council

Chairman of Editorial Council

Gerashev A.D., Dr. of Biological Sc., Prof. (Novosibirsk)

Aftanas L.I., Dr. of Medical Sc., Prof., Acad. of RAMS
(Novosibirsk)

Balikoev V.Z., Dr. of Economical Sc., Prof. (Novosibirsk)

Bezrukih M.M., Dr. of Biological Sc., Prof. (Moscow)

Berezhnova E.V., Dr. of Pedagogical Sc., Prof. (Moscow)

Chupahin N.P., Dr. of Philosophical Sc., Prof. (Tomsk)

Dymarski M.J., Dr. of philological Sciences, Professor

(St. Petersburg, Russia)

Fedorov V.I., Dr. of Biological Sc., Prof. (Novosibirsk)

Galazhinsky E.V., Dr. of Psychological Sc., Professor,
the academician of RAE (Tomsk)

Ivanova L.N., Dr. of Medical Sc, Prof., Academ. of RAS,
Institute of Citology and Genetics (Novosibirsk)

Kazin E.M., Dr. of Biological Sc., the academician of
IASHS, Professor (Kemerovo)

Klochko V.E., Dr. of Psychological Sc., Prof. (Tomsk)

Knyazev N.A., Dr. of Philosophical Sc., Prof. (Kasnoyarsk)

Kondakov I.V., Dr. of Philosophical Sc., Prof., Academ.
of Russian Academy of Sciences (Moscow)

Krasnoryadstseva O.M., Dr. of Psychological Sciences,
Professor (Tomsk)

Krivoshekov S.G., Dr. of Medical Sc., Prof. (Novosibirsk)

Kudashov V.I., Dr. of Philosophical Sciences, Professor
(Kasnoyarsk)

Kustova G.I., Dr. of philological Sciences, Professor
(Moscow, Russia)

Medvedev M.A., Dr. of Medical Sc., Prof., the
Academic. of RAMS, Institute of Medical Genetics
(Tomsk, Russia)

Mokretsova L.A., Dr. of Pedagogical Sciences, Professor
(Biysk, Russia)

Ovchinnikov Yu.E., Dr. of Physical and Mathematical
Sciences, Professor (Novosibirsk, Russia)

Pecherskaya T.I., Dr. of philological Sciences, Professor
(Novosibirsk, Russia)

Puzirev V.P., Dr. of Medical Sc., Prof., the Academician
of RAMS, Institute of Medical Genetics (Tomsk, Russia)

Seryi A.V., Dr. of Psychological Sc., Prof. (Kemerovo)

Shoshenko K.A., Dr. of Medical Sc., Prof. (Novosibirsk)

Vinokurov Yu.I., Dr. of Geography Sc., Prof. (Barnaul)

Zhukotskaya Z.R., Dr. of Cultural Sciences, Professor
(Nizhnevartovsk)

Zhafyarov A.Zh., Dr. of Physical and Mathematical Sc.,
Prof., Corr.- Member of the RAE (Novosibirsk)

The journal leaves 6 times a year

The academic journal is established in 2011

Editorial publishing department:

630126, Novosibirsk, Vilyuiskaya, 28

tel. +7(383)244-06-62

E-mail: vestnik.nspu@gmail.ru

© Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская

DOI: [10.15293/2226-3365.1505.01](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1505.01)

УДК 81'373 + 81'384

ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРАГМАТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННОГО СЛОВА: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО И ОЦЕНОЧНОГО КОМПОНЕНТОВ

Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская (Новосибирск, Россия)

Круг интересов современной лингвистики существенно расширился, теперь его составляют явления, скрытые в глубинах семантики, подвижные и трудноразличимые. В последнее время все больший интерес исследователей привлекает прагматический компонент значения – «наиболее тонкая материя слова» – как возможный объект семантико-прагматического и лексикографического описания.

Для настоящего проекта наиболее существенными в дискуссии по проблемам прагматической семантики являются моменты, непосредственно отражающие взаимоотношение «говорящий человек – языковой знак».

К числу актуальных проблем фундаментальной науки, лежащих на стыке структурно-системного и коммуникативного описания лексического значения слова, относится выявление прагматически маркированных фрагментов словаря, построение типологии микрокомпонентов, входящих в структуру прагматического макрокомпонента, и исследование их коммуникативного потенциала. Решение этих теоретических проблем является необходимым условием разработки схем лексикографирования прагматически маркированной лексики, например, в словарях активного типа и/или в специальных компьютерных базах данных.

Ключевые слова: *семантика, структура прагматического макрокомпонента, динамические процессы, идеологически маркированная лексика.*

К числу актуальных проблем фундаментальной науки, лежащих на стыке структурно-системного и коммуникативного описания лексического значения слова, относится выявление прагматически маркирован-

ных фрагментов словаря, построение типологии микрокомпонентов, входящих в структуру прагматического макрокомпонента, и исследование их коммуникативного потенциала. Решение этих теоретических проблем

* Работа выполнена при финансовой поддержке грантов РГНФ: проект 15-04-00122а «Прагматический потенциал языкового знака: семасиологический и лексикографический аспекты»; проект 15-14-54001 «Конфликтный текст в зеркале лингвистической экспертизы».

Трипольская Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: tr_tatiana@mail.ru

Булыгина Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры современного русского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: bulyginalena2010@mail.ru

является необходимым условием разработки схем лексикографирования прагматически маркированной лексики, например, в словарях активного типа и/или в специальных компьютерных базах данных.

Дискуссионными остаются теоретические проблемы соотношения понятий коннотативного и прагматического компонентов, взаимодействия денотативного и прагматического содержания слова, места и статуса отдельных прагматических микрокомпонентов в структуре лексического значения, вариативности системного значения, а также функционирования прагматически маркированной лексики в разных типах дискурсов.

В статье предпринимается попытка рассмотреть понятия «коннотации» и «прагматического компонента» в их соотнесении друг с другом; выявить структурные и содержательные параметры прагматического макрокомпонента; описать взаимодействие микрокомпонентов прагматического содержания.

В лингвистической науке, почти не пересекаясь, существуют две понятийно-терминологические традиции в изучении гетерогенной структуры лексического значения: сторонники первой выделяют наравне с денотативным макрокомпонентом коннотативный; вторые относят «наиболее тонкую материю слова» к области прагматических смыслов.

Полемика представителей разных подходов сосредоточена на проблемах природы, состава, структуры и путей выделения коннотативных (прагматических) элементов в семантике слова.

В понимании коннотации наметилось два подхода: узкий (компоненты «эмотивность», «эмотивная оценка», «чрезмерность») и широкий, при котором в коннотацию включается «любой компонент, который дополняет предметно-понятийное (или денотативное)

<...> содержание языковой единицы и придает ей экспрессивную функцию на основе сведений, соотносимых с эмпирическим, культурно-историческим, мировоззренческим знанием говорящих на данном языке, с эмоциональным или ценностным отношением говорящего к обозначаемому или со стилистическими регистрами, характерными условиями речи, социальными отношениями участников речи и т. п.» [1, с. 236].

Очевидно, что между этими сформировавшимися подходами лежит большое расстояние: от исчисляемого количества коннотаций, которое тяготеет к эмотивно-оценочным и эмотивным смыслам, до почти неограниченного множества значений, составляющих характеристики слова коммуникативно-прагматического плана.

Обозначенные проблемы активно обсуждались в 1980–90-е гг., затем интерес лингвистов сместился в область изучения семантических и прагматических аспектов высказывания. Сегодня можно говорить об актуальности изучения коммуникативных особенностей слова в связи с задачами создания словарей активного типа. По мнению Н. Ю. Шведовой, «прогресс лингвистической науки состоит в том, что она, начав со слова и постепенно углубляя и расширяя свой предмет, дошла до таких сложных объектов, как предложение и текст; следующим шагом к углублению и усложнению объекта явится переход от лингвистики текста... к лингвистике слова» [2, с. 142].

Говоря о «лингвистике слова», обычно понимают изучение коммуникативных особенностей слова. Для настоящего исследования наиболее существенными в дискуссии по проблемам прагматической/коннотативной

семантики являются моменты, непосредственно отражающие взаимоотношение «говорящий человек – языковой знак».

Известны попытки разграничения коннотативных и прагматических смыслов, которые сводятся к отнесению коннотации к области номинации (субъект номинации отражает свою эмоциональную и оценочную интерпретацию события), а прагматические смыслы – к зоне коммуникативного взаимодействия (параметры коммуникативной ситуации, интенции и взаимодействие говорящих) [3, с. 31]. Это была одна из попыток «примирить» системно-структурный и коммуникативный подходы в изучении интерпретационного потенциала языкового знака, которая, однако, оставила за кадром проблемы взаимодействия составляющих элементов коннотации (узкий подход) и прагматического содержания.

Мы не видим существенных различий в широком понимании коннотации и прагматического содержания в семантике языкового знака.

Под прагматическим компонентом, вслед за Ю. Д. Апресяном, Г. Н. Складневской и В. Н. Телией [4–6], мы понимаем сумму коннотаций (социальных, культурных, этических, исторических, эмотивных, экспрессивных), которые в речевом акте несут информацию о намерениях говорящего, о речевой ситуации, о статусах собеседников, об оценке предмета речи и т. д. Нередко именно этот макрокомпонент и определяет индивидуальность слова в ряду других.

Широкий подход отражает те свойства слова, которые выявлены благодаря введению дополнительных (антропоцентрических) параметров в описание лексической единицы. Подобное расширение объема прагматического содержания свидетельствует об активном постижении коммуникативной и когни-

тивной природы слова. Множество характеристик слова, нашедшее отражение в широком понимании коннотации (прагматического компонента), отличается своей разнородностью, утратой реально обозримых границ. Отнесение нерядопологаемых признаков в разряд прагматических делает этот макрокомпонент лексического значения не структурированным, а в какой-то степени аморфным образованием. Содержательным стержнем, объединяющим это гетерогенное образование, может служить то, что все эти компоненты отражают так называемую коммуникативно-когнитивную зону говорящего социума. Поэтому закономерно стремление исследователей уточнить модель прагматической составляющей с учетом изменившегося объема признаков.

Чтобы отражать все многообразие смыслов, связанных с представлением коммуникативной ситуации (в широком смысле), языковой знак должен располагать широким набором элементов разного ранга, в том числе и потенциальных, в семной структуре значения. Эти элементы отражают отношение говорящего к миру, к адресату, его интерпретацию условий коммуникации и представлены как на уровне системного (словарного) значения, так и на уровне реализации в речи. Ср.: социальные компоненты, выделенные Л. П. Крысиным [7] и Ю. Д. Апресяном [8]. Например: *бранить, дерзить, грубить, лебезить* и др. в своем значении имеют компонент «неравенство социальных ролей коммуникантов» (*внук дерзит, грубит бабушке; бабушка бранит внука, но не наоборот: внук бранит бабушку, бабушка грубит внуку*).

Прагматические семы представляют собой разнородный массив (идеологический, национально-культурный, гендерный, возрастной, статусный и др. микрокомпоненты), однако содержащаяся в них информация об

определенных параметрах речевой ситуации (пол, возраст, социальный статус участников коммуникации, интенции и взаимоотношения говорящих и др. и о национально-культурных стереотипах) позволяет объединять подобные семы в прагматический макрокомпонент.

Набор прагматических сем остается открытым – в этом особая сложность в моделировании макрокомпонента. Расширение состава прагматических компонентов делает это множество размытым, с нечетко очерченными границами. Построение модели предполагает учет следующих параметров: состав, статус и возможность взаимодействия микрокомпонентов.

Способы отражения указанных содержательных элементов значения слова в толковых и системных словарях – вопрос дискуссионный. Существует два возможных решения проблемы семантизации прагматического содержания слова: не отражать вовсе как менее существенную информацию о лексической единице (возможности семного варьирования обычно не фиксируются в словаре) или стремиться к максимально полному представлению коммуникативных особенностей слова. Так, Г. Н. Скляревская считает, что прагматические смыслы должны быть представлены и описаны в словарях, и они находят свою лексикографическую интерпретацию, возможно, не полную и не последовательную: «Сфера лингвистической прагматики и толкового словаря как будто бы противопоставлены во всех отношениях. Сущность словаря – организация языковой картины мира, статически представленной в лексической системе; сущность прагматики – неуловимое поведение языковых и внеязыковых элементов в разнообразных и неустойчивых актах речи. Словарь показывает закрытое множество элементов; прагматика изучает

практически неисчислимое и с трудом классифицируемое количество отношений. Словарь ориентирован на объективность и отчужден от субъекта речи; прагматика изучает языковой материал в связи с субъектом речи» [9, с. 69].

Авторы классических словарей, не ставя специальной лексикографической задачи (не разрабатывая способов семантизации прагматического содержания), так или иначе, порой непоследовательно, фиксировали эту информацию с помощью традиционного лексикографического инструментария: толкования, помет, словарного комментария и иллюстративного материала.

Так, семантизация идеологического содержания в словаре обычно сводится к следующим основным типам: прагматическая семантика эксплицитна, легко прочитываема, «навязана» читателю словаря, либо она имплицитна, «спрятана», например, в иллюстративном материале, либо недосказана лексикографом в силу разных причин (недостаточная изученность структуры и содержания прагматического компонента в значении слова или намерение скрывать/искажать этот смысловой слой в силу определенных идеологических установок словаря) [10].

Следующим нерешенным вопросом, относящимся к исследованию прагматической семантики, является вопрос о структуре макрокомпонента, о статусе и о возможных комбинациях микрокомпонентов.

Можно выделить основные микроблоки, объединяющие компоненты прагматического содержания: 1) социальный компонент + оценка (эмотивная или рациональная); 2) гендерный компонент + оценочный; 3) идеологический компонент + оценочный; 4) социальный + возрастной + оценочный; 5) национально-культурный + оценочный + образный; 6) национально-культурный + гендерный +

оценочный; 7) этнический + социальный + оценочный и пр.

Проиллюстрируем некоторые комбинации прагматических составляющих: *куриные мозги* – *cervello di formica* (муравьиные мозги – в итальянском языке) – национально-культурный компонент связан с компонентом «эмотивная оценка» и компонентом «образность»; глагол *щебетать* в значении «говорить быстро, без умолку» [11] имеет комментирующую помету «обычно о детях, молодых женщинах» и передает, кроме образности, гендерную, возрастную и оценочную семантику (шутливое, одобрительное отношение).

По отношению к мужчине этот глагол актуализирует совсем иную семантику: «говорить бойко, быстро, подобострастно, угодливо, желая понравиться собеседнику + отрицательная, презрительная оценка», не зафиксированную словарями. Ср.: – *Яков Ильич!* – *Яков Ильич! Вы здесь? По какому случаю? – защебетали, кланяясь, оба регистратора* (Ф. Достоевский. Двойник).

Совмещение идеологического («свой – чужой») и оценочного компонентов обнаруживается в значительной части религиозной лексики: *религия* – взгляды и представления, **основанные на мистике**, на вере в **чудодейственные силы и существа**. <...>. *Религия есть опиум народа, – это изречение Маркса есть краеугольный камень всего миросозерцания марксизма в вопросе религии* Ленин. *Религия есть один из видов духовного гнёта, лежащего везде и повсюду на народных массах, задавленных вечной работой на других, нуждою и одиночеством*. Ленин [12]. Компонент «свой – чужой» связан по обыкновению в структуре прагматического макрокомпонента с аксиологическим содержанием, в подавляющем большинстве случаев отрицательным.

В слове *мымра*, по данным словарей, дискурсивного анализа и психолингвистического

эксперимента, обнаруживается, кроме эмотивной оценки, гендерный и возрастной компоненты: *Глаза и нос живут отдельно. И эта мымра играла когда-то снегурочку?* (Н. Крышук. Отступление // «Звезда», 2003); *Вгляделся: не мымра, вполне симпатичная и молодая* (П. Сиркес. Труба исхода (1990–1999)); *А еще никогда не забуду как престарелая властная училка подняла и мучала вопросом на уроке одноклассницу, а когда та дала неправильный ответ, мымра как заорет на нее во весь голос: «ДУРА! !!!!!»* (Сегодня в топе блогов история учительницы (блог) (2008)) [13].

Сквозной семой во всех названных выше комбинациях является эмотивная или рациональная оценка. Нетипичная нейтрализация оценочного компонента наблюдается лишь в лексемах, содержащих национально-культурную семантику (в частности, в безэквивалентной лексике). Ср.: *самовар, сарафан, щи* для тех, кто изучает русский язык как иностранный; с другой стороны, наименования, например, городских пространств с ярким национальным колоритом: *campo* (площадь в Венеции), *prato* (площадь в Падуе), *largo/larghetto* (небольшое расширение на городской улице) и др. Компонент «чужой», который обычно сопровождается отрицательной оценкой, трансформируется здесь в сему «экзотический, необычный, привлекающий внимание».

Подобный статус интегральной семы обнаруживается и у компонента «свой – чужой». Отметим, что этот компонент оказывается актуальным не только для «советизмов» (или, как мы выявили, для религиозной лексики), но и других фрагментов словаря. Обозначим группы лексики, содержащей в значении семантическую оппозицию «свой – чужой»:

1. Политическая лексика: *товарищи, товарищи из братских коммунистических партий, соратники по партии, верные ленинцы, западные партнеры, политические оппоненты, либералы, демократы, почвенники, патриоты* и др.

2. Конфессиональная лексика: *православие, мусульманство, иудаизм, религия, Бог, Всевышний* и др.

3. Номинации по национальным, расовым, этническим признакам, которые во все времена потенциально содержали идеологический компонент. Нейтральные, по данным словарей, в реальной коммуникации они обрастают отрицательными созначениями: *кавказец, лицо кавказской национальности, грузин, чеченец, немец, еврей, цыган, чукча* и др.

4. Номинации лиц традиционной/нетрадиционной сексуальной ориентации: *гетеросексуалы, гомосексуалисты, голубые, лесбиянки, сексменьшинства, гейропа* и др.

5. Наименования по территориальному признаку (центр – периферия): *регионы, периферия, столицы, мегаполис, город, деревня, село, глухомань, замкадыши* «те, кто проживает за московской кольцевой автодорогой» (из телепередачи на телеканале НТВ) и т. д.

6. Социально-профессиональная лексика: *милиция – полиция, менеджер – управленец, разведчик – шпион* и др.

Во всех перечисленных группах наблюдаются интенсивные динамические процессы, которые связаны с появлением/возвращением/вытеснением/сменой идеологически маркированных значений. Именно этот лексический слой наиболее остро реагирует на социально-экономические и политические изменения в обществе.

Политическое пространство не единожды резко изменилось за последние 25 лет: соратников по партии в мире осталось не-

много, поэтому потребовались новые номинации: на смену *товарищам* и *не-товарищам* пришли другие наименования. Можно сказать, что складывается синонимическая группа лексем, изначально обозначающих субъектов в их совместной деятельности: *партнеры, союзники, коллеги* и др. Чтобы проследить логику развития семантико-прагматической составляющей лексемы *партнер*, обратимся к разновременным толковым словарям. В словаре Д. Н. Ушакова слово *партнер* имеет следующие значения: (фр. *partenaire*). Соучастник игры. Мой постоянный **партнёр** в шахматы. Не хватает партнера для виста. || Артист, выступающий совместно с другим (в концертах, в пьесах, в цирке и т. д.; театр.). || Конькобежец, идущий в паре с другим (спорт.). || Вообще компаньон, товарищ в каком-н. деле (разг.). Не могу найти партнера для прогулки [12]. Семантика соучастия, «компаньонства» в спорте, игре, театре и пр. фиксируется и в более позднем словаре С. И. Ожегова, однако лексема в названном словаре представлена как полисемант (ср. оттенки значения в словаре Д. Н. Ушакова), второе значение которого отсылает читателя к политическому дискурсу: 1. Участник (игры, танца, выступления) по отношению к другому участнику, а также вообще участник какой-нибудь совместной деятельности. 2. Страна – участник какого-нибудь союза, блока соглашения. *Партнеры по рыбалке, партнер в танцах, партнер по преферансу; торговые партнеры* и др. [14]. Ср.: Должен лишь указать, что понятия «хороший **партнёр**» и «хороший человек» вовсе не совпадают полностью: напротив того, кое в чём друг другу противоречат, и некоторые черты хорошего человека невыносимы за картами; с другой стороны, наблюдая отличнейшего партнёра, иной раз думаешь, что в жизни от него надобно держаться подальше (В. Ф. Ходасевич. Брюсов (1924)) [13].

Соотнесение понятия партнерства с бизнес-сферой начинают фиксировать современные словари. Ср.: 1. Тот, кто принимает участие вместе с кем-л. в какой-л. игре (на сцене, в спорте, в карты и т.п.), в танце. П. по сцене. П. в картах. П. в вальсе. // *Компаньон, товарищ* в каком-л. деле, занятии. П. по домовладению. 2. Офиц. Участник какой-л. совместной деятельности. Надёжный деловой п. Западные партнёры-бизнесмены. Партнёры по переговорам [15].

Семантика бизнес-партнерства у лексемы *партнер* закрепляется и в специальных словарях: юридическое или физическое лицо, являющееся совладельцем компании, фирмы или временным соучастником по определенной операции, сделке [16]; ср. также в социологическом словаре: (от фр. *partenaire* – равноправный участник ч.-л.; англ. *partner*; нем. *Partner*). Один из **равноправных** участников совместной деятельности (в игре, танце, **бизнесе**, на сцене и т. д.) [17].

В контексте нашего исследования наибольший интерес представляет семантика партнерства в бизнесе как новое значение/оттенок значения. Подчеркнем и сему «равноправное участие, равноправный участник», которая определяет вектор современного употребления слова. Ср.: *Наши западные партнеры нам этого просто бы не позволили* (М. Головушкин. *Не можем себе позволить терпеть убытки слишком долго* («Рекламный мир», 2003.04.28); ООО «Стройэлектростиль» – *надежный, грамотный и добросовестный партнер* (ООО «Стройэлектростиль» – *надежный, грамотный и добросовестный партнер* («Пермский строитель», 2004.05.11); *Долголетняя практика доказала, что Минский мясокомбинат – надежный деловой партнер* (Международной специализированной выставке «Белпродукт» – 10 лет

(«Мясная индустрия», 2004.03.29) [13]; *С одной стороны, мы выступаем проводником этой крупной компании в России, с другой мы сможем получить интересный опыт в геологоразведке, в других практиках иметодиках, которыми обладает наш зарубежный партнер* (Р. Денискин, М. Фадеев. «Времена сырьевых блокад ушли в прошлое» (2008.09.15). URL: <http://www.rbcdaily.ru/2008/09/15/industry/79369.shtml>, 2008).

Отметим следующие словосочетания, свидетельствующие о формировании представлений о типах партнеров и партнерских отношений в бизнесе: *стратегический, торговый, сетевой партнер; главный, старший, младший партнеры* и пр.

Итак, во множестве контекстов актуализируются семы «совместная деятельность» и «равноправное участие». Кроме того, слово *партнер* (*деловой партнер*), отражая непростые отношения участников бизнеса, приобретает такие компоненты, как «соперник» и «конкурент». Ср.: *К двустороннему диалогу с Китаем Вашингтон подходит с тех позиций, что, с одной стороны, КНР – потенциальный региональный соперник США, а с другой – крупнейший торговый партнер, готовый к сотрудничеству в сферах, где стратегические интересы двух стран не вступают в противоречие* (Особенности военно-политического курса США на современном этапе (2004) // «Зарубежное военное обозрение», 2004.07.26) [13].

В последнее десятилетие лексема *партнеры* «осваивает» область политического дискурса. Напомним, что «политическое» значение зафиксировано ещё в словаре С. И. Ожегова: о странах и государствах. Активизация политической семантики связана с необходимостью наименования отношений между государствами, политическими силами, парти-

ями, политическими лидерами. В этом качестве слово претерпевает существенные семантические модификации, суть которых заключается в приобретении разного рода прагматических элементов, призванных выразить широкий спектр официальных позиций, мнений, оценок. Прагматическая составляющая в идеологически маркированной лексике – величина переменная, зависящая от политического климата в стране. Исследование политического дискурса за последние 10–15 лет позволяет проследить динамику семантических модификаций. Самым ярким смысловым сдвигом является ослабление семантики равноправности участников политического процесса и приобретение нейтральным словом прагматических компонентов «свой – чужой» и отрицательной оценочной семантики. Таким образом, лексема из области деловых отношений перемещается в идеологическую область, столь подвижную и изменчивую.

Л. Рубинштейн писал, что «употребляемые нами слова различаются <...> не по тому, соответствуют ли они своим словарным значениям, а по тому, приятны они или неприятны. Причем не столько широким слоям населения (кто их будет спрашивать?), сколько тем, кто облечен властью или же занят ее, власти, пропагандистским обеспечением» (URL: <http://grani.ru/Culture/essay/rubinstein/m.235971.html>).

Именно это и происходит с выражениями *наши западные партнеры, наши европейские партнеры, наши американские партнеры*.

Сочетание (*наши*) *западные партнеры*, применимое к политическим лидерам США и Западной Европы, в течение последних 15-ти лет почти утратило смысловые компоненты «равноправие, доверие, совместная деятельность, сотрудничество» и приобрело идеологически окрашенное значение и на шкале

«свой – чужой» перемещается в сторону семантики противостояния и вражды.

Обратимся к материалам современного политического дискурса: (1) *Наша позиция, пусть не сразу, но находит понимание среди западных партнеров по контактной группе, которые все больше осознают, что не получится решить проблему Косово, если закрывать глаза на грубейшие нарушения решений СБ ООН <...>* (С. Лавров. Выступление на пресс-конференции по итогам переговоров с В. Драшковицем (2004) // «Дипломатический вестник», 2004.07.27); (2) *Сикорский приехал из США, штаты позиционируются (как я понял из основного таймлайна) как основной внешнеполитический партнёр <...>* (Авиация противоборствующих сторон в Баргузинском конфликте (2011)); (3) *Отношения и с западноевропейскими партнерами, и с США меняются* (Е. Григорьева, В. Рушайло: «Совбез – это инструмент в руках президента» (2002) // «Известия», 2002.06.04) [13]; (4) *Суверенный фонд Саудовской Аравии Public Investment Fund (PIF) в рамках партнерства с Российским фондом прямых инвестиций намерен вложить в проекты на территории России 10 миллиардов долларов. Как сообщил Интерфаксу глава РФПИ Кирилл Дмитриев, это крупнейшее обязательство иностранного инвестора в истории российского фонда и одно из крупнейших в мире партнерств подобного рода* (URL: www.novayagazeta.ru/news/1695017.html); (5) *Сейчас, в связи с последними трагическими событиями, мы ожидаем повышения тарифов у западных партнеров – перестраховщиков* (Пока гром не грянет... Вся наша жизнь – это продолжительный страховым случай, уверены наши читатели (2001) // «Известия», 2001.11.04); (6) *Путин в итоге вновь перешел к одной из своих любимых тем: «западные партнеры», формально защищая*

либеральную экономику, действуют порой совсем не рыночными, а бюрократическими способами (Е. Григорьева. Проявить и закрепить. Путин не хочет создавать «теплицы» для сельского хозяйства (2002) // «Известия», 2002.07.02) [13]; (6) Лавров: **западные партнеры** так и не преодолели мышление холодной войны (URL: <http://ria.ru/politics/20140928/1025941563.html>); (7) Якунин рассказал, как **западные партнеры** сами себя наказали (URL: <http://svpressa.ru/economy/news/124296/>); (8) Путин: **западные партнеры** подставились с санкциями (URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2133672>); (9) Президент России Владимир Путин, комментируя в ходе ПМЭФ причины украинского кризиса, заявил, что **западные партнёры** РФ «впали в эйфорию» (URL: <http://www.segodnia.ru/news/162210/>); (10) Нервничают чего-то **европейские партнеры**... Шебутные какие-то стали! Вот раньше было хорошо и душевно... Бродил по Европе запущенный Марксом призрак коммунизма, вызывая своими стенаниями у довольного обывателя лишь легкую усмешку... (URL: <http://vegchel.ru/index.php?newsid=11147>).

В публицистических текстах 2000–2005 гг. выражения *наши западные/европейские партнеры* используются как нейтральные обозначения политических лидеров Западной Европы и США (контексты 1–4). Параллельно начинается процесс актуализации отрицательных идеологических коннотаций: нейтральное сочетание, попав в отрицательно «заряженный» политический контекст, приобретает резко негативную семантику. Складывается портрет **западных партнеров** – перестраховщиков, бюрократов, не преодолевших мышление холодной войны; недальновидных (*подставились с санкциями*), суетливых (*шебутные какие-то стали*), коварных (контексты 5–10).

Очевидно, что в современном политическом дискурсе лексема приобретает особые коннотации, связанные с идеологической семантикой «свой – чужой»: слово *партнеры* каждый раз напоминает нам, что речь не идет о товарищах. Ср.: «Больше того, нас все равно не принудить к действиям, которые от нас хотят видеть **западные партнеры**. Даже если не будет SWIFT, мы будем еще упрямее настаивать на том, что мы правы» – сказал первый вице-премьер (С. Алексашенко. URL: <http://echo.msk.ru/blog/aleksashenko/1485028-echo/>).

Сходные коннотации приобретают номинации *наши западные коллеги, политические персонажи, союзники и оппоненты*. Идеологическая и оценочная семантика «противники, соперники, враги» характеризует весь этот синонимический ряд, в который втягивается и лексема *оппоненты*, имеющая следующее словарное значение: «(книжн.). Лицо, которое оппонирует кому-нибудь. *Официальный оппонент на защите диссертации*» [11]. Это значение получает дальнейшее развитие, связанное с латинским *opponens* (*opponentis*) – возражающий: 2. *Книжн.* Тот, кто возражает кому-л., **противник в споре**. *Познакомьтесь, мой вечный о. Не спорь, обойдёмся без оппонентов!* [15]. В современном публицистическом дискурсе слово приобретает политическую семантику «сторонник иных политических взглядов, противник».

Политическая дискуссия предполагает корректное отношение к своему собеседнику, чтобы не создавать конфликтной ситуации и не прерывать диалог, необходимый обеим сторонам. Ср.: Секретарь генсовета «Единой России» В. Богомолов напомнил слова лидера партии Б. Грызлова о том, что не нужно лепить из **политических оппонентов образ врага** (А. Колесниченко. Партии: Медвежий

привет «красным» губернаторам // «Аргументы и факты», 2003); – *Именно это и делает нас не противниками, но союзниками, хоть мы и **политические оппоненты*** (Ж. Касьяненко. Бей фашизм – спасай Россию! (2003) // «Советская Россия», 2003.04.08); *Фактически только два города из четырех – Ортаун и Петрополис – в целом соответствовали нормативным представлениям об американской (плюралистической) демократии: в обоих сформировались режимы развитой демократии, граждане могли участвовать в политической жизни города без серьезного риска санкций со стороны своих **политических оппонентов*** (В. Ледяев. Изучение власти в городских сообществах: основные этапы и модели исследования // «Неприкосновенный запас», 2010) [13].

Однако реальная речевая практика показывает, что слово *оппонент* актуализирует оценочную семантику «чужой», «противник наших политических взглядов»: *Характерная черта ельцинско-путинской политики – воровство голосов, надругательство над волей избирателей, устранение **политических оппонентов**, вплоть до силового и физического* (Пресс-служба фракции КПРФ. Г. А. Зюганов: Только КПРФ предлагает реальную программу вывода страны из кризиса (2003) // «Советская Россия», 2003.08.15) [13].

Сформированные в последнее десятилетие политические клише активно используются в публицистике как своеобразный фильтр, через который пишущий интерпретирует события начала и середины прошлого века: *На следующий день Гитлер представил на подпись Гинденбургу декрет «Об охране народа и государства», послуживший основанием для расправы с **политическими оппонентами*** (В. Абаринов. Личный Распутин фюрера (2003) / «Совершенно секретно»,

2003.07.07); *В результате большевики обеспечили себе изрядную поддержку в народе и освободили себе руки для подавления **политических оппонентов*** (Г. Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода (2004)); *В ходе переговоров в Лондоне и Вашингтоне Молотову удалось убедить **западных партнеров** по коалиции подписать советско-английское и советско-американское коммюнике, содержавшие формулировку о достижении полной договоренности «в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году»* (В. Невежин. Кровавое лето 44-го. Нормандский вариант (2004) // «Вокруг света», 2004.06.15) [13].

Лексема *коллеги* в составе анализируемого синонимического ряда также приобретает семантику «оппонент, соперник, конкурент». Все лексемы синонимического ряда *партнер, коллега, союзник* выполняют прагматическую «маскировочную» функцию: политический дискурс обязывает к соблюдению основных коммуникативных норм, поэтому употребляются нейтральные языковые единицы (если судить по словарю), однако адресат без труда считывает все идеологические оценочные смыслы, которые формируют образ внешнего врага.

Именно так воспринимается сочетание *западные, европейские, американские коллеги*: от нейтрального (контексты 1–4) до категорически отрицательного, политически чуждого (контексты 5–7):

(1) *Не отрицая выдающейся роли Курчатова, мои **западные коллеги** говорят, что в Харуэлле он открыл работы по прямым разрядам, которые уже тогда выглядели достаточно бесперспективно* (Е. Велихов. От ядерной бомбы к атомной станции (2003) // «Вестник РАН», 2004); (2) *Прежде всего мы должны опережать наших **западных коллег***

(М. Прохоров, Г. Месяц. Водородная энергетика и топливные элементы // «Вестник РАН», 2004); (3) *Соотношение цена/качество у отечественного оборудования пока еще существенно ниже, чем у западных аналогов, потому что мы похожи на маленькое ателье, вынужденное обходиться без кредитной поддержки банков и не избалованное вниманием государства, а наши западные коллеги и конкуренты – мощные машиностроительные супермаркеты, способные учесть в ценах на свою продукцию будущие прибыли ее покупателей* (С. Шевцов. Наши клиенты – все металлурги (2003) // «Металлы Евразии», 2003.11.03); (4) *Чего же всё-таки не хватает российским учёным, чтобы успешно конкурировать с западными коллегами?* (Е. Лозовская. Наука в рамках рационального бюджета // «Наука и жизнь», 2009) [13]; (5) *Западные коллеги по «двадцатке» оказали президенту России холодный прием* (URL: <http://www.rbcdaily.ru/politics/562949992985107>); (6) *Блоковая дисциплина: Лавров заявил, что западные коллеги говорят об Украине не то, что думают* (URL: <http://www.youtube.com/watch?v=n09GYwzuTt0>); (7) *Зато как они демократично заседали на западных коллег, которые посмели напечатать разоблачения о реконструкции Кремля* (И. Дедюхова. Я обвиняю! (2003) // «Лебедь» (Бостон), 2003.12.21) [13].

Коллеги как стороны, занятые одним видом деятельности, могут сотрудничать, соперничать, конкурировать в науке, экономике, бизнесе, спорте. Когда же слово употребляется в политическом дискурсе, его прагматическая семантика зависит от референта, коммуникативной ситуации, политических реалий и господствующей идеологии. По сути, мы имеем дело с оценочной энантиосемией, когда знак оценки зависит от интенций говорящих.

Выявленный окказиональный синонимический ряд является открытой подсистемой, в которую втягиваются значения, даже противоположные по оценочной семантике (*коллега, союзник*). Обычно *союзники* противопоставлены по семантике *противникам*: *Менялись лозунги, менялись темы дискуссий, менялись союзники и противники, а полная власть оставалась только в собственных руках!* (А. Солженицын. В круге первом (1968) // «Новый Мир», 1990) [13]. Однако, попадая в политический эмотивно заряженный контекст, который насыщен энантиосемичными словосочетаниями *наши западные партнеры, наши европейские коллеги, наши американские оппоненты*, слово *союзники* тоже может приобрести значение-перевертыш: *Когда наш президент неповторимо произносит слова «наши партнеры», каждый из нас отчетливо слышит – «эти сволочи». Я думаю, что и слово «союзники» вот-вот обретет новый смысл <...>* (А. Орехъ. Союзнички. URL: <http://echo.msk.ru/blog/oreh/1528160-echo/>).

Мы проанализировали способы прагматически маркированного обозначения внешних врагов (тех, кто придерживается иных политических позиций). Особого разговора заслуживает «словарь» наименований и характеристик внутренних оппонентов власти – это следующий сюжет настоящего исследования. Напомним слова Л. Рубинштейна: «<...> активно осуществляемая прямо на наших глазах практика словоупотребления позволяет нам самим сделать черновой набросок этого "Суверенного толкового словаря политических терминов". Или хотя бы начать собирать для него "рабочие материалы"» (Л. Рубинштейн) (URL: <http://grani.ru/Culture/essay/rubinstein/m.235971.html>).

Динамические процессы в этой микросистеме, запущенные социально-экономиче-

скими изменениями в обществе, не ограничиваются только политическим дискурсом – слово *партнер*, существенно расширяет свои сочетаемостные возможности (*компьютер-партнер, айфон-партнер, мобильник-партнер*): *Мышь для него главный партнер и соратник в работе* (О. Андреева. Мышиное животноводство // «Русский репортер», № 28 (156), 22–29 июля 2010, 2010) [13].

Подведем итоги. Динамические процессы в области идеологически маркированной лексики состоят в подавляющем большинстве случаев в развитии семантической структуры слова и семном варьировании системного лексического значения. В зону прагматически маркированной лексики перемещается значительный фрагмент нейтрального словаря – политический дискурс требует постоянного обновления идеологических и оценочных ресурсов.

Полученные результаты связаны с дальнейшим развитием коммуникативной теории лексического значения, обусловлены обра-

нием к проблеме моделирования прагматического макрокомпонента в семантике слова, а также с последующей разработкой моделей словарных статей и описанием способов отражения лингвистически значимой информации: идеологического, национально-культурного, гендерного, социального, эмотивно-оценочного и др. компонентов в их соотношении друг с другом.

Описание прагматически маркированной лексики является основой создания компьютерной базы данных прагматически маркированной лексики. В компьютерной базе данных единицы будут снабжены разными видами лингвистически релевантной информации: семантической, прагматической, функциональной и стилистической. Базы данных будут выполнены в формате электронной таблицы СУБД *MySQL*, что делает их доступными для широкого круга пользователей: исследователей, преподавателей русского языка и русского языка как иностранного, лингвистов-экспертов, переводчиков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Телия В. Н.** Коннотация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Большая российская энциклопедия, 1991. – С. 236.
2. **Шведова Н. Ю.** Типы контекстов, конституирующих многоаспектное описание слова // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. XI Виноградовские чтения. – М.: Наука, 1982. – С. 142–154.
3. **Лукьянова Н. А.** Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1986. – 227 с.
4. **Апресян Ю. Д.** Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. – М.: ИЯ АН СССР, 1987. – С. 3–22.
5. **Скляревская Г. Н.** К вопросу о прагматической информации в толковом словаре: возможны ли прагматические пометы? // Лингвистическая прагматика в словаре. – СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 1997. – С. 6–13.
6. **Телия В. Н.** Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 141 с.
7. **Крысин Л. П.** Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. – М.: Наука, 1989. – 256 с.
8. **Апресян Ю. Д.** Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. Т. II. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 766 с.

9. **Скляревская Г. Н.** Прагматика и лексикография // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – М.: Ин-т русского языка РАН, 1995. – С. 63–71.
10. **Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А.** Идеологическая семантика как объект лексикографирования разновременными словарями // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2015. – № 2 (24). – С. 28–40. DOI: 10.15293/2226-3365.1502.02
11. **Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.** Толковый словарь русского языка. – 2-е изд. – М.: АЗЪ, 1994.
12. **Толковый** словарь русского языка / под ред. проф. Д. Н. Ушакова: в 4 т. – М.: Советская энциклопедия, 1935–1940.
13. **Национальный** корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 17.07.2015 г.).
14. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. М.: РАН. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова, 1999.
15. **Большой** толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норит, 1998.
16. **Экономический** словарь [Электронный ресурс]. – URL: http://gufo.me/content_eco/partner-28135.html#ixzz3frIX0cDW (Дата обращения: 17.07.2015).
17. **Социологический** словарь [Электронный ресурс]. – URL: http://gufo.me/content_soc/partner-3816.html#ixzz3frIeup6E (Дата обращения: 17.07.2015).

DOI: [10.15293/2226-3365.1505.01](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1505.01)

Bulygina Elena Yurievna, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor of Modern Russian Language Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

E-mail: bulyginalena2010@mail.ru

Tripolskaya Tatiana Aleksandrovna, Doctor of Philology Sciences, Professor of Modern Russian Language Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

E-mail: tr_tatiana@mail.ru

INTERPRETATIONAL POTENTIAL PRAGMATICALLY MARKED WITH THE WORD : INTERACTION IDEOLOGICAL AND EVALUATIVE COMPONENT

Abstract

The interests of modern linguistics extended considerably. Now it investigates the most sophisticated, subtle, nearly indiscernible matters of semantics. In recent years many linguists focused their interests on pragmatic components of lexical meanings – “the thinnest matter of the word” – as an object of semantic, pragmatic and lexicographic description.

In the present Project the essential problems for discussion are Pragmatic Semantics, the speaker – language sign interrelations. The problem that demands a combined systematic, structural and communicative approach is description of lexical meanings. There are certain pragmatically marked elements of human lexicon that should be revealed and described systematically.

Another important task is to classify various micro-components comprising a larger structure of the pragmatic macro-component of the lexical meaning, and analyze their textual potential. Solutions of these theoretical problems are necessary for creation of correct models for lexicographic description and typology of Pragmatically Marked Lexicon. The ‘pragmatic words’ are gathered, for example, in active type dictionaries or in special computer databases.

Keywords

Semantics, pragmatic macrocomponent, dynamic processes, ideologically marked vocabulary

REFERENCES

1. Telia V. N. Connotation. *Linguistic encyclopedic dictionary*. (Ed.) V. N. Yartseva. Moscow, Great Russian Encyclopedia Publ., 2002, 236 p. (In Russian)
2. Shvedova N. Yu. Types of contexts, constituting a multifaceted word description. *Russian language. Text as a whole and parts of the text*. XI Vinogradov Readings. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 142–154. (In Russian)
3. Lukyanova N. A. *Expressive vocabulary conversational use: Challenges in semantics*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1986, 227 p. (In Russian)
4. Apresyan Yu. D. Pragmatic information for explanatory dictionary. *Pragmatics and problems intentionality*. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1987, pp. 3–22. (In Russian)

5. Sklyarevskaya G. N. On the question of pragmatic information in the Dictionary: are pragmatic letters? *Linguistic pragmatics in the dictionary*. St. Petersburg, Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences Publ., 1997, pp. 6–13. (In Russian)
6. Telia V. N. *Connotative aspect of semantics of nominative units*. Moscow, Nauka Publ., 1986, 141 p. (In Russian)
7. Krysin L. P. *Sociolinguistic aspects of the study of modern Russian language*. Moscow, Nauka Publ., 1989, 256 p. (In Russian)
8. Apresyan Yu. D. *Selected Works. Integral description of language and systemic lexicography*. V. II. Moscow, School Languages of Russian Culture Publ., 1995, 766 p. (In Russian)
9. Sklyarevskaya G. N. Pragmatics and lexicography. *Language – system. Language – text. Language – the ability*. Moscow, Institute of Russian Language of the RAS Publ., 1995, pp 63–71. (In Russian)
10. Bulygina E. Yu., Tripolskaya T. A. Ideological semantics as object lexicographically different-temporal dictionaries. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2015, no. 2, pp. 28–40. (In Russian)
11. Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. *Dictionary of Russian language*. Moscow, Az Publ., 1994. (In Russian)
12. *Dictionary of Russian*. (Ed.) D. N. Ushakov, 4 vol., Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1935–1940. (In Russian)
13. *Russian National Corpus*. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 17.07.2015). (In Russian)
14. Ozhegov S. I. *Dictionary of Russian language*. Moscow, Institute of Russian Language V.V. Vinogradov Publ., 1999. (In Russian)
15. *Great Dictionary of the Russian Language*. (Ed.) S. A. Kuznetsov. St. Petersburg, Norit Publ., 1998 (In Russian)
16. *Economic Dictionary Corpus*. Available at: http://gufo.me/content_eco/partner-28135.html#ixzz3frIX0cDW (accessed: 17.07.2015). (In Russian)
17. *Sociological Dictionary*. Available at: http://gufo.me/content_soc/partner-3816.html#ixzz3frIeup6E (accessed: 17.07.2015). (In Russian)

© Д. О. Добровольский

DOI: [10.15293/2226-3365.1505.02](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1505.02)

УДК 811.11 – 112 + 81'384

КОРПУСЫ ТЕКСТОВ И ДВУЯЗЫЧНАЯ ФРАЗЕОГРАФИЯ*

Д. О. Добровольский (Москва, Россия)

В статье обсуждаются способы составления двуязычных фразеологических словарей с использованием корпусных данных. Обращение к корпусам позволяет не только улучшить состав иллюстративных примеров, но и решить целый ряд проблем, связанных с отбором описываемых единиц и структурированием словарной статьи. В качестве источника эмпирического материала используется создаваемый в настоящее время новый немецко-русский фразеологический словарь, фрагменты которого доступны на сайте «Deutsch-russische Idiome online» (http://wvonline.ids-mannheim.de/idiome_russ/index.htm) на портале Института немецкого языка в Мангейме. Соответствующая информация может быть получена также на сайте Европейского общества по изучению фразеологии Europhras (<http://www.europhras.org>) немецко-русского фразеологического словаря, в основе которого лежат данные корпусов. В работе над словарем используется в первую очередь корпус DeReKo (Das Deutsche Referenzkorpus – Institut für Deutsche Sprache, Mannheim), но в отдельных случаях также и DWDS (Korpora des Digitalen Wörterbuchs der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts – Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften, Berlin). Некоторые примеры употребления заимствуются из немецкоязычного Интернета. Используются и немецко-русские параллельные тексты НКРЯ.

Ключевые слова: корпусы текстов, двуязычная лексикография, фразеология, идиома, немецкий язык, русский язык.

В данной работе рассматриваются принципы составления двуязычных фразеологических словарей на основе корпусов текстов. Обращение к корпусам открывает для фразеологии ряд дополнительных возможностей. Так, работа с корпусом позволяет:

– определить частотность каждой из включаемых в словарь идиом;

– определить, можно ли считать данное словосочетание идиомой;

– определить стандартную с точки зрения современного узуса форму леммы, уточнив модели управления соответствующих идиом;

– определить набор наиболее значимых вариантов каждой идиомы;

* Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант 15-04-00507а) и РФФИ (грант 13-06-00403).

Добровольский Дмитрий Олегович – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук.

E-mail: dm-dbrv@yandex.ru

- определить структуру полисемии каждой идиомы и уточнить описание ее конкретных значений;
- подобрать, пользуясь материалом корпусов, наиболее адекватные соответствия для каждого значения идиомы, включая переводы конкретных примеров;
- описать типичные модификации структуры каждой идиомы;
- определить типичное окружение описываемых идиом и типы контекстов, в которых их появление воспринимается как наиболее естественное.

Обсуждаемые принципы иллюстрируются с помощью материалов создаваемого в настоящее время нового немецко-русского фразеологического словаря, в основе которого лежат данные корпусов. Это в первую очередь корпус DeReKo (Das Deutsche Referenzkorpus – Institut für Deutsche Sprache, Mannheim), но в отдельных случаях также и DWDS (Korpora des Digitalen Wörterbuchs der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts – Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften, Berlin). Некоторые примеры употребления заимствуются из немецкоязычного Интернета. Используются и немецко-русские параллельные тексты НКРЯ. Рабочее название этого лексикографического проекта – «Современная немецкая фразеология: немецко-русский корпусный словарь».

Необходимость создания нового словаря, в котором содержались бы наиболее употребительные современные немецкие идиомы с тщательно подобранными русскими соответствиями, с объяснениями, позволяющими правильно употреблять эти идиомы в речи, и с хо-

рошими аутентичными примерами, снабженными переводом на русский язык, не вызывает сомнения. Важно также, чтобы подобный словарь существовал не только как «бумажный продукт», но и выходил (хотя бы частями) в online-версии, что позволило бы не только облегчить пользователям доступ к информации, но и обеспечить ее постоянное обновление и совершенствование. Фрагменты этого словаря размещены в свободном доступе на портале Института немецкого языка в Мангейме на сайте: „Deutsch-russische Idiome online“ (http://wvonline.ids-mannheim.de/idiome_russ/index.htm). Соответствующая информация может быть получена также на сайте Европейского общества по изучению фразеологии Europhras (<http://www.europhras.org>).¹

Использование корпусов текстов – новый прием в двуязычной фразеографии. Традиционные словари строились, как известно, на ограниченном массиве примеров, причем примеров, как правило, случайных. Часто употребление фразеологизмов вообще оставалось не проиллюстрированным. Преимущества использования корпусов состоят не только в более подробной и продуманной экзemplификации описываемых выражений, но и в тех дополнительных возможностях, которые корпусный материал предоставляет для формирования словника и построения словарной статьи.

В данной статье мы также попытаемся сформулировать некоторые общие принципы современной двуязычной фразеографии, которые могут оказаться интересными и вне зависимости от конкретного проекта.

¹ Основные участники проекта Е.Б. Кротова, А.В. Шарандин, Т.В. Филипенко, И.С. Парина, В.М. Костева (рук. Д.О. Добровольский). См. об этом проекте также [1].

1. Корпусная фразеогRAFия и межъязыковая эквивалентность

При оформлении зоны эквивалентов в словарях, основанных на корпусных данных, возникают определенные проблемы. Нередко бывает так, что «нормальный» общепринятый эквивалент описываемой идиомы не всегда может быть употреблен при переводе аутентичных контекстов. Отсюда возникает вопрос о сущности межъязыковой эквивалентности. Приведем лишь один пример. «Нормальным» эквивалентом немецкой идиомы *sich (D) die Beine in den Bauch stehen* является русская идиома *отстоять себе все ноги*. Сомневаться в том, что эти идиомы в принципе эквивалентны, было бы несколько странно: они идентичны по актуальному значению и по образной составляющей. Тем не менее, оказывается, что выражение *sich (D) die Beine in den Bauch stehen* может быть переведено на русский язык с помощью идиомы *отстоять себе все ноги* далеко не во всех случаях. Ср.

(1) *Schon am Nachmittag standen sich die Fans die Beine in den Bauch, um ein Autogramm Ullrichs zu bekommen. Fast 200 Meter lang war die Schlange bis zum Tisch, an dem der Radstar <...> Autogramme schrieb. (Mannheimer Morgen, 28.08.2004).* Уже во второй половине дня фанаты *выстроились в длинную очередь*, чтобы взять у Ульриха автограф. Очередь к столу, за которым звезда велогонок раздавал автографы, была почти 200 метров. *Etliche kleinere Läden schließen bereits um 14 Uhr, andere um 16 Uhr. Bei uns ist nachmittags nicht viel los. Warum sollen wir uns die Beine in den Bauch stehen? (Mannheimer Morgen, 20.10.2004).* Одни магазинчики закрываются уже в 14 часов, другие в 16 часов. У нас во второй половине дня не так много народу. Зачем нам тогда *простаивать за прилавком*? Endlose

Warteschlangen winden sich um das Moskauer Puschkin-Museum. Biedere russische Hausfrauen, Veteranen mit Orden am Sonntagsanzug <...>, elegante Moskauerinnen – sie stehen sich stundenlang die Beine in den Bauch für ein paar Blicke auf den Schatz. (Zürcher Tagesanzeiger, 23.04.1996). Бесконечная очередь вьётся вокруг московского Пушкинского музея. Простые российские домохозяйки, ветераны с орденами на груди, элегантные москвички – все они часами *стоят в очереди*, чтобы взглянуть на сокровища.

Дело в том, что русская идиома *отстоять себе все ноги* не употребляется в форме совершенного вида (ср. *отстаивать себе все ноги*), т. е. это *perfectiva tantum*. А немецкая идиома довольно часто встречается в контекстах, фокусирующих длительность и требующих, таким образом, при переводе на русский язык форму несовершенного вида. Следовательно, несмотря на интуитивно ощущаемую эквивалентность выражений *sich (D) die Beine in den Bauch stehen* и *отстоять себе все ноги*, эта эквивалентность не может расцениваться как полная. Для лексикографа, заинтересованного в максимально точном описании материала, такие случаи оказываются проблематичными. Либо мы признаем, что *sich (D) die Beine in den Bauch stehen* и *отстоять себе все ноги* эквивалентны, но тогда нужно объяснить, почему в ряде контекстов «нормальный» эквивалент оказывается неприемлемым. Либо мы отрицаем, что между выражениями *sich (D) die Beine in den Bauch stehen* и *отстоять себе все ноги* есть отношение межъязыковой эквивалентности и ориентируемся исключительно на перевод конкретных контекстов. Однако такое решение противоречит интуиции.

Из этого положения есть минимум два выхода. Либо мы отказываемся от эквивален-

тов, заменяя их толкованием (при этом в специальной зоне словарной статьи могут приводиться допустимые соответствия на языке цели), либо мы снабжаем приводимые эквиваленты комментарием, указывающим на соответствующие ограничения.

Первое из данных решений используется в «Большом русско-английском фразеологическом словаре» [2]². Написанные по-английски толкования помогают пользователю понять значение каждого русского фразеологизма «изнутри», т. е. без наложения дополнительных (и часто уведующих в сторону) признаков, содержащихся в плане содержания соответствующих английских эквивалентов. Приводимые в отдельной зоне словарной статьи эквиваленты редко совпадают с толкуемым русским фразеологизмом по всем релевантным параметрам.

В нашем словаре мы пошли по второму пути. Так, для обсуждаемой здесь немецкой идиомы *sich (D) die Beine in den Bauch stehen* приводится русский эквивалент *отстоять себе все ноги*, а расхождения в употреблении этих идиом поясняются в комментарии.

С точки зрения теории фразеологии (в частности, ее сопоставительных аспектов) возникает вопрос о сущности межъязыковой эквивалентности. Видимо, целесообразно выделить два различных аспекта эквивалентности:

(а) эквивалентность в переводе, т. е. отношение между данной идиомой языка *L1* и ее переводом на язык *L2* в определенном тексте и

(б) эквивалентность в системе языка, т. е. отношение между сопоставляемыми идиомами языков *L1* и *L2* на системном уровне.

Переводные эквиваленты мы определяем как лексические единицы – в нашем слу-

чае фразеологизмы – соответствующих языков (*L1* и *L2*), которые употребляются в аутентичных текстах на языке *L1* и переводах этих текстов на *L2*. Идеальная эмпирическая база для исследования переводных эквивалентов – это корпуса параллельных текстов. Очевидно, что выбор переводного эквивалента в большой степени зависит от контекста. **Эквиваленты в системе языка** – это более или менее (прежде всего, семантически) сходные идиомы двух или более сопоставляемых языков. Цель исследования и описания эквивалентов этого типа – сопоставление фразеологических систем. Подобное описание дает некое (пусть достаточно огрубленное) представление о совпадениях и различиях в номинационных возможностях фразеологии сопоставляемых языков. Выделяемые на основании данных критериев эквиваленты следует рассматривать как *гипотетические*.

То же самое можно сказать и об эквивалентности в переводе, поскольку очевидно, что она задается общими параметрами текста, а не отдельными лексическими единицами, в том числе идиомами. Иными словами, переводчик ориентируется не на семантическое (и тем более формальное) сходство отдельных лексических единиц (слов или фразеологизмов), а на содержание текста в целом. Таким образом, эквивалентность в переводе – это не та эквивалентность, которую имеют в виду фразеологи, когда описывают межъязыковые соответствия различных типов. Пользователь двуязычного фразеологического словаря, по видимому, также ожидает найти в нем не только и не столько переводные эквиваленты, оправданные – в предельном случае – лишь особенностями соответствующего контекста, сколько относительно стабильные, системно-

² Его первая английская версия вышла в 1995 году в Нью-Йорке [3], вторая – расширенная

и переработанная – в 2013 году в издательстве Йельского университета [4].

ориентированные эквиваленты. Так, поль-зователь ожидает, что, например, в словарной статье немецкой идиомы *sich (D) die Beine in den Bauch stehen* в качестве основного эквивалента появится русская идиома *отстоять себе все ноги*, а на аспектологические особенности их употребления будет указано в соответствующем комментарии. Такое решение представляется более естественным, чем попытка, постулировать словарные соответствия, исходя лишь из конкретных контекстов, доступных лексикографу.³

Одно из важнейших отличий переводческой эквивалентности от системной эквивалентности состоит (помимо того, что первая ориентирована на конкретный текст, а вторая – на лексическую систему) в том, что эквивалентность в переводе – это однонаправленное отношение, в то время как эквивалентность в системе языка определяется как двустороннее отношение. Иными словами, если фразеологизм языка *L1* системно эквивалентен некому *L2*-фразеологизму, это значит, что и данный *L2*-фразеологизм эквивалентен соответствующему *L1*-фразеологизму. Если же речь идет об эквивалентности в переводе, утверждается лишь, что некоторое выражение языка *L2* употреблено в переводе некоторого конкретного текста на языке *L1* так, что между фразеологизмом *L1* из данного текста и этим выражением *L2* имеется отношение смыслового соответствия. Понятно, что если перевод некоторого *L1*-фразеологизма на язык *L2* является его эквивалентом (по крайней мере относительно данного контекста), то это не значит, что данное отношение может быть обращено, т. е. *L1*-фразеологизм не должен рассматри-

ваться как эквивалент выражения, употребленного при переводе этого фразеологизма на языке *L2* (даже если это фразеологизм, что вовсе не обязательно).

К указанным двум различиям можно добавить еще и третье: перевод идиомы, употребленной в тексте оригинала, совсем не обязательно осуществляется с помощью идиомы языка цели. Это может быть отдельное слово, окказиональное образное выражение или перифраза. Более того, свободное словосочетание в языке источника может переводиться в языке цели фразеологизмом. В сферу переводческих эквивалентов попадают не только случаи перевода фразеологизмов *L1* различными способами, но и – отнюдь не столь редкие – пары типа «свободное словосочетание *L1* → фразеологизм *L2*» или «слово *L1* → фразеологизм *L2*». Таким образом, переводческая эквивалентность фразеологизмов оказывается существенно иной категорией, чем системная. Такое понимание переводческой эквивалентности расширяет представления о возможностях межъязыкового перефразирования, а также о роли контекстных условий для подбора адекватного соответствия и способствует развитию как теории перевода, так и сопоставительной фразеологии.

Что касается эквивалентности в системе языка, ее исследование имеет для фразеологии как теоретическое, так и практическое значение. С теоретической точки зрения особого внимания заслуживает вопрос, почему один и тот же концепт на одном языке выражается с помощью идиом, а на другом – нет. Другая (не менее важная) проблема заключается в том, что между принципиально схожими идио-

³ Нужно заметить, что применительно как к системной, так и к переводческой эквивалентности сам термин *эквивалентность* употребляется не вполне строго. Дело в том, что

подлинной эквивалентности (в понимании, максимально приближенном к математическому или логическому) во фразеологии практически не существует.

мами сопоставляемых языков *L1* и *L2* практически всегда обнаруживаются определенные **семантические, прагматические и сочетаемостные** различия, которые должны быть выявлены и описаны. Особенно это важно в тех случаях, когда традиционное описание постулирует отношение «полной эквивалентности», но игнорирует отсутствие функциональной взаимозаменяемости соответствующих идиом.

Для межъязыковой соотнесенности в двуязычном словаре важна **функциональная эквивалентность**. В понятие функционального эквивалента входят значимые ограничения на употребление того или иного *L2*-коррелята в контекстах определенного типа. Функциональным эквивалентом некоторого *L1*-фразеологизма часто оказывается в *L2* слово или словосочетание. При этом не так редки и случаи, когда подобная замена сопряжена с информационными потерями, т. е. абсолютная функциональная эквивалентность оказывается недостижимой. Понятно, что в переводе подобные потери относительно легко компенсируются в рамках более крупных структур. В словарном описании в таких случаях необходим подробный комментарий и/или толкования сопоставляемых единиц. Таким образом, в лексикографическое представление функционального эквивалента, помимо *L2*-коррелята, часто входит комментарий с указанием условий, соблюдение которых обеспечивает сопоставимость данных единиц *L1* и *L2*. Обращение к данным корпусов делает возможным поиск функциональных эквивалентов.

2. Какие дополнительные возможности дает корпус для фразеографии?

Как уже было показано в предыдущем разделе, обращение к корпусам существенно

расширяет возможности лексикографа при создании иллюстративной части словарной статьи и при поиске *L2*-эквивалентов для каждой описываемой единицы входного языка. Правильное использование корпусов дает еще целый ряд дополнительных возможностей, основные из которых были перечислены выше. Попробуем кратко охарактеризовать самые очевидные из них.

2.1. Частота встречаемости. Итак, обращение к корпусам позволяет выявить степень употребительности выражения (по крайней мере, в письменной речи).⁴ Например, выражение *jmdn. mit offenen Armen empfangen* – 2 131 раз, *den Ausschlag geben* – 16 158 раз, *jmdm. um den Bart gehen* – 41 раз, *sich den Bauch vollschlagen* – 381 раз, *am Boden liegen* – 16 104 раза, *jmdm. einen Denkwort verpassen* – 1 668 раз, *jmdm. Druck machen* – 35 462 раза, *auf den letzten Drücker* – 2 675 раз, *der rote Faden* – 16 560 раз, *sich die Finger verbrennen* – 1 588 раз, *jmdm. reißt der Geduldsfaden* – 1 317 раз, *Gift und Galle spucken [speien...]* – 312 раз, *jmdm. zeigen, wo's langgeht* – 728 раз, *zu guter Letzt* – 10 165 раз, *jmdn., etw. in Mitleidenschaft ziehen* – 14 403 раза, *jmdm. etw. in den Mund legen* – 2 939 раз, *etw. an den Nagel hängen* – 6 658 раз, *etw. auf einen (gemeinsamen) Nenner bringen* – 3 640 раз, *die Oberhand haben [behalten]* – 17 702 раза, *an Ort und Stelle* – 17 104 раза, *jmdm. Paroli bieten* – 13 677 раз. Нижняя граница встречаемости выражения для его включения в словник может устанавливаться для каждого конкретного словаря по-разному. Кроме того, нередко оказывается, что относительно низкие показатели частоты встречаемости идиомы в корпусе не означают, что дан-

⁴ Данные по частоте встречаемости приближительные, т. к. зависят от конкретного поиско-

вого запроса и качества полученного из корпусов материала. Кроме того, базы данных постоянно пополняются.

ная идиома малоупотребительна. Многие характерные для разговорного языка идиомы почти не встречаются в письменных текстах. Важно, что благодаря корпусам лексикограф располагает теперь, наряду с опросом информантов, дополнительным средством для определения степени употребительности каждого отдельного фразеологизма.

2.2. Степень идиоматичности и устойчивости выражения. В ряде случаев обращение к корпусам текстов позволяет решить вопрос, относится ли данное конкретное выражение к сфере фразеологии или нет. Например, самый известный и тщательно составленный фразеологический словарь немецкого языка [5] приводит две синонимичные идиомы с глаголом *abberufen* в форме пассива *abberufen werden*: *in die Ewigkeit abberufen werden* и *aus dem Leben abberufen werden*. В корпусе DeReKo представлены следующие синонимичные выражения с данной глагольной формой: *aus dem Leben abberufen werden*, *zur großen Armee abberufen werden*, *in die Ewigkeit abberufen werden*, *ins Jenseits abberufen werden*, *in die ewigen Jagdgründe abberufen werden*, *in die ewige Heimat abberufen werden*, *von/aus dieser Welt abberufen werden*, *aus diesem irdischen Leben abberufen werden*, *aus unseren Reihen [aus unserer Mitte] abberufen werden*, *zu den Scharen der Engel abberufen werden*, *in eine andere Welt abberufen werden*, *in den ewigen Frieden abberufen werden*, *in ein besseres Jenseits abberufen werden*, *für uns alle viel zu früh abberufen werden*, *vom Schöpfer abberufen werden*, *von Gott (dem Herrn) abberufen werden*, *vom Tod (ins Jenseits) abberufen werden*, *von einem gnädigen Tod abberufen werden*. Встречаются также выражения с близким значением, в которых глагол

abberufen употреблен в форме активного залога: *jmdn. will Gott abberufen*, *jmdn. hat der Tod abberufen*.

Этот результат наводит на мысль, что смысл ‘забрать кого-л. из жизни’ – это просто метафорическое значение глагола *abberufen*. Следовательно, речь идет не об идиоме, а о ряде относительно свободных словосочетаний, основанных на метафоре.

Подобные примеры не единичны. Так, весьма известная, кочующая из словаря в словарь идиома *jmdm. eine Gardinenpredigt halten* (ср. [5]: (ugs. scherzh.) ‘jmdm. eine Strafpredigt halten, ihn abkanzeln’) идиомой не является, поскольку существительное *Gardinenpredigt* практически свободно употребляется сегодня в значении ‘нотация’.⁵

2.3. Форма леммы и модели управления. Корпусные данные позволяют уточнить форму леммы, выбрав из всех встречающихся вариантов идиомы самый употребительный (прочие варианты, если они достаточно узусальны, также фиксируются в структуре словарной статьи). Так, все известные немецкие фразеологические словари, включая [5], приводят в качестве базовой формы идиомы *auf [aus] dem letzten Loch pfeifen* вариант *auf dem letzten Loch pfeifen*. Ср. *auf/aus dem letzten Loch pfeifen* (salopp) ‘am Ende seiner Kraft, seiner (finanziellen) Möglichkeiten sein’ [5]; *auf/aus dem letzten Loch pfeifen* (umg.) ‘gesundheitlich/wirtschaftlich usw. in äußerster Bedrängnis sein/gefährdet sein’ [6]; *auf [od. aus] dem letzten Loch pfeifen* ‘(mit der Gesundheit, dem Geld, dem Leben usw.) am Ende sein’ [7]. Однако по данным корпуса DeReKo, вариант *aus dem letzten Loch pfeifen* оказывается намного более употребительным. Далее по результатам корпусного анализа обнаружилось,

⁵ На эти примеры обратила наше внимание И. С. Парина.

что форма *wieder ins (rechte) Gleis bringen*, приводимая в [5] в качестве основной, является существенно менее частотной, чем форма *aufs (rechte) Gleis bringen (jmdn., etw. A)*.

В [8, с. 75–76] приводятся также следующие примеры уточнения формы леммы: *ich glaube [denke], mich laust der Affe; (wie) vom wilden Affen gebissen (worden) sein; (wieder) (festen) Boden unter den Füßen haben* (вместо *(ich denk,) mich laust der Affe!*; *(wie) vom wilden Affen gebissen (sein); festen Boden unter den Füßen haben [bekommen]* в [5]). В последнем случае в специально выделенной для этого зоне дополнительно указываются варианты: реже *(festen) Boden unter den Füßen gewinnen [bekommen, finden...]*, редко *(wieder) (einen, den) sicheren Boden unter den Füßen haben [bekommen]*.

Обращение к корпусу позволило также уточнить модели управления ряда идиом. Например, для идиомы *sich schwarz ärgern (über etw. A)* был обнаружен реже встречающийся вариант заполнения семантической валентности причины: *wegen etw. G*. Ср. также идиому *unter dem Pantoffel stehen*, для которой [5] вообще не указывает модель управления. Корпусные данные свидетельствуют о наличии атрибутивной валентности, которая может заполняться генитивным именем или тяжёлым местоимением.

2.4. Вариативность лексического состава идиомы. Обращение к корпусам помогают обнаружить новые, не зафиксированные в традиционных словарях варианты. Понятно, что все разнообразие вариантов, реально представленное в текстах, не может и не должно отражаться в словарях. Варьирование может быть настолько широким и индивидуальным, что его полная кодификация противоречила бы базовым принципам лексикографии. Однако

часто встречающиеся, не привязанные к индивидуальной авторской манере или к задачам конкретного текста варианты идиомы должны учитываться словарями, претендующими на полноту описания. Тем не менее, словари, как правило, фиксировали лишь какую-то одну, «канонизированную» форму идиомы, которая в ряде случаев оказывалась далеко не самой употребительной. При этом, иногда в словарях (часто непосредственно в форме леммы) представлены варианты, употребительность которых не подтверждается корпусными данными.

Приведем несколько примеров. Словарь [5] фиксирует идиому *eine [die, seine] Schau abziehen [machen]*, указывая на существование второстепенного варианта *eine Show abziehen*. По данным корпуса DeReKo, форма *eine Show abziehen* или *eine Show machen* оказывается наиболее употребительной. А кроме – явно не базового – варианта *eine Schau abziehen [machen]* существует еще и *auf Show machen*. Для идиомы *große Reden schwingen* в [5] в качестве варианта зафиксирована форма *große Reden führen*. Однако в корпусе DeReKo этот вариант употребляется редко – зато встречаются варианты *große Reden halten* и *groß reden*, не отраженные в словаре.

2.5. Семантическая структура идиомы. Еще одно преимущество использования корпусов состоит в расширении возможностей выявления особенностей семантической структуры идиом, в частности в описании многозначности. Традиционные словари редко различают у идиом различные значения, а если и различают – то недостаточно тонко (как правило, не больше двух). Между тем, в результате анализа примеров употребления становится очевидным, что полисемия во фразеологии – весьма распространенное явление. Так, для идиомы *jmdn. in (die) Kur nehmen* в словаре [5] дано толкование ‘высказывать

недовольство поведением кого-л.'. Однако в [9, с. 121] показано, что эта идиома употребляется, в основном, применительно к неодушевленным объектам и в другом значении – 'приниматься за ремонт, улучшение, исправление чего-л.'.

(2) *Am vergoldeten Emblem des Wohlstands brachen etliche Strahlen ab. Die Restauratoren Birgit und Michael D. nahmen die Sonne in Kur.* (Mannheimer Morgen, 30.04.1996). От позолоченного символа богатства откололись несколько лучей. Реставраторы Биргит и Михаэль Д. занялись восстановлением солнца.

Часто в зависимости от значения идиомы, варьирует употребление артикля или модель управления. В этих случаях наличие разных значений имеет формальное подтверждение. Ср. идиому *ins Bild setzen*, где явным образом противопоставлены два способа употребления этого выражения, каждый из которых характеризуется своей актантной структурой:

1. *ins Bild setzen* (jmdn., etw. A) запечатлеть, изобразить (кого-л., что-л.); передать (что-л. – на фотографии, картине, в кино или театре)

2. *ins Bild setzen* (jmdn. über etw. A) сообщить (кому-л. что-л.); ввести в курс дела (кого-л.); просветить (кого-л. насчёт чего-л.)

В первом значении идиома *ins Bild setzen* имеет только валентность прямого дополнения, которая может заполняться как одушевленными, так и неодушевленными актантами (это значение не фиксируется в [5]), во втором – добавляется еще одна валентность *über etw.*

A, а в качестве прямого дополнения может выступать только одушевленный актант. Ср. контексты (3) и (4).

(3) *Dem Fotografen ist es gelungen, Bewegung faszinierend ins Bild zu setzen und den Augenblick festzuhalten.* (Mannheimer Morgen, 28.06.2002)

Фотографу удалось передать движение и остановить мгновение.

(4) *Das Programm musste geändert werden, und Hans-Peter Dott, einer der <...> Verantwortlichen, musste die Besucher erst einmal ins Bild setzen, was der Abend bringen sollte.* (Mannheimer Morgen, 14.12.2002). Программу пришлось изменить, и Хансу-Петеру Дотту, одному из организаторов, пришлось вначале сообщить гостям, что ожидает их в этот вечер.

Встречаются также случаи многозначности, когда различие отдельных значений не поддерживается валентностными сдвигами. Так, идиома *die Gegend unsicher machen* обнаруживает, кроме фиксируемого словарями значения 'sich zeitweilig an einem Ort aufhalten' [5], описание которого явно нуждается в уточнении (это скорее что-то вроде русского *шататься, слоняться*, а не 'временно находиться где-л.'), еще и другое – существенно более употребительное – значение, ср. его русские аналоги *орудовать в округе* (о ворах, хулиганах и т. п.) и *наводить страх на всю округу*. В этом значении возможно варьирование именного компонента: *die Stadt* [редко *den Bezirk, die Lokale* и пр.] *unsicher machen*.

2.6. Словарные эквиваленты. Говоря о словарных аналогах языка L2, следует в первую очередь вспомнить понятие **функциональной эквивалентности**, обсуждаемое в разделе 1 данной статьи. Именно функциональные эквиваленты должны фиксироваться

в качестве стандартных *L2*-коррелятов в зоне перевода леммы или пропозициональной формы. Что касается переводов иллюстративных примеров, они должны в большей степени ориентироваться на условия конкретного контекста и по этой причине могут отличаться от эквивалентов, предлагаемых в качестве стандартных.

Так, одно из значений идиомы *dran glauben müssen* описывается следующим образом: (*jmd., etw.*) *musste dran glauben* – (кто-л.) *пострадал*, (что-л.) *пострадало*; (кому-л.) *не повезло*. В переводе примеров появляются и другие соответствия, ср. (5).

(5) „*Meine neue Frisur ist aus einem Gefühl heraus entstanden. Ich wollte so direkt und klar wie möglich wirken können*“, sagt Alina. *Da mussten dann eben die Haare dran glauben. Erst wurden sie blondiert – und da das noch nicht radikal genug war, kamen sie eben ab.* (*Hamburger Morgenpost*, 18.01.2012). «Моя новая причёска – результат душевного порыва», – говорит Алина. Мне хотелось, чтобы все меня замечали, поэтому *пришлось отказаться от* волос. Сначала я их осветлила, а потом – поскольку это показалось недостаточно радикальным – *сбрила их вообще*.

Ср. также второе значение этой идиомы: (*etw.*) *musste dran glauben* (что-л.) *развалилось*, (что-л.) *разрушилось*; (чему-л.) *пришёл конец* и перевод контекста (6).

(6) *Ein schöner Altbau an der Alsterchaussee wurde plattgemacht, eine prächtige Stadtvilla an der Bismarckstraße musste dran glauben.* (*Nach: Hamburger Morgenpost*, 14.04.2012). Снесли красивый старинный дом на Альстершоссе, потом *пришёл черёд* прекрасной городской виллы на Бисмаркштрассе.

Заметим, что значение этой идиомы ‘умереть, погибнуть’, отмечаемое всеми известными словарями как основное, практически не встречается в современных текстах.

2.7. Модификации структуры идиомы. Как известно, реальное употребление идиом характеризуется широкой вариативностью формы и семантики. Причем речь идет не только о вариантах, которые можно рассматривать как версии той же самой формы, а и самых разнообразных – лексических и синтаксических – модификациях, в том числе и игровых. Использование корпусов текстов позволяет выявить подобные модификации и указать, какие их типы являются наиболее употребительными для каждого конкретного выражения. В ряде случаев полезно отмечать не только типичные трансформации, но и единичные модификации, особенно если они носят нетривиальный характер и раскрывают структурно-семантический потенциал идиомы.

Приведем пример. К нетривиальным синтаксическим особенностям употребления идиом, которые довольно часто встречаются в корпусах, относится фронтирование идиомы. Строго говоря, фронтирование может быть и не связано с модификацией структуры выражения, но поскольку перемещение идиомы в начало высказывания приводит к изменению его информационной структуры, в целом высказывание, содержащее идиому, претерпевает коммуникативные преобразования, а сама идиома меняет свой тема-рематический статус. Обычно идиомы употребляются в рематической части высказывания. Фронтирование часто приводит к тому, что идиома становится темой, ср. (7–8). А в некоторых случаях мы имеем дело с еще более сложным преобра-

зованием информационной структуры высказывания – экспрессивной препозицией ремы⁶, ср. (9).

(7) *Er war kein „Hardliner“, sondern jemand, der zuhören konnte, Kompromisse suchte und einging. Mit der Faust auf den Tisch hauen, das war nicht seine Sache. (St. Galler Tagblatt, 19.05.1998)*

Он не был сторонником жесткого курса, он умел слушать, искал компромиссы и вникал в ситуацию. *Стучать кулаком по столу* было не в его стиле.

(8) *Leben wie Gott in Frankreich – das bedeutet nicht nur in geselliger Runde bei einem Glas Rotwein dem Sonnenuntergang zuzuschauen. (Frankfurter Rundschau, 16.01.1999)* *Жить беззаботно* означает не только наблюдать за закатом солнца в приятной компании за бокалом красного вина.

(9) *Unter die Haut gehen vor allem seine Berichte von Reisen in Länder und Städte, die im Reiseführer unter „nicht empfehlenswert“ verzeichnet sind. (Rhein-Zeitung, 29.01.2010)* *Берут за душу* в первую очередь его рассказы о путешествиях в страны и города, которые в путеводителях снабжены надписью «не рекомендуется посещать».

К фронтированию идиомы примыкают случаи фронтирования какой-то ее части. Понятно, что модификации такого рода связаны с семантической членимостью идиомы. Обособляться и переноситься в начало высказывания могут лишь части выражения, обладающие относительно самостоятельным значением. Часто фронтирование части идиомы связано с синтаксической трансформацией ее

структуры. Это может быть, например, номинализация глагольного выражения и преобразование его части в придаточное определенное, ср. (10). Иногда русский перевод отражает модификацию фронтирования (11), иногда – нет, ср. (12). Это связано с тем, что русские переводные эквиваленты не всегда обладают той же степенью структурной подвижности, а соответствующие группы компонентов не всегда в достаточной мере автономны семантически.

(10) *Das Lehrgeld, das viele Firmen damals bezahlt haben, kann sich nun, da sich wieder eine Krise ankündigt, als gute Investition erweisen. (Nürnberger Nachrichten, 12.10.2011)* Тот *горький опыт*, за который многим фирмам тогда пришлось *заплатить*, может теперь, на фоне надвигающегося нового кризиса, оказаться хорошей инвестицией.

(11) *In der Haut der Airbus-Mitarbeiter möchte man nicht stecken. Erst hörten sie von Sparprogrammen, dann mussten sie Arbeitslosigkeit und sogar Schließung ihrer Werke fürchten. (Hannoversche Allgemeine, 26.03.2008)* В *шкуре* сотрудников компании Эйрбас никто не хотел бы *оказаться*. Сначала им говорили о грядущем режиме экономии, затем они боялись сокращения и даже закрытия своих заводов.

(12) *Einen Reim auf das Verschwinden ihres Sohnes können sich die Eltern nicht machen. (Mannheimer Morgen, 23.11.1999)* Родители не знают, что и думать о пропаже сына.

2.8. Контекстное окружение идиомы.

Обращение к корпусам позволяет не только выявить типы модификаций, которым подвергаются идиомы в аутентичных контекстах, и

⁶ Об экспрессивной (или эмфатической) препозиции см. [10].

не только определить позицию, которую они могут занимать в структуре высказывания, но и описать типичное окружение идиом, а также типы контекстов, в которых появление идиом воспринимается как наиболее естественное. Так, есть идиомы, которые употребляются, как правило, в контекстах снятой утвердительности⁷ или в отрицательно поляризованных контекстах. Например, идиома *den Kopf hängen lassen* существенно чаще встречается в корпусе в отрицательно поляризованных формах, чем в форме утверждения. Большей частью эта идиома употребляется с эксплицитным отрицанием: *den Kopf nicht hängen lassen*. Также и идиомы *den Bach runtergehen* и *(sein) Wort halten* часто встречаются в контекстах снятой утвердительности (13–14), в том числе с эксплицитным отрицанием, ср. (14).

(13) *Damit hier nicht alles den Bach runtergeht, mache ich erst einmal bis zum Saisonende weiter. Bis dahin werde ich sehen, wie sich die Situation entwickelt und einen Entschluss fassen, ob ich weitermache oder wie es danach weitergehen soll*“, sagte Dattko. (Nach: *Braunschweiger Zeitung*, 10.03.2011) Чтобы здесь всё не *развалилось*, я поработаю ещё до конца сезона. А пока посмотрю, как будет дальше развиваться ситуация, и приму решение, останусь ли я здесь или уйду куда-нибудь ещё», – сказал Даттко.

(14) *Mit den Muslimbrüdern kann man sich nicht einigen, weil sie ihr Wort nie halten*. (Nach: *Nürnberger Zeitung*, 19.06.2012) С братьями-мусульманами невозможно договориться, потому что они *никогда не держат своё слово*.

3. Вместо заключения

В специальной литературе выделяются два подхода к использованию корпусов в лексикографических исследованиях: базирующийся на корпусах (*corpus-based*) и направляемый корпусом (*corpus-driven*) [11; 12]. В рамках первого подхода корпусные данные используются для подтверждения уже существующей гипотезы, в рамках второго подхода данные о языковых структурах предоставляет сам корпус, и лишь затем эти данные интерпретируются лингвистом. Понятно, что в целом лексикографы используют в своей работе корпусы как источник дополнительных сведений о каких-то заранее заданных языковых формах (т. е. остаются в рамках подхода *corpus-based*). Однако как показывает обсуждаемый в этом разделе материал, лексикографическая работа с корпусом предполагает и элементы подхода, характерного для парадигмы *corpus-driven*. Иными словами, корпусные данные в ряде случаев предоставляют в распоряжение лексикографа сведения о структуре и семантике идиом, которыми он не располагал до обращения к корпусу даже на уровне гипотезы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

⁷ Снятая утвердительность (*nonveridicality*) чаще всего определяется в специальной литературе в терминах условий истинности. [См. например, 13, с. 138]: „A context X__Z for a

proposition Y is nonveridical just in case the truth of XYZ does not entail the truth of Y“. О специфике контекстов снятой утвердительности [см. также 14].

1. **Dobrovol'skij D.** German-Russian idioms online: On a new corpus-based dictionary // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2013». – Выпуск 12 (19). – Том 1. – М.: Изд-во РГГУ, 2013. – С. 210–217.
2. **Лубенская С. И.** Большой русско-английский фразеологический словарь. – М.: Аст-Пресс, 2004.
3. **Lubensky S.** Random House Russian-English dictionary of idioms. – New York: Random House, 1995.
4. **Lubensky S.** Russian-English dictionary of idioms. Русско-английский фразеологический словарь. Revised edition. – New Haven & London: Yale University Press, 2013.
5. **Redewendungen.** Wörterbuch der deutschen Idiomatik. 2., neu bearb. und aktualisierte Auflage. (=Duden Band 11). – Mannheim etc.: Dudenverlag, 2002.
6. **Müller K.** Lexikon der Redensarten. – Gütersloh: Bertelsmann Lexikon Verlag, 1994.
7. **Friederich W.** Moderne deutsche Idiomatik. – München: Hueber, 1966.
8. **Кротова Е. Б.** Корпусная фразеография (на материале немецкого языка): дис. ...канд. филол. наук. – М.: МГУ, ИЯ РАН, 2013. – 269 с.
9. **Парина И. С.** Представление семантики фразеологизмов в идеографическом словаре (на материале немецких идиом семантического поля «речевая деятельность»): дис. ...канд. филол. наук. – М.: МГУ, 2010. – 304 с.
10. **Падучева Е. В.** Высказывание и его соотносительность с действительностью. – М.: Наука, 1985. – 261 с.
11. **Sinclair J. M.** Corpus, concordance, collocation. – Oxford: Oxford University Press, 1991.
12. **Tognini-Bonelli E.** Corpus linguistics at work. – Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2001.
13. **Hoeksema J., Sailer M.** Literal and nonliteral meaning in placename idioms // Yearbook of Phraseology 3 (2012). – Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 2012. – P. 127–142.
14. **Падучева Е. В.** Эффекты снятой утвердительности: глобальное отрицание // Русский язык в научном освещении. – 2005. – № 2 (10). – С. 17–42.

DOI: [10.15293/2226-3365.1505.02](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1505.02)

Dobrovol'skij Dmitrij Olegovich, Doctor of Philological Sciences, Professor, Leading Research Scientist, Russian Language Institute named after V. V. Vinogradov Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
E-mail: dm-dbrv@yandex.ru

TEXT CORPORA AND BILINGUAL PHRASEOGRAPHY

Abstract

The article discusses issues in the compilation of bilingual dictionaries of idioms based on an analysis of corpus data. The advantages of using corpora consist not only in more detailed and well thought-out illustrations of the expressions being described, but also in the additional possibilities that the corpus materials provide for compiling the idiom list and structuring entries. The relevant principles are illustrated by data taken from a new German-Russian dictionary of idioms that is being constructed by an international team of linguists and lexicographers. Fragments of this dictionary are available on the website of the German Language Institute in Mannheim: "Deutsch-russische Idiome online" http://wvonline.ids-mannheim.de/idiome_russ/index.htm. Relevant information is also made available via the Europhras homepage on the website <http://www.euophras.org>. All examples of idiom usage in this dictionary are taken from the text corpora DeReKo (Das Deutsche Referenzkorpus) and DWDS (Korpora des Digitalen Wörterbuchs der deutschen Sprache des 20. Jahrhunderts), and in individual cases from the German-language Internet. Parallel German-Russian texts from the Russian National Corpus (RNC) are also used.

Keywords

Text corpora, bilingual lexicography, phraseology, idiom, German, Russian

REFERENCES

1. Dobrovol'skij D. German-Russian idioms online: On a new corpus-based dictionary. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialogue 2013"*. Issue 12 (19), 2013, vol. 1. Moscow, RGGU Publ., pp. 210–217.
2. Lubenskaja S. *Comprehensive Russian-English dictionary of idioms*. Moscow, Ast-Press Publ., 2004. (In Russian)
3. Lubensky S. *Random House Russian-English dictionary of idioms*. New York, Random House Publ., 1995.
4. Lubensky S. *Russian-English dictionary of idioms. Русско-английский фразеологический словарь*. Revised edition. New Haven & London, Yale University Press Publ., 2013.
5. *Fixed expressions. Dictionary of German idioms*. Second, revised edition. (=Duden Volume 11). Mannheim etc., Dudenverlag Publ., 2002. (In German)
6. Müller K. *Lexicon of fixed expressions*. Gütersloh, Bertelsmann Lexikon Verlag Publ., 1994. (In German)
7. Friederich W. *Present-day German idioms*. München, Hueber Publ., 1966. (In German)
8. Krotova E. B. *Corpus phraseography of German*. Moscow, MSU Publ., IJa RAN Publ., 2013, 296 p. (In Russian)

9. Parina I. S. *Idiom semantics in an ideographical dictionary (German idioms of the semantic field "speech activity")*. Moscow, MSU Publ., 2010, 304 p. (In Russian)
10. Paducheva E. V. *The utterance and its relationship to reality*. Moscow, Nauka Publ., 1985, 271 p. (In Russian)
11. Sinclair J. M. *Corpus, concordance, collocation*. Oxford, Oxford University Press Publ., 1991.
12. Tognini-Bonelli E. *Corpus linguistics at work*. Amsterdam & Philadelphia, John Benjamins Publ., 2001.
13. Hoeksema J., Sailer M. Literal and nonliteral meaning in placename idioms. *Yearbook of Phraseology 3 (2012)*. Berlin & New York, Mouton de Gruyter Publ., 2012, pp. 127–142.
14. Paducheva E. V. Effects of weakened assertiveness: global negation. *Russkij jazyk v nauchnom osveschenii*. 2005, 2 (10), pp. 17–42. (In Russian)

© И. В. Ружицкий

DOI: [10.15293/2226-3365.1505.03](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1505.03)

УДК 81.23

МАСКА И МАСКАРАД У Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**И. В. Ружицкий (Москва, Россия)*

В статье рассматривается функционирование слова маска в произведениях Ф. М. Достоевского разных жанров и разных периодов творчества, делается предположение о том, что это слово обладает у Ф. М. Достоевского статусом идиоглоссы, т. е. характеризует определенные особенности авторского идиостиля и картины мира писателя. Для верификации идиоглоссного статуса слова разработана специальная многошаговая процедура. Показателем особой значимости слова является, в частности, его символический потенциал, которым, несмотря на свою относительно низкую частоту употребления, обладает лексема маска. На основе проведенного контекстного анализа реконструируется ассоциативное поле, ядром которого являются слова маска и маскарад, проводятся параллели между такими персонажами Ф. М. Достоевского, как Голядкин, князь Валковский, Свидригайлов, Ставрогин и Ламберт. Делается вывод о том, что маска в тезаурусе Ф. М. Достоевского приобретает свойства своего рода антиконцепта, противоположного по своему содержанию и коннотации одному из центральных понятий в картине мира писателя – живой жизни.

Ключевые слова: лексикографическая параметризация, Словарь языка Достоевского, идиоглосса, символическое значение, антиконцепт.

Принципиальной особенностью Словаря языка Ф. М. Достоевского [1–4] является то, что в нем описываются не все слова, употребленные писателем в текстах полного собрания его сочинений, но только те, которые характеризуют авторский идиостиль, – идиоглоссы. «Идиоглосса – понятие диалогической природы, поскольку в ней интенция писателя встречается с читательским восприятием. Для

писателя идиоглосса – материал и инструмент создания мира того или иного произведения; для читателя идиоглосса – ключ к пониманию этого мира и интерпретации замысла писателя» [5, с. 16]. При определении идиоглоссного статуса слова естественно возникает проблема разработки специальной процедуры, позволяющей выделять эти значимые для стиля писателя единицы. В качестве такой

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-04-00135 «Многопараметровое представление тезауруса Достоевского» (руководитель – Ю. Н. Караулов).

Ружицкий Игорь Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

E-mail: konnitie@mail.ru

процедуры мы предлагаем специальную методику, состоящую из следующих шагов: 1) коллективное прочтение текстов Ф. М. Достоевского с установкой выделить слова, характеризующие авторский стиль (т. е. своего рода метод экспертных оценок); 2) использование данных уже существующих исследований, как лингвистических, так и литературоведческих, посвященных языку и творчеству Ф. М. Достоевского, в которых те или иные слова отмечаются как важные, характерные, ключевые; 3) учет вхождения слова в название произведения или в название какой-либо части произведения; 4) фиксация особенностей употребления слова, например, в составе высказывания, обладающего свойствами афоризма, авторская рефлексия над значением слова, использование слова в игровом контексте, учет других лексикографических параметров; 5) статистический анализ употребления слова в разных жанрах и в разные периоды творчества писателя; 6) верификация полученного списка идиоглосс путем пилотажного опроса [6, с. 48]. Частота употребления слова, при всей ее несомненной значимости, рассматривается нами как факультативный параметр: в текстах Ф. М. Достоевского встречаются низкочастотные единицы, которые являются идиоглоссами, к ним относится, в частности, и слово *маска*, описанию значимости которого в текстах Ф. М. Достоевского посвящена данная статья. На особую роль этого слова в произведениях Ф. М. Достоевского исследователи уже неоднократно обращали внимание (о маске как модели поведения – масках-ролях и о маске как риторическом приеме) [7–11].

Казалось бы, что интересного может быть в таком простом, к тому же малочастотном (всего 36 употреблений: 31 – в художественной

прозе и 5 – в публицистике) у Ф. М. Достоевского слове? Значения, в которых оно используется, совпадают со словарными, разве что последовательность, характеризующая значимость этих лексико-семантических вариантов в текстах писателя, иная:

1. ‘Притворство, скрывающее истинную сущность кого-, чего-л.’:

[Иван Петрович о Валковском] Вглядываясь пристальнее, вы начинали подозревать под всегдашней **маской** что-то злое, хитрое и в высочайшей степени эгоистическое (Униженные и оскорбленные, с. 245¹); Англиканские священники и епископы горды и богаты, живут в богатых приходах и жиреют в совершенном спокойствии совести. Они большие педанты, очень образованны и сами важно и серьезно верят в свое тупонравственное достоинство, в свое право читать спокойную и самоуверенную мораль, жиреть и жить тут для богатых. Это религия богатых и уж без **маски** (Зимние заметки о летних впечатлениях, с. 73); Двуличие, изнанка, **маска** – скверное дело, согласен, но если б в настоящий момент все бы явились, как они есть на лицо, то, ей-богу, было бы хуже (Публицистика, т. 18, с. 20); [О Н. С. Лескове, который подписывал некоторые свои статьи псевдонимом Свящ. П. Касторский] Ни единой-то самой маленькой минутки я не пробыл в обмане; тотчас же узнал ряженого и вменяю себе это в удовольствие, ибо вижу отсюда ваш длинный нос: вы вполне были уверены, что я шутовскую **маску**, вывешивая работы, приму за лицо настоящее (Дневник писателя, т. 21, с. 87).

2. ‘Специальная накладка с изображением человеческого лица, звериной морды

¹ Здесь и далее нумерация страниц дается по [12].

и т. п.; накладка на верхнюю часть лица с отверстиями для глаз, надеваемая для того, чтобы не быть узнанным²:

[Мечтатель] И, боже мой, неужели не ее встретил он потом, далеко от берегов своей родины <...> где она, узнав его, так поспешно сняла свою **маску** и, прошептав: «Я свободна» <...> (Белые ночи, с. 117); [Юлия Михайловна Варваре Петровне] Мы хотели начать вечер живыми картинами, но, кажется, много издержек, и потому для публики будут одна или две кадрили в **масках** и характерных костюмах, изображающих известные литературные направления (Бесы, с. 236).

3. В метонимическом употреблении: ‘Человек с накладкой на лице и в маскарадном костюме (обычно на костюмированном балу т. п.) или, как оскорбление, о двуличном, притворяющемся человеке’:

[Анна Трифоновна Нелли] Говори, цыганка, **маска** привозная, говори! (Униженные и оскорбленные, с. 259) **Маски** расположились танцевать. <...> Напротив этой **маски** танцевали два какие-то гиганта X и Z, и эти буквы были у них пришпилены на фраках, но что означали эти X и Z, так и осталось неразъясненным (Бесы, с. 389).

Значимость идиоглоссы *маска* в картине мира Ф. М. Достоевского проявляется в первую очередь в ее символическом значении в контексте конкретных произведений (под символическим употреблением слова мы понимаем способность лексических единиц с конкретной семантикой приобретать в определенном контексте абстрактный смысл). В «Двойнике» это связь с мотивом двойничества

и двуличия, которые непосредственным образом связаны со страхом Голядкина, с его паранойей:

[Голядкин] отложим всё это в сторону, до времени... до другого времени, Крестьян Иванович, до более удобного времени, когда всё обнаружится, и **маска** спадет с некоторых лиц, и кое-что обнажится (Двойник, с. 119); Я только тему развиваю, то есть пропускаю идею, Антон Антонович, что люди, носящие **маску**, стали не редки-с и что теперь трудно под **маской** узнать человека-с... (там же, с. 163) Нет-с, знаете ли-с, я, Антон Антонович, говорю-с, про себя говорю, что я, например, **маску** надеваю, лишь когда нужда в ней бывает, то есть единственно для карнавала и веселых собраний, говоря в прямом смысле, но что не маскируюсь перед людьми каждодневно, говоря в другом, более скрытом смысле-с (там же, с. 163)² <...> Голядкин положил ждать до тех пор, покамест **маска** спадет с некоторых лиц и кое-что обнажится (там же, с. 168); Хожу без **маски** между добрых людей и, чтоб всё вам сказать... (там же, с. 222)

Этот символический потенциал идиоглоссы *маска* в «Двойнике» усиливается употреблением глагола *маскироваться* (3 раза из 6 вообще в текстах Достоевского; глагол *маскировать* используется 2 раза, оба – в публицистике) и существительного *маскарад*:

[Голядкин Крестьяну Ивановичу] **Маску** надеваю лишь в **маскарад**, я не хожу с нею перед людьми каждодневно (там же, с. 117); [Голядкин] Есть люди, господа, которые не любят окольных путей и **маскируются** только для **маскарада** (там же, с. 125).

² Этот пример В. В. Виноградов приводит в качестве иллюстрации амплифицированной речи человека, который теряется в поисках слов для более удачного выражения своих мыслей, особенно

в беседе с посторонними лицами [13]. Отметим, что такое смысловое дублирование речи свойственно психически больным людям [14].

Слово *маскарад*, производное от *маска*, в текстах Ф. М. Достоевского встречается в общей сложности 22 раза, 4 из которых – как название драмы М. Ю. Лермонтова, 8 – в прямом значении ‘бал, на который являются в *масках*, в характерных костюмах’ с предлогом *в* (*в маскараде, в маскарадах*) и во всех остальных случаях – как ‘игра с изменением своей внешности, поведения, часто с целью скрыть истинную сущность кого-л., чего-л., надеть на себя личину’:

Вся эта фантасмагория, весь этот **маскарад**, все эти французские кафтаны, манжеты, парики, шпажонки, все эти дебелые, неуклюжие ноги, влезавшие в шелковые чулки; эти тогдашние солдатики в немецких париках и штиблетах – всё это, мне кажется, были ужасные плутни, подобострастно-лакейское надувание снизу <...> (Зимние заметки о летних впечатлениях, с. 58); <...> и сам он [представитель] совершенно уверен <...> что всё это только одна шутка, шутка и больше ничего, невинная игра, **маскарад** <...> (там же, с. 58); Вспомним, что общество страстно сочувствовало западникам и разделяло все их ошибки и увлечения, тогда как постоянно принимало славянофильство за **маскарад** (Публицистика, т. 19, с. 61); Эта ливрея есть позднейшее позаимствование, взятое с Запада, или, точнее сказать, из Польши, и в числе достопочтенных иерархов нашей церкви было и есть немало таких, которые находят этот ливрейный **маскарад** неуместным, и певцы состоящих при них хоров поют в обыкновенных черных сюртуках <...> (Дневник писателя, т. 21, с. 80); см. также (Публицистика, т. 19, с. 71; т. 20, с. 39; Дневник писателя, т. 26, с. 86).

Контекстные ассоциативные связи слова *маскарад*, употребляемого в этом значении, следующие: *взятое с Запада, игра, ливрея, надувание, плутни, толпа, фантасмагория,*

шутка, шутовство, т. е. – в широком смысле – нечто ненастоящее.

В «Униженных и оскорбленных» *маска* тоже связана с двуличием, но здесь появляется еще и другой психологический мотив – получения какого-то сладострастного удовольствия от того, что *срываешь (поднимаешь) маску* с себя, показываешь истинное лицо. Этот мотив мы видим в раскрытии образа князя Валковского:

[Иван Петрович] Мне казалось (и я понимал это), что он [Валковский] находил какое-то удовольствие, какое-то, может быть, даже сладострастие в своей низости и в этом нахальстве, в этом цинизме, с которым он **срывал**, наконец, передо мной свою **маску** (Униженные и оскорбленные, с. 358); [Валковский Ивану Петровичу] А между прочим, я хотел объяснить вам, что у меня именно есть черта в характере, которую вы еще не знали, – это ненависть ко всем этим пошлым, ничего не стоящим наивностям и пасторалям, и одно из самых пикантных для меня наслаждений всегда было прикинуться сначала самому на этот лад, войти в этот тон, обласкать, ободрить какого-нибудь вечно юного Шиллера и потом вдруг сразу огоршить его; вдруг **поднять** перед ним **маску** и из восторженного лица сделать ему гримасу, показать ему язык именно в ту минуту, когда он менее всего ожидает этого сюрприза (там же, с. 361); Есть особое сладострастие в этом внезапном **срыве маски**, в этом цинизме, с которым человек вдруг выкачивается перед другим в таком виде, что даже не устаивает и постыдиться перед ним (там же, с. 363).

Обращает на себя внимание и сравнение с *маской* лиц Свидригайлова, Ламберта, еще в большей степени – Ставрогина (связь данных образов несомненна), основой для которого является неестественность, оторванность от

жизни, красивость, но не красота, то, что скрывает порочность:

[О Свидригайлове] Это было какое-то странное лицо, похожее как бы на **маску**: белое, румяное, с румянными, алыми губами, с светло-белокурою бородой и с довольно еще густыми белокурыми волосами (Преступление и наказание, с. 357); [Аркадий о Ламберте] Волосы у него были черные ужасно, лицо белое и румяное, как на **маске** <...> (Подросток, с. 27); [Аркадий о Ламберте] <...> человек в богатой медвежьей шубе, в собольей шапке, с черными глазами, с черными как смоль щегольскими бакенами, с горбатым носом, с белыми оскаленными на меня зубами, белый, румяный, лицо как **маска**... (там же, с. 274) [Хроникер о Ставрогине] Говорили, что лицо его [Ставрогина] напоминает **маску** <...> (Бесы, с. 37); <...> прежде хоть и считали его [Ставрогина] красавцем, но лицо его действительно «походило на **маску**», как выражались некоторые из злоязычных дам нашего общества (там же, с. 145); <...> лицо его [Ставрогина] походит на **маску** (там же, с. 145).

О сходстве масок (внешности) Свидригайлова, Ламберта и Ставрогина (упустив по непонятным причинам князя Валковского) писал Ю. Н. Тынянов, указывая на то, что это маски «подчеркнутые», покрывающие контрастные характеры [15]. Маска Ставрогина, однако, отличается от других: он не лгал и ничего не скрывал, у этой маски более сложная и более притягательная, если так можно сказать, сила (Хроникеру Ставрогин *показался красавцем*, несмотря на то, что его лицо *походило на маску*). Функция такой маски – служить анти-

тезой *живой жизни*, быть отражением авторской характеристики персонажа (*ни холоден, ни горяч*), человека, оградившего себя от окружающего мира. Отсюда и инфернальность, демонизм Ставрогина, столь часто обсуждаемый исследователями [16]³.

Анализ семантических связей слова *маска*, включающий в себя его гипотаксис и паратаксис, позволяет реконструировать текстовое ассоциативное поле, ядром которого является данная идиоглосса:

без, бесчестная, ваша всегдашняя, веселое собрание, выпытать, гадкая, гримаса, двуличие, злое, изнанка, кадрили, карнавал, лживая, лицо, ложь, маскарад, маскировать, маскироваться, надевать, напоминает, нахальство, не редки-с, не удостоивать и постыдиться, немаскировано, низость, нравственный цинизм, обман, обнажаться, плут, поднять, подозревать, показать язык, походить, похожее как бы, принять за лицо настоящее, религия, ряженный, скрывать, скрываться, сладострастие, смех, смеющаяся, спадать, срывать, странное лицо, танцевать, трудно узнать человека, удовольствие, фурия, характерные костюмы, хитрое, цинизм, шутовская, эгоистичное, в котором отчетливо выделяется следующая ассоциативная цепочка (о данном понятии см. [17]):

лицо → ненастоящее → скрывать → ложь → сладострастие → цинизм. И, если *жизнь* в тезаурусе Ф. М. Достоевского является одним из центральных концептов, то *маска* – это своего рода антиконцепт, вербализуемый лексическими единицами приведенного выше ассоциативного поля. Кроме того, *маска* у Ф. М. Достоевского сближает такие,

³ На одной из конференций в Старой Руссе, посвященной творчеству Ф. М. Достоевского, Л. И. Сараскина попросила слушателей, точнее их женскую половину, честно сказать, кто из персонажей

Ф. М. Достоевского, на их взгляд, является самым притягательным? Подавляющее большинство голосов было отдано Ставрогину, Свидригайлов оказался на втором месте.

казалось бы, несопоставимые персонажи, как Голядкин, князь Валковский, Свидригайлов, Ставрогин и Ламберт⁴.

Маска как символ отмечается во всех соответствующих специальных словарях в значении ‘защита, сокрытие, трансформация, не-

бытие’; в местах, не носящих сакрального характера, *маска* может символизировать внутренние качества, которые обычно скрыты за внешней стороной личности [18]. У Ф. М. Достоевского, как мы видим, символическое значение *маски* несколько шире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Словарь** языка Достоевского: лексический строй идиолекта / под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Азбуковник, 2003. – Вып. I. – 442 с.; вып. II – 510 с.; вып. III – 559 с.
2. **Словарь** языка Достоевского: Идиоглоссарий (А–В) / под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Азбуковник, 2008. – 962 с.
3. **Словарь** языка Достоевского: Идиоглоссарий (Г–З) / под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Азбуковник, 2010. – 1049 с.
4. **Словарь** языка Достоевского: Идиоглоссарий (И–М) / под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Азбуковник, 2012. – 847 с.
5. **Караулов Ю. Н.** Словарь Достоевского и изучение языка писателя (в качестве предисловия) // Слово Достоевского 2000 / под ред. Ю. Н. Караулова, Е. Л. Гинзбурга. – М.: Азбуковник, 2001. – С. 5–31.
6. **Ружицкий И. В.** Язык Достоевского: идиоглоссарий, тезаурус, эйдос: монография. – М.: ЛЕКСРУС, 2015. – С. 543.
7. **Груздев И.** О маске как литературном приеме. Гоголь и Достоевский // Жизнь искусства. – 1921. – № 811. – С. 109–121.
8. **Данилин С. Ю.** Лицо и маска в повествовании Ф. М. Достоевского: По роману «Униженные и оскорбленные» // Гуманит. исслед. в Вост. Сибири и на Дал. Востоке. – Владивосток, 2011. – № 1(13). – С. 64–67.
9. **Животягина С. А.** Лик – Лицо – Маска. О личности и ее облике в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Эйхенбаумовские чтения. – 2007. – Вып. 6. – С. 54–59.
10. **Чеботникова Т. А.** Маска как модель поведения и риторический прием [Электронный ресурс]. – URL.: <http://www.lib.csu.ru/vch/091/134.pdf> (дата обращения 22.06.2015).
11. **Elliott, Sh.** Icon and Mask in Dostoevsky's Artistic Philosophy // The Dostoevsky Journal. – 2000. – № 1, 1. – P. 55–67.
12. **Достоевский Ф. М.** Полное собрание сочинений: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990.
13. **Виноградов В. В.** Эволюция русского натурализма: К морфологии натурального стиля (опыт лингвистического анализа петербургской поэмы «Двойник») // В. В. Виноградов. Поэтика русской литературы. – М.: Наука, 1976. – С. 101–140.
14. **Бехтерев В. М.** Будущее психиатрии. Введение в патологическую рефлексологию. – СПб.: Наука, 1997. – 330 с.

⁴ В публицистике, впрочем, употребление слова *маска* может не иметь никакой негативной окрашенности, используясь в составе метафоры: «Явилась потом смеющаяся маска Гоголя, с страшным

могуществом смеха, – с могуществом, не выражавшимся так сильно еще никогда, ни в ком, ни где, ни в чьей литературе с тех пор, как создалась земля» (Публицистика, т. 19, с. 12).

15. **Тынянов Ю. Н.** Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – 574 с.
16. **Сараскина Л. И.** Фёдор Достоевский: Одоление демонов. – М.: Согласие, 1996. – 462 с.
17. **Ружицкий И. В.** Цепочка ассоциаций как единица восприятия // Вестник Центра международных отношений МГУ имени М. В. Ломоносова. Серия «Филология. Культурология. Педагогика. Методика». – 2011. – Вып. 3. – С. 75–83.
18. **Словарь** символов [Электронный ресурс]. – URL.: [http:// mirslovarei.com/content_sim/maska-478.html#ixzz2e6Ya3mnR](http://mirslovarei.com/content_sim/maska-478.html#ixzz2e6Ya3mnR) (дата обращения 25.06.2015).

Ruzhitskiy Igor Vasil'evich, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Russian for Foreign Students Department, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.
E-mail: konnitie@mail.ru

MASK AND MASQUERADE IN FEODOR DOSTOEVSKY'S CREATIVE WORKS

Abstract

The article discusses the functioning of the word mask in Feodor Dostoevsky's creative works of different genres and of different periods of creativity, the assumption that this word has in Dostoevsky's texts the status of idioglossa is made, i.e. describes certain characteristics of author's style and worldview of the writer. The special multi-step procedure for idioglossa status of a word verification has been developed. The indicator of the special significance of a word is, in particular, its symbolic potential which despite of its relatively low frequency of use has the word mask. On the base of contextual analysis the associative field in the center of which are the words mask and masquerade was reconstructed, the parallels between Dostoevsky's different characters such as Golyadkin, Prince Valkovsky, Svidrigailov, Stavrogin and Lambert were made. The conclusion that the word mask in Dostoevsky's thesaurus has some properties of anticoncept opposite in its content and connotations to one of the central concepts of writer's worldview – living life.

Keywords

Lexicographic parameterization, Dostoevsky's language dictionary, idioglossa, symbolic meaning, anti-concept.

REFERENCES

1. *Dostoevsky's language Dictionary: the lexical system of the idiolect.* ed. Yu. Karaulov. Moscow: Azbukovnik Publ., 2003. Vol. I. 442 p.; vol. II 510 p.; vol. III 559 p. (In Russian)
2. *Dostoevsky's language dictionary: Idioglossary (A–b).* ed. Yu. Karaulov. Moscow: Azbukovnik Publ., 2008. 962 p. (In Russian)
3. *Dostoevsky's language dictionary: Idioglossary (G–W).* ed. Yu. Karaulov. Moscow: Azbukovnik Publ., 2010. 1049 p. (In Russian)
4. *Dostoevsky's language dictionary: Idioglossary (I–M).* ed. Yu. Karaulov. Moscow: Azbukovnik Publ., 2012. 847 p. (In Russian)
5. Karaulov Yu. N. Dostoevsky's dictionary and the language of the writer (as pre-conditions). *Word Dostoevsky 2000.* ed. Yu. Karaulov, E. L. Ginzburg. Moscow: Azbukovnik Publ., 2001. pp. 5-31. (In Russian)
6. Ruzhitskiy V. I. *Language of Dostoevsky: Idioglossary, thesaurus, Eidos.* Moscow: LEXUS Publ., 2015. p. 543. (In Russian)
7. Gruzdev I. About the mask as a literary reception. Gogol and Dostoyevsky. *Life arts.* 1921. no. 811. Pp. 109-121. (In Russian)
8. Danilin S. Y. Face mask and narration in F. M. Dostoevsky's novel "Uni-fied and offended". *Humanity. issled. in East. Siberia and the Gave.* East. Vladivostok, 2011. No. 1(13). pp. 64-67. (In Russian)

9. Zhivotjagina C. A. Visage – The Face – Mask. About the personality of its appearance in the novel of F. M. Dostoevsky "Idiot" *Eihenbaums reading*. 2007. Vol. 6. pp. 54-59. (In Russian)
10. Chebotnikova T. A. *Mask as a model of behavior and as a figure of rhetoric*. URL.: <http://www.lib.csu.ru/vch/091/134.pdf> (22.06.2015). (In Russian)
11. Elliott, Sh. Icon and Mask in Dostoevsky's Artistic Philosophy. *Dostoevsky Journal*. 2000. No. 1, 1. pp. 55-67.
12. Dostoevsky F. M. *Complete works in 30 v.* L.: Nauka Publ., 1972-1990. (In Russian)
13. Vinogradov V. V. Evolution of Russian naturalism: morphology, natural style (experience of the St. Petersburg linguistic analysis of the poem "the Double"). V. Vinogradov. *The poetics of Russian literature*. Moscow: Nauka Publ., 1976. pp. 101-140. (In Russian)
14. Bekhterev V. M. *Future of psychiatry. Introduction to pathological reflexology*. SPb.: Nauka Publ., 1997. 330 p. (In Russian)
15. Tynyanov Yu. N. *Dostoevsky and Gogol (toward a theory of parody). Poetics. The history of Literatures. Movie*. Moscow: Nauka Publ., 1977. 574 p. (In Russian)
16. Saraskina L. I. *Fyodor Dostoevsky: the Overcoming of demons*. Moscow: Harmony Publ., 1996. 462 p. (In Russian)
17. Ruzhitsky I. V. Chain of associations as a unit of perception. *Bulletin of the Center for international relations of Lomonosov Moscow state University. Series Philology. Culturology. Pedagogy. Technique*. 2011. Vol. 3. pp. 75-83. (In Russian)
18. *The dictionary of symbols*. URL.: http://mirslovarei.com/content_sim/maska-478.html#ixzz2e6Ya3mnR (25.06.2015). (In Russian)

© В. Д. Черняк

DOI: [10.15293/2226-3365.1505.04](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1505.04)

УДК 82.085

ДИНАМИКА СИНОНИМИЧЕСКИХ РЯДОВ: РАВНЕНИЕ ВНИЗ**В. Д. Черняк (Санкт-Петербург, Россия)*

В статье рассматриваются актуальные вопросы динамики лексической системы русского языка. Цель работы – показать, как синонимия, связанная с закономерностями лексического выбора, отражает общую тенденцию современной речи к стилистическому снижению, а также выявить лексикографические последствия этого явления. Арсенал синонимических средств, используемых в узусе, значительно шире, чем объем словарной синонимии. Ориентация на обновление лексических возможностей языка – одна из особенностей современной лексикографии. На материале лексикографических изданий различных типов показаны векторы расширения состава синонимических рядов за счет субстандарта, зависимость состава ряда от типа словаря, установки автора на потребности адресата. В статье рассматриваются как авторитетные лексикографические издания, так и непрофессиональные словари, отражающие общие тенденции. В заключение делается вывод о взаимосвязи коммуникативных потребностей носителей языка к обновлению ресурсов лексического выбора, реального объема синонимических средств и лексикографических решений антропоцентрически ориентированных словарей.

Ключевые слова: динамика лексики, синонимия, синонимический ряд, сниженная лексика, лексикография, субстандарт, обновление синонимических ресурсов.

Лексическая синонимия динамична по своей сути, поскольку естественно связывает индивидуальные лексические поиски говорящего в конкретных речевых ситуациях и коллективные усилия языкового сообщества по отбору языковых средств, адекватных изменя-

ющимся условиям общения. Цель данной статьи – показать, как синонимия, связанная с закономерностями лексического выбора, отражает общую тенденцию современной речи к стилистическому снижению, а также выявить лексикографические последствия этого явления.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательских проектов № 15-04-00122 («Прагматический потенциал языкового знака: семасиологический и лексикографический аспекты») и № 15-04-00318 («Социокультурные факторы как мотивационная основа типологии словарей»).

Черняк Валентина Данииловна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: vdcher@yandex.ru

Синонимия отражает «непрерывный языковой “обмен веществ”» [3, с. 15] и связана со способностью лексических единиц передавать градацию стилистических средств, самые разнообразные смысловые нюансы. Она естественно соотносится с интерпретационным компонентом семантики языковых единиц. Следует подчеркнуть, что использование хотя бы одного экспрессивно заряженного члена синонимического ряда активизирует в языковом сознании не только сниженную периферию ряда, но и другие сходные по коннотации лексические единицы. Об этом убедительно свидетельствуют результаты ассоциативного эксперимента, отраженные в «Русском ассоциативном словаре». Уже на первом этапе эксперимента в качестве слова-стимула (наряду с подавляющим большинством широко употребительных и стилистически нейтральных лексических единиц) было использовано несколько коннотативно отмеченных лексем, например, слово *балбес*, являющееся, по данным «Словаря синонимов русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой, членом синонимического ряда бездельник, лентяй (*разг.*), лодырь (*разг., пренебр.*), лоботряс (*прост., презр.*), балбес (*прост., презр. и бран.*), шалопай (*разг.*), шалопут (*прост.*), повеса (*устар.*), шалбер (*устар. и обл.*), шалберник (*устар. и обл.*). В приведенном ряду все слова, кроме доминанты, обладают ярко выраженной коннотацией. Слово-стимул *балбес* ассоциируется у современного носителя русского языка не только с человеком, проводящим время в безделье, но и с человеком, который не способен учиться или делает это плохо, поэтому данный экспрессивный синонимический ряд притягивает не менее экспрессивные ряды с доминантами *дурак* и *слабоумный*. При этом в ассоциативном поле активизируются словообразовательные возможности экспрессивных слов: *дурак, идиот, тупой, бестолковый, глупый,*

двоечник, безмозглый, кретин, оболтус, осто-лоп, бестолочь, придурок, разгильдяй, болван, глупец, дуб, дубина, дуралей, дурачок, недоросль, непутевый, неумный, растяпа, балда, дерево, дебил, дубовый, лапоть, Митрфанушка, недотепа, недоучка, неуч, олух, тормоз, тугодум, тунеядец, тупица. Такого типа связи закономерно проецируются на текст. Как справедливо писал В. Б. Касевич, употребление любого члена синонимического ряда служит «пусковым механизмом, который приводит в действие механизмы активации пластов лексики, сетей отношений между лексемами» [5, с. 28].

Современный узус демонстрирует чрезвычайную активность обновления языковых средств, особенно заметную в языке СМИ. Среди причин «выбора или создания данной “упаковки” для данного содержания» [8, с. 33] нельзя не отметить фактор моды. Так, описывая в «Словаре модных слов» слова *амбициозный, беспредел, востребованный, гламур, драйв, жесть, зомбировать, кайф, качественный, круто, менеджер, отморозок, пофигизм, раскрутка, самодостаточный, толерантность, фиолетово, харизма* и мн. др. (все эти лексические единицы – слова или новые значения – дополнили в последние годы конкретные синонимические ряды), В. И. Новиков отмечает: «Модное слово – это слово с претензиями, оно часто звучит в устной речи, мелькает в прессе, то и дело доносится из радиоприёмника или телевизора» [11]. При этом велика рискогенность многих модных лексических единиц [13].

В многочисленных работах, посвященных динамическим процессам в лексической системе, отмечается особая значимость двух важнейших ресурсов обогащения словарного состава и, соответственно, синонимических рядов – заимствований и сниженной лексики.

Заемствования чаще всего заменяют уже имеющиеся в русском языке синонимы в книжных стилях – научном и официально-деловом. Ср., например: *продолговать* ('продлить'), *мониторинг* ('наблюдение'), *аутентичный* ('истинный, подлинный'), *репрезентативный* ('представительный, показательный'), *верифицировать* ('проверять, контролировать'), *динамизировать* ('ускорять, активизировать'), *контрафактный* ('незаконный, нелегальный'), *контент* ('содержание') и мн. др. (отметим приведенный в качестве приложения к «Словарю иностранных слов» Н. Г. Комлева указатель русско-иностранных соответствий, в котором значительное место принадлежит синонимии исконных и заимствованных слов). Выходя за пределы своей функциональной сферы, эти единицы семантически обогащаются.

Арсенал синонимических средств в лексиконе языковой личности значительно шире, чем синонимические средства, зафиксированные в традиционных синонимических словарях. Отмечаемая во многих исследованиях тенденция к стилистическому снижению, особенно заметная в лексике (книжные единицы всё чаще заменяются нейтральными, нейтральные – разговорными, разговорные – просторечными), определяет актуальные изменения в составе синонимических рядов. Безусловно, наиболее активные семантические процессы наблюдаются в разговорной речи и связаны с массированным обогащением синонимических ресурсов элементами сленга, если этим термином называть «нестандартную подсистему лексики современного русского языка, которую городское население России, независимо от возраста, образования и профессии, использует в непринужденном личном общении (а в современной социалингвистической ситуации – и в публичной речи)» [12, с. 15]. Рассмотрим с этих позиций судьбу

своеобразной лексической единицы – *геморрой*. Медицинский термин, связанный с табуированными на протяжении многих десятилетий обозначениями телесного низа, использовался главным образом в медицинских текстах, в других же ситуациях общения нередко заменялся эвфемизмами. С конца 1980-х гг. агрессивная медицинская реклама в СМИ, разрушившая прежние представления о запретных темах, определила достаточно широкое распространение лексемы и, как следствие, ее семантическое развитие. Всё чаще, в том числе в СМИ, стало отмечаться жаргонное употребление слова в значении «неприятность, проблема» (ср. в словаре В. В. Химика синонимический ряд, градуированный по степени сниженности: *неприятность, неприятная ситуация, передрыга, фиговина, хреновина, засада, геморрой* [15, с. 85]). Оно обросло дериватами (*геморройно, геморройный*) и даже изменило морфологические характеристики (ср. зафиксированное нами высказывание *Я не хочу, чтобы у тебя по этому поводу были какие-нибудь геморрои*, где наблюдается очевидная синонимия в лексиконе говорящего слов *проблема* и *геморрой*). Активизация в лексиконе современной языковой личности субстандартных (жаргонных и грубо-просторечных) лексических единиц отражает реальные очертания арсенала синонимических средств нашего современника. Примечательно, что запрос на новое снижение определил замену «обыденного экспрессива» на новый жаргонизм *гемор* (*Этот гемор сотворила власть*) [13, с. 8].

Потенциальная открытость и безграничность синонимических рядов в живом функционировании, обусловленная гетерогенностью русского литературного языка и давно отмечаемая исследователями, определила не только многие теоретические проблемы синонимии, но и естественные трудности в лексикографической интерпретации синонимов.

Размытость, диффузность синонимических рядов, воплощающая особенности их коммуникативной предназначенности, обуславливает возможность разнообразных лексикографических решений.

В различных лексикографических изданиях (как в собственно синонимических словарях, так и в словарях других типов) в зависимости от теоретических установок авторов, времени создания словаря и его адресованности менялись конкретные решения, связанные с представлением синонимических ресурсов (подробнее об этом см. [16]).

Вопрос о включении или не включении тех или иных лексических единиц в состав синонимического ряда в словарях синонимов связан, во-первых, с пониманием синонимии, ее соотношения с близкими по базовым характеристикам семантическими объединениями (лексико-семантическими, гипонимическими группами), во-вторых, с осмыслением места новых лексических единиц, в том числе единиц из субстандартных подсистем. Этот вопрос на протяжении десятилетий исследователи решали по-разному [6], в одних случаях идя по пути ограничения состава ряда, «дробления» подгрупп семантически сближенных лексических единиц, в других (синонимические словари инвентарного типа) – по пути максимально широкого представления ресурсов лексического выбора (примером таких изданий является словарь А. Ю. Кожевникова [7]).

Строго системный подход к структуре синонимических рядов в академическом «Словаре синонимов русского языка» и сходном по своим установкам словаре-справочнике под ред. А. П. Евгеньевой определил достаточно жесткие ограничения на включение тех или иных лексических единиц в состав синонимических рядов (лексика, максимальная по степени сниженности, относится главным

образом к просторечию и нередко архаична), при этом значимыми оказываются лексикографические указания (*ср.*, *см.*, *ант.* и др.), фиксирующие непрерывность семантических связей и органичную взаимосвязь синонимии и других парадигматических группировок.

Материалы различных синонимических словарей убеждают, что особая разветвленность синонимических рядов наблюдается, прежде всего, в тех участках лексической системы, которые связаны с обозначением ненормативных явлений действительности (см., например, синонимические ряды с опорными членами *убить*, *украсть*, *обмануть*, *ударить*, *дурак*, *лентяй*, *бродяга* и т. п.). Сверхсинонимичность задается особой экспрессивностью, причем эмоциональное начало фиксируется и там, где вербализуются социально осуждаемые действия, состояния, и там, где разнообразные эмоции в той или иной социальной группе стимулируют лингвокреативную деятельность говорящего. Так, в тематико-синонимическом указателе к «Толковому словарю русского школьного и студенческого жаргона» Х. Вальтера, В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной [2] показано, сколь широк круг обозначений в студенческом и школьном жаргоне актуальных реалии молодёжной жизни, например: *отличник*, *примерный ученик* – *абрам*, *аккуратист*, *батискаф*, *башка*, *борода*, *ботан*, *ботанатор*, *ботаник*, *букварь*, *всезнайка*, *вундеркинд*, *Гарри Поттер*, *громоотвод*, *двоечник*, *дерзкий*, *зануда*, *заумник*, *зауч*, *заучка*, *вумный зверь*, *знайка*, *зубрильник*, *клин*, *киндервуд*, *крот*, *лизун*, *лось*, *лосяра*, *лох*, *лоханец*, *луч света в тёмном царстве*, *мега-мозг*, *мозг*, *мозговик*, *пионер*, *рэмбо*, *светильник разума*, *спец*, *стилл*, *умка*, *умник*, *умнявый*, *череп*, *чеснок*, *шуришало*, *экстремал*, *электроник*, *мировая энциклопедия*.

Показательно название словаря В. В. Химика «Давайте говорить правильно! Словарь

жаргона: нормативные параметры выбора слова». В предисловии автор, подчеркивая отнесенность своего словаря к типу синонимических словарей инвентарного типа (приводится максимальное количество синонимов), определяет его цель – «дать читателю сведения о выборе подходящего слова или сочетания слов из максимального ряда синонимов, которые отражают широкий круг актуальных понятий, популярных в различных ситуациях современной живой речи» [15, с. 4]. «Универсальным единицам синонимической вертикали» (стилистика нейтральным словам широкого употребления) соответствуют частично ограниченные единицы (имеющие функциональные ограничения), крайне ограниченные единицы (разговорно-сниженные, грубые, полудиялектные, полужаргонные) и, наконец, единицы, находящиеся за пределами языковых, эстетических и этических норм. «Обращаясь к таким острым, резко эмоциональным и предельно экспрессивным номинациям, говорящий должен помнить, что рискует продемонстрировать плохой языковой вкус, отсутствие речевой фантазии, вербальную беспомощность и, увы, распространенную зависимость малообразованного человека от вульгаризмов» [15, с. 18]. Синонимические вертикали, структурно организованные с помощью специальных графических средств, должны помочь говорящему или пишущему осуществить оптимальный выбор слов. Примечательно значительное число вторичных значений, расширяющих экспрессивную зону синонимического ряда. Ср., например: **отругать** (за провинности). **Универсальные:** отругать, обругать, выругать *кого*, накричать *на кого*. **Частично ограниченные:** Книжн. устроить обструкцию *кому*. Разг. поругать, наругать, изругать, побранить, выбранить, разбранить, пожурить, отчитать, распечь, разделать под орех *кого*; снять стружку с *кого*;

дать по мозгам, сделать взбучку (втык), дать (учинить) разгон, дать жару (дрозда, жизни), задать жару (баню, пару, перцу, звону, трезвону), устроить разнос (баню, взбучку, накач, разгон) *кому*. **Крайне ограниченные.** Разг.-сниж. Распушить, разнести, раздраконить, расчихвостить, отделать [как бог черепаху], отчихвостить, взбучить, взгреть, вздуть, вздрючить, вжарить, вклеить, воткнуть, врезать, врубить, прижучить, продрать [с песочком], пропесочить, накрутить (прищемить) хвост, вставить [клизму], намылить шею (холку, голову). **Не рекомендуется!** Жарг. Вставить пистон (фитиль).

Для понимания актуальных процессов в русской синонимике, связанных с отражением устно-бытового узуса, с «движением разговорности в публичные формы коммуникации», с «невиданной прежде коллоквиализацией публичного общения» чрезвычайно важным представляется появление «Толкового словаря русской разговорной речи» [14, с. 10]. Особое место в структуре словарных статей принадлежит зоне синонимии, которая расширяет и нередко дополняет материалы существующих синонимических словарей. Приведем несколько примеров: **алкаш** – алик, алконавт, выпивоха, забулдыга, пропойца, пьянчуга, пьянчужка, пьянь; **амбал** – битюг, бугай, бык, верзила, верста, детина, дубина, дуболом, дылда, жеребец, жлоб, каланча, лоб, оглобля, шкаф; **заморский** – буржуйский, забугорный, закордонный; **байбак** – бездельник, лежебока, лоботряс, лодырь, сачок, филон.

К числу принципиально новых по своим установкам относится «Активный словарь русского языка» – «портрет лексических знаний образованного носителя языка». «Лексический мир» лексемы в этом антропоцентрически ориентированном словаре образуют разные зоны словарной статьи, в том числе зона

СИН, фиксирующая реальные синонимические ресурсы языковой личности. При этом обновленная система помет позволяет передать тонкие стилистические различия между синонимами. Ср.: *баба* "женщина" СИН: разг. *бабёнка*, разг.-сниж. *бабища*, груб. *уходящ. бабец*, разг. ласк. *бабонька* (особенно в обращении), необиходн. или офиц. *дама (пожилая, но безупречно одетая дама)*, пренебр. *тётка* [1, с. 7–34].

Расхождение между реальными семантическими сближениями в речи и теми синонимическими рядами, которые фиксируются в словарях, вызвало к жизни ряд нестандартных, часто любительских словарей синонимов. Так, выдающийся переводчик Н. М. Любимов в предисловии к своей небольшой посмертно вышедшей книге «Лингвистические мемуары» пишет, что они представляют собой «составлявшийся в течение многих лет словарь синонимов», «литературную кладовую», демонстрирующую, как язык непрерывно «освежается и обогащается» [9, с. 4–6]. Показательно также название статьи журналиста П. Басинского «Не киллер, а убивец. Недипломированный лингвист составил Словарь Заменителей иностранных слов на русские», представляющей своеобразный синонимический словарь, составленный С. Маховым и призванный, по замыслу автора, разбудить в нас дремлющие творческие силы (Литературная газета.

2.12.98). Ср., например, представленный в словаре синонимический ряд *тиранить(-нствовать)* – *мучить, истязать, терзать, пытать, казнить, томить, изводить, мордовать, мытарить, мурыжить, маять, мотать, грызть, есть, не давать житья, тянуть душу, вымотать все кишки* [10]. Обытовленное представление о синонимах как словах, способных в определенных ситуациях заменять друг друга, представлено и в словаре [4]. Кроме синонимов в него включены так называемые «ассоциативные понятия». Хотя этот сомнительный термин не получает какого-либо обоснования, однако состав приведенных в словаре рядов в значительной степени соотносится с данными ассоциативных словарей.

Таким образом, результаты анализа новейших антропоцентрически ориентированных словарей, отражающих реальные синонимические ресурсы, имеющиеся в лексиконе современной языковой личности, свидетельствуют о заметном обновлении «синонимического интерпретационного инструментария», о выходе из активного употребления многих ранее достаточно активно используемых синонимов и о расширении сниженной, экспрессивной, нередко рискогенной зоны синонимического ряда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Активный** словарь русского языка / отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – Т. 1 – 408 с.
2. **Вальтер Х., Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.** Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона: около 5000 слов и выражений. – М.: Астрель, 2005. – 360 с.
3. **Гаспаров М. Л.** Язык. Память. Образ. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
4. **Егоров В. И., Шахназарян А. К.** Словарь (лексикон) синонимов русского языка и ассоциативных понятий. – М.: МИК, 2005. – Т. 1: Имя существительное. – 252 с.
5. **Касевич В. Б.** Семантика. Синтаксис. Морфология. – М.: Наука, 1988. – 309 с.

6. **Козырев В. А., Черняк В. Д.** Синонимическая лексикография: традиции и тенденции развития // Вестник Череповецкого государственного университета. Научный журнал. – 2015. – № 1 (62). – С. 32–38.
7. **Кожевников А. Ю.** Словарь синонимов современного русского языка: речевые эквиваленты. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. – 800 с.
8. **Кубрякова Е. С.** Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Кубрякова Е. С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. – М.: Знак, 2012. – С. 13–35.
9. **Любимов Н. М.** Лингвистические мемуары. – М.: Крул, 1994. – 120 с.
10. **Махов С.** Словарь русских заменителей иностранных слов. – М.: Прондо, 2013. – 238 с.
11. **Новиков Вл.** Словарь модных слов: языковая картина современности. – М.: АСТ-Пресс Книга, 2012. – 256 с.
12. **Розина Р. И.** Семантическое развитие слова в русском литературном языке и современном сленге: глагол. – М.: Азбуковник, 2005. – 302 с.
13. **Сиротинина О. Б.** Борьба с рискогенностью общения как одна из проблем речеведения // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 14. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2014. – С. 5–14.
14. **Толковый** словарь русской разговорной речи / под ред. Л. П. Крысина. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 776 с.
15. **Химик В. В.** Давайте говорить правильно! Словарь жаргона: нормативные параметры выбора слова. – СПб: Филол. фак. С.-Петербург. гос. ун-та, 2006. – 218 с.
16. **Черняк В. Д.** Синонимия в русском языке. – М.: Академия, 2010. – 125 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1505.04](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1505.04)

Chernyak Valentina Danilovna, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Russian Language Department, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation.

E-mail: vdcher@yandex.ru

THE DYNAMIC OF SYNONYMIC GROUPS: GOING DOWN

Abstract

The present study discusses issues related to the dynamic of the lexical system of the Russian language. The article aims at showing how synonymy, that is related to lexical choice patterns, reflects the general trend of lowering the register of contemporary speech. Lexicographic consequences are also discussed. The array of synonyms in current usage is larger than the synonyms represented in dictionaries. One of the characteristics of contemporary lexicography is its orientation towards the replenishment of lexical potential of the language. Well-established dictionaries, as well as amateur-compiled ones that reflect general trends serve as materials illustrating the trend to expand synonymic groups by adding substandard elements and the dependence of the group contents on dictionary type and target audience needs. The conclusion states the interconnectedness between communicative needs of the speakers and the replenishment of lexical means, actual volume of known synonyms, and lexicographic choices made by anthropocentrically oriented dictionaries.

Keywords

Lexicon dynamic, synonymy, synonymic group, low-register lexis, lexicography, substandard lexis, replenishment of synonymic resources

REFERENCES

1. *The active dictionary of the Russian language*. Ed. by Y. D. Apresyan. Moscow, Languages of Slavic culture Publ., 2014, vol. 1, 408 p. (In Russian)
2. Walter H., Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Explanatory dictionary of the Russian school and University jargon: about 5000 words and expressions*. Moscow, Astrel Publ., 2005, 360 p. (In Russian)
3. Gasparov B. M. *Language. Memory. Image*. Moscow, the New literary obozrenie Publ., 1996, 352 p. (In Russian)
4. Egorov V. I., Shahnazaryan A. K. *Dictionary (lexicon) of synonyms and associative concepts*. Moscow, MICK Publ., 2005, vol. 1: the noun, 252 p. (In Russian)
5. Kasevich V. B. *Semantics. Syntax. Morphology*. Moscow, Nauka Publ., 1988, 309 p. (In Russian)
6. Kozyrev V. A., Chernyak V. D. Synonymic lexicography: traditions and trends of development. *Bulletin of Cherepovets state University. The scientific journal*. 2015, no. 1 (62), pp. 32–38. (In Russian)
7. Kozhevnikov A. J. *Dictionary of synonyms of the modern Russian language: verbal equivalents*. Moscow, OLMA Media Group Publ., 2009, 800 p. (In Russian)
8. Kubrakova E. S. About preferences, cognitive science and cognitive linguistics. E. S. Kubrakova. *In search of the essence of language: Cognitive studies*. Moscow, Sign Publ., 2012, pp. 13–35. (In Russian)

9. Lyubimov N. M. *Linguistic autobiographies*. Moscow, Cruz Publ., 1994, 120 p. (In Russian)
10. Makhov S. *Dictionary of Russian substitutes for foreign words*. Moscow, Pronto Publ., 2013, 238 p. (In Russian)
11. Novikov V. *Dictionary of buzz words: linguistic picture of the present*. Moscow, AST-Press Kniga Publ., 2012, 256 p. (In Russian)
12. Rosina R. I. *Semantic development of the word in the Russian literary language and modern slang: verb*. Moscow, School Publ., 2005, 302 p. (In Russian)
13. Sirotinina O. B. Wrestling with the factors of communication as one of the problems of reception. *Problems of speech communication*. Vol. 14, Saratov, Saratov University Publ., 2014, pp. 5–14. (In Russian)
14. *Dictionary of spoken Russian*. Ed. by L. P. Krisin. Moscow, Languages of Slavic culture Publ., 2014, 776 p. (In Russian)
15. Himik V. *Let's speak right! Dictionary of jargon: a normative parameters choice of words*. St. Petersburg, St. Petersburg state University Publ., 2006, 218 p. (In Russian)
16. Chernyak V. D. *Synonymy in the Russian language*. Moscow, Academy Publ., 2010, 125 p. (In Russian)

© В. А. Ефремов

DOI: [10.15293/2226-3365.1505.05](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1505.05)

УДК 811.161.1 + 34

ГРАММАР-НАЦИ: РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ И НАИВНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

В. А. Ефремов (Санкт-Петербург, Россия)

В статье проведен анализ деятельности возникшего в 2000-х гг. и получившего в России наибольшую популярность в начале 2010-х гг., «радеющего о чистоте родного языка» интернет-сообщества граммар-наци в двух аспектах: наивной лингвистики и речевой агрессии. Цель статьи – описать новые, характерные для интернет-коммуникации формы речевой агрессии, используемые представителями граммар-наци для оскорбления и унижения собеседников: лингвистический троллинг, флейм, стеб, слоганы и мемы, специфические разновидности угроз. В ходе анализа делается вывод о том, что всё это разновидности межличностного языка вражды, а основная цель граммар-наци – не пропагандировать чистоту и красоту родного языка, а унижить оппонента за счет травли на почве языка и речи. При этом отдельное внимание уделено так называемому «Расстрельному грамматическому списку», который анализируется не только как образец новой наивной лексикографии, но и как новая форма проявления речевой агрессии. В статье приводится богатый иллюстративный материал, демонстрирующий разнообразные формы и способы проявления речевой агрессии со стороны граммар-наци. В заключение делается вывод о том, агрессивное речевое поведение отечественных граммар-наци – это продукт своей эпохи и современного общества.

Ключевые слова: наивная лингвистика, граммар-наци, прагматика, речевая агрессия, наивная лексикография.

Перефразируя известную метафору, характеризующую Вену эпохи *fin de siècle*, можно сказать, что Интернет сегодня – это своего рода лаборатория апокалипсиса языка. Посвященные русскому языку, многочисленные и вовлекающие тысячи участников дискуссии и битвы, которые разворачиваются на

просторах Рунета, определяются двумя разнонаправленными тенденциями современной интернет-коммуникации: полной вседозволенностью в обращении с родным языком и агрессивной борьбой за его чистоту.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательских проектов № 15-04-00122 («Прагматический потенциал языкового знака: семасиологический и лексикографический аспекты») и № 15-04-00318 («Социокультурные факторы как мотивационная основа типологии словарей»).

Ефремов Валерий Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
E-mail: valef@mail.ru

Особой чертой нового витка развития языкового пуризма, возрождающегося, кстати, не только в Интернете, становится использование чрезмерно радикальных средств прагматического воздействия. Разговоры о языке, часто переходящие границы приличий, становятся своего рода детонатором разнообразных форм речевой агрессии. Яркий пример такого агрессивного поведения – движение граммар-наци (*Grammar Nazi*, *GN*, *ГН*, реже орфографические варианты: *грамма наци*, *граммар наци*), расцвет которого пришелся на первую половину 2010-х гг.; оно во многом отражает высокую степень межличностной и социальной агрессии, характеризующую современную Россию вообще и интернет-коммуникацию в частности. Если же говорить о глубинных мотивах возникновения агрессивных форм речевого поведения в сети, то их определяют две по сути противоположные интенции интернет-пользователей: борьба за внимание к себе и участие в «массовом производстве» [1, с. 31].

Наиболее репрезентативный ресурс русских граммар-наци – это открытая группа в социальной сети *Вконтакте*, размещенная по адресу http://vk.com/global_grammar_nazi и насчитывающая почти сто тысяч членов (на дату обращения 1 августа 2015 – 99 311). Основная задача граммар-наци – это борьба за чистоту и правильность родного языка в любых ситуациях, в любое время и на любых ресурсах. Сама идея движения пришла в Россию с Запада. В Интернете термин появился в самом начале 2000-х гг., а его первая лексикографическая фиксация – в 2003 г., в отражающем современный англоязычный городской и сетевой фольклор образце наивной лексикографии *Urban Dictionary* (<http://www.urbandictionary.com/>).

Однако в отличие от западного, преследующего скорее сугубо просветительские

цели движения (ср., например: «Tell them politely of the problem with their grammar. You can do this several different ways without sounding accusatory or vexatious» [2]), российские граммар-наци отличаются высочайшей степенью агрессивности. Так, известный блогер А. Носик выделяет три основные черты русскоязычных лингвистических нацистов:

- (1) низкий интеллектуальный уровень;
- (2) приверженность устаревшим или даже вымышленным нормам русского языка;
- (3) «злобную асоциальную агрессивность» [3].

Граммар-наци объявляют «войну ошибкам» и при этом словесно «ликвидируют» противников: сами себя они представляют как «крайне радикальное движение, созданное для борьбы с безграмотностью. Мы точно знаем, кто будет гореть в печах, когда наше движение придет к власти» (запись с главного сайта группы уже удалена, но многократно растиражирована, например: http://vk.com/wall67025514_1256), а свою цель формулируют как «повышение уровня грамотности населения социальной сети, в том числе и того, которое не подписано на паблик» (http://vk.com/wall-39321576_26590, запись от 14 марта 2014).

Обращение к языку как предмету обсуждений и инструменту разжигания межличностных конфликтов можно объяснить в частности тем, что правописание как неотъемлемая часть общего образования оказывается удобным средством самовыражения, особенно в тех случаях, когда других средств для повышения самооценки нет. Именно поэтому дискуссии в Интернете о тех или иных правилах и трудностях русского языка редко заканчиваются конструктивным образом: сам язык (понимаемый граммар-наци весьма узко – почти исключительно как грамотное письмо) уходит на задний план, потому что становится

лишь средством утверждения себя и унижения оппонента.

Будучи интернет-пользователями, граммар-наци активно используют весь спектр новых, возникающих в виртуальной среде форм речевой агрессии, придавая им специфическую, лингвистическую направленность.

(1) Одна из наиболее ярких и отсутствовавших в доинтернетовскую эпоху форм коммуникативной стратегии, активно используемых граммар-наци, – это *лингвистический троллинг* как присущий только электронной коммуникации способ проявления издевательского и оскорбительного поведения в виде сообщений, призванных разжечь конфликт между собеседниками, на форумах, в чатах, в комментариях к записям, в блогах. Цель троллинга – создать некие стимулы для того, чтобы вызвать негативные реакции пользователей. При этом сам троль (инициатор троллинга) получает некоторое удовлетворение потребностей самореализации и признания: «троль становится центральным звеном, вызвавшим спор либо другой социальный конфликт» [4, с. 50]. Для граммар-наци главным поводом для троллинга становится плохая грамотность или опечатка собеседника:

А.: Качки тоже люди! И с чувством юмора у них лады! А вот у автора проблемы что он дрищ и ...

К.: У тебя таки тоже есть проблема. Что объединяет слова плющ(ь?), клещ(ь?), дрищ(ь?), плащ(ь?) и ключ(ь?).

А.: Есть такая функция на телефоне «автозамена слов» называется. Отмазка принята? Умник!

А.: Вздыхаешь тролить кукушками быстро закидаю

К.: Слова-уроды там просто так не появляются. Слову «дрищ» твой телефон кто-то научил. Интересно, кто?

Л.: «Тролить» Ваш Т9 тоже автозаменяет?:) ¹ (http://vk.com/wall-29714034_7461, запись от 18.04.2015).

(2) Отличительная особенность коммуникации в публичном пространстве социальной сети – важная роль фактора третьего адресата – сторонних участников сообщества, о существовании которых знают и на которых ориентируются оппоненты. В связи с этим в коммуникации граммар-наци часто возникает *флейм* – «спор ради спора» (от англ. *flame, flaming*), т. е. обмен сообщениями в местах многопользовательского сетевого общения, который представляет собой словесную распрю, нередко уже не имеющую отношения к первоначальной причине спора [5, с. 159]. В флейме собеседники прибегают к личным оскорблениям, стимулируя тем самым дальнейшее разжигание ссоры:

А.: Мне как артеру (пусть и начинающему), Ваша позиция абсолютно непонятна. Простоите что перехожу на личности, но мне кажется, что Вы просто не разбираетесь в рисовании.

Н.: Извините, студент третьего курса компьютерной графики и интернет дизайна перед вами, так что не тебе говорить где искусство, а где нет, судьи кто?

А.: Образование тут значения не имеет, я сама учусь на графическом дизайне и тоже кое-что понимаю. Не нужно начинать выпендриваться.

Н.: Я подтвердил свою компетентность, признай что глупо сказал, и на этом всё закончится

¹ Здесь и далее авторские орфография и пунктуация сохранены.

А.: Компетентность нужно подтверждать аргументами относительно конкретной темы, а не пустыми и бесполезными заявлениями. С Вашей стороны до сих пор не было ни одного логического аргумента, из чего я могу сделать вывод что Вам просто нечего сказать, но Вы очень хотите оставить за собой последнее слово. Я считаю что я абсолютно права, так что давайте все-таки закончим этот разговор.

Н.: Многие художники пользовались такими же визуальными приемами, думаю примеров тебе не надо? пикассо пабло, например

А.: Вот только этого не нужно. Этот аргумент часто используют когда нечего больше сказать (http://vk.com/wall-25451458_269484, запись от 26.01.2014).

В данном диалоге («бычья беседа», bullshit, по Ф. Перлзу) оба коммуниканта ведут спор исключительно для того, чтобы отстоять свое субъективное мнение и одновременно не упасть в глазах тех, кто за спором наблюдает. Каждый из конфликтующих рассчитывает на поддержку со стороны других участников, которую, в конце концов, и получает, причем на еще более высоком уровне агрессии. Начальные рассуждения о языковой рефлексии становятся поводом устроить жесткую конфронтацию:

С. (принимает сторону А.): Пусть горят в геенне огненной, которой нет, все эти безвкусные малограмотные студенты «третьего курса компьютерной графики и интернет дизайна»!

Г. (принимает сторону Н.): Маша, ну какбэ в контексте наездов по теме грамматики аффтор слажал, включив в арт жуткую агрессию на «ться», при этом запилив ошибку, которая хоть и является эвфемизмом, не становится от этого грамматически правильным текстом. Так что наезд вполне логичен.

А. (принимает сторону Н.): Атааа, ты крайне глупо оперируешь неизвестными тебе терминами, зачем обычному обывателю качать сай, читать курс академического рисунка, + купить бамбу за несколько тысяч, чтобы нарисовать комикс? ты не сделала ничего тут – могла бы и перерисовать, а так только говно облила, я не вижу смысла с тобой спорить, у нас разный возраст (там же).

Характерные для среды граммар-наци тактики ведения спора показывают, что для них важен сам процесс, а не результат. Естественно, что при таких установках уровень речевой агрессии может быть очень высоким: собеседники настроены не на поиск компромисса или неких общих точек, а на демонстрацию собственных знаний и умений, подчас весьма сомнительных с точки зрения лингвистики. Тем не менее, сами участники коммуникации стремятся доказать, что они превосходят собеседника не только в знании языка, но и в остроумии.

(3) Интересно, что в общении граммар-наци весьма активным средством речевой агрессии является такая, появившаяся в России в конце XX в., форма речевой деятельности, как *стёб* – «разновидность публичного интеллектуального эпатажа, который состоит в провокационном и агрессивном, на грани скандала, снижении любых символов других групп, образов прожективных партнеров – как героев, так и адресатов сообщения – через подчеркнутое использование этих символов в несвойственном им, пародийном или пародическом контексте» [6, с. 163]. Сами граммар-наци напрямую заявляют о том, что используют эту форму речевой агрессии:

Здесь никто не борется с неграмотностью. Здесь стебуют неграмотных (http://vk.com/wall-25451458_204049, запись от 19.06.2013).

(4) Речевая агрессия граммар-наци имеет также и собственные, созданные в интернете клишированные формулы, принимающие характер прагматически агрессивно заряженных слоганов, например, «*учи(те) матчасть!*»; «*учи(те) русский язык!*»; «*автора текста – в граммарваген!*». Как известно, особенно модная, эмоционально окрашенная, построенная на языковой игре и массово воспроизводящаяся короткая информация в виртуальной среде приобретает статус интернет-мема [7; 8], некоторые из них создаются внутри сообщества граммар-наци: «*В России две беды: -тся и -ться*»; «*Правописание или смерть!*»; «*Грамматика освобождает*» и другие.

(5) В среде лингвофашистов выработались и свои специфические угрозы типа «*За тобой уже идут!*»; «*Я изнасилую тебя орфографическим словарем!*», из которых наиболее популярно выражение «*за Вами (тобой) уже выехали!*» – особенно в тех случаях, когда ошибка очевидна и/или ее уже устали исправлять. В контексте данного сообщества «выехавшие» обозначают либо граммар-наци, либо полицию граммар-наци (ср. с названием уже упоминавшегося и отчасти конкурирующего интернет-сообщества *Тайная орфографическая полиция*).

В целом, агрессию словесного поведения граммар-наци можно определить как межличностный язык вражды [9], реализующийся в разнообразных формах ненависти, использующей любые средства: клевету, издевательства, провокации, лицемерие, унижение и др., например:

Иногда хочется убить всех неграмотных людей... Ну или просто отрезать им руки (http://vk.com/wall-25451458_208520?reply=208628), запись от 28.06.2013);

Паблик тут открыт в ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕЛЯХ, чтоб смотреть, чесать

репу и усваивать. Не нравицца – силком никого не привлекавали, а насчёт безграмотных всё было ясно с самого начала – сперва – в газовую камеру, потом – повесить, затем – расстрелять, и, в конце концов – кремация. Что тебе ещё объяснить? (https://vk.com/wall-25451458_216263?reply=216819, запись от 13.08.2013).

Как это ни странно прозвучит, но в качестве особой формы проявления агрессии граммар-наци используют даже *словарь*, пусть и в его наивно-лингвистическом переосмыслении. Связанные с Интернетом увеличение объемов коммуникации (бум социальных сетей) и желание творчески реализоваться (от электронных библиотек до литературных и графоманских сайтов) способствуют актуализации среди пользователей интернета разнообразных форм наивной лингвистики [10], в том числе и в деятельности граммар-наци.

Одной из форм наивной лингвистики можно считать наивную лексикографию – составление рядовыми носителями языка (не филологами) словарей и жанрово примыкающих к ним текстов (вплоть до энциклопедий). Наиболее яркий и масштабный пример наивной лексикографии – это Викисловарь, который самими авторами определяется как «многофункциональный многоязычный словарь и тезаурус, в обсуждении и пополнении которого *может участвовать каждый* (выделено мной. – В. Е.)» [11], и число страниц в котором 20 января 2015 г. превысило 600 000.

Пытаясь систематизировать наиболее частые ошибки интернет-пользователей, граммар-наци создают собственный словарь – «Расстрельный грамматический список» (www.lurkmore.to/Расстрельный_грамматический_список), расположенный на платформе ресурса, который позволяет редактировать

текст любому пользователю [12], следовательно, единый принцип лексикографирования в этом источнике реализуется далеко не всегда.

Однако почти все статьи данного словаря проникнуты агрессией и издевательством по отношению к так называемым «грамматическим унтерменшам». Собственно уж само устройство словаря трудно отнести к категории дружественного интерфейса: слова в нем расположены по антиортологическому принципу: от неправильного употребления – к правильному. Сам по себе этот принцип лексикографирования в истории отечественной русистики не нов (ср., например: [13]), однако ни с культурно-речевой, ни с педагогической, ни с просветительской точек зрения никак не оправдан.

Зоны риска, описанные в «Расстрельном списке», традиционны для справочников, ориентированных на письменную речь, однако наполнены агрессией и злобой:

1) **орфография** (например, «*Фармацефт вместо фармацевт. Лечитесь! Хочется расчленить создателей анекдота про лечащего Windows врача – форматцевта, заставивших писать так очень многих школьников*»);

2) **морфологические нормы** («*Хочем, хочете, хочут. Расово верная форма – хотим, хотите, хотят. Ошибка, былинно распространенная a long time ago («Они хочут свою образованность показать и всегда говорят о непонятном» – Чехов, «Свадьба»)*, но массовые расстрелы, проводимые поколениями граммар-наци, существенно сократили поголовье заблуждающихся. Впрочем, нет-нет да и встречается до сих пор»);

3) **лексические ошибки** («*Полюс* в значении полиса (страхового). Ошибка как бы намекает, что пациента следует лечить электричеством. Особенно часто встречается

форма «полюса» (в том числе в речи самих страховых агентов). Или ещё один вариант множественного числа – «полиса»»);

4) **синтаксические нормы** («*Оплатить за* – только массовые расстрелы донесут до сознания быдла тот факт, что «оплатить» есть глагол переходный: «оплатить *кого/что*», без предлога (но при этом «платить *за*»))»).

Однако в словаре фиксируются и другие типы ошибок: **акцентологические** («*Обжаловать в суд, возбуждено, осужденный вместо обжаловать в суде, возбуждено, осуждённый* – гражданин начальник, говорите по-русски!») и **произносительные** («*Што* вместо *что*. Расстрел на месте, без суда и следствия. *Шо* выдаёт укра, *чо/чё* – москвичка, *што* – жителя культурной столицы, *шта* – Ельцина»).

Как видно из приведенных примеров, большинство словарных статей «Расстрельного списка» написаны не столько с целью научить и просветить, сколько с целью оскорбить мало- или неграмотных людей и выразить презрение к ним. Более того, трудно представить себе образ потенциального адресата, на которого рассчитан данный словарь. Скорее всего, этот образчик наивной лексикографии и не преследует никаких целей, кроме глумления и стеба ради стеба.

Одновременно необходимо отметить, что составителей «Расстрельного списка» характеризует низкий уровень лингвистической компетенции, слабое представление о языковых законах и системных отношениях, а также неприятие заимствований и почти полное отрицание языковых вариантов. С этим связано большое число ошибок в данном «словаре» (ср., например, абсолютно вымышленную мотивировку ошибочного написания: «*Топлес* вместо *топлесс*. Химмельготт, это же англицизм, куда исчезла буква из слова

topless? А как же фитнесс и бизнесс? Суффикс *less* переводится с двумя с, а *ness* – с одной»).

Итак, граммар-наци в созданном ими «Расстрельном грамматическом списке» стремятся не столько помочь ошибающимся, сколько подчеркнуть свое превосходство над рядовым пользователем Рунета.

Оспаривание языка и речевого поведения оппонента, повышенная раздражительность и агрессивность – вот отличительные черты многих русскоязычных форумов и социальных сетей: «Культура доведенного до совершенства троллинга /.../ и „холиваров“ /.../ подразумевает, что юзеры Рунета привыкли к чрезмерности в риторических боях» [14, с. 46].

В целом, сообщество граммар-наци не может рассматриваться как движение, серьезно ратующее за языковую норму, хотя их речевая деятельность хорошо вписывается в разнообразные формы наивной лингвистики.

Более того, граммар-наци и их деятельность являются отражением многочисленных и разнонаправленных тенденций, существующих в современном российском обществе – обществе высокой степени агрессивности. Так же, как и речевое поведение граммар-наци, интернет-коммуникация в Рунете характеризуется такими чертами, как агрессивность, стеб, хамство, неумение слушать собеседника, нежелание идти на компромисс, неспособность признавать собственные ошибки.

Одновременно меняется и само взаимодействие пользователя с языком и миром: «современный человек как бы скользит по поверхности окружающих его текстов, переставая проникать в их глубину. Так стираются смыслы, а вместе с ними и ценности, оставляя после себя мир симулякров. Неудивительно поэтому, что такое, скользящее по поверхности явлений, сознание порождает игровые формы коммуникации, часто переходящие в ситуацию а-коммуникативности» [15, с. 161].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гусейнов Г. Ч.** Блогосфера как коммуникативное пространство // Русский язык и новые технологии / под. ред. М. В. Ахметовой, В. И. Беликова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 27–57.
2. **How to be a Grammar Nazi** [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.wikihow.com/Be-a-Grammar-Nazi> (дата обращения: 01.08.2015).
3. **Носик А.** Граммар-наци: Запись в «Живом журнале». – 18.05.2011. [Электронный ресурс]. – URL: <http://dolboeb.livejournal.com/2081705.html> (дата обращения: 01.08.2015).
4. **Внебрачных Р. А.** Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестник Удмуртского университета. Философия. Социология. Психология. Педагогика. – 2012. – Вып. 1. – С. 48–51.
5. **Смирнов Ф. О.** Искусство общения в Интернет. Краткое руководство. – М.: Вильямс, 2006. – 240 с.
6. **Дубин Б. В.** Слово – письмо – литература: Очерки по социологии современной культуры. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – С. 163–174.
7. **Кронгауз М. А.** Самоучитель Олбанского. – М.: АСТ, 2013. – 440 с.
8. **Кронгауз М. А.** Мем в русскоязычном Интернете: опыт деконструкции // Русский язык и новые технологии / под. ред. М. В. Ахметовой, В. И. Беликова. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 87–95.
9. **Butler J.** Excitable Speech. A Politics of the Performative. – NY., L.: Routledge, 1994. – 185 p.

10. **Ефремов В. А.** О новых формах наивной лингвистики в эпоху интернета // [Антропологический форум](#). – 2014. – № 21. – С. 74–81.
11. **Русский Викисловарь** [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wiktionary.org/wiki/ Заглавная_страница](https://ru.wiktionary.org/wiki/Заглавная_страница) (дата обращения: 01.08.2015).
12. **Лукашанец Е. Г.** Интернет и язык: народная лексикография // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2011. – № 6 [2]. – С. 378–381.
13. **Справочное место русского слова: Четыреста поправок** [Составил А. Н. Греч]. – Санкт-Петербург, 1839.
14. **Зверева В. В.** Сетевые разговоры. Культурные коммуникации в Рунете. – Bergen: University of Bergen, 2012. – 279 с.
15. **Вокуев Н. Е.** Феноменология стеба в современной массовой культуре // Аналитика культурологии. – 2010. – № 17. – С. 161–165.

Efremov Valerii Anatolievich, Doctor of Philology Sciences, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation.
E-mail: valef@mail.ru

GRAMMAR-NAZI: VERBAL AGGRESSION AND NAIVE LEXICOGRAPHY

Abstract

The article analyses the activities of grammar nazi, "defending the purity of the native language" in two aspects, as the form of naive linguistics and as the verbal aggression. The aim of the article is to describe the new forms of verbal aggression used by grammar-nazi for insulting and humiliation of opponents, e.g. linguistic trolling, flame, steb, slogans and internet-memes, special threats. The analysis concludes that all these items are different forms of personal hate speech. Moreover the main purpose of grammar-Nazis is to humiliate an opponent due to persecution on the grounds of his/her language and speech, but not to defend the purity and beauty of the native language. The special attention is paid to the so-called "Firing grammatical list" that has been analysed as a sample of the new naive lexicography as well as a representation of a new form of verbal aggression. The article provides a rich illustrative material, demonstrating a variety of forms and means of grammar-nazi verbal aggression. It concludes that aggressive verbal behaviour of the Russian grammar-nazi is a product of contemporary times and modern society.

Keywords

Folk linguistics, grammar-nazi, pragmatics, verbal aggression, naive lexicography.

REFERENCES

1. Guseynov G. Ch. The bFlogosphere as a communicative space. *The Russian language and new technology*. Ed. M. V. Akhmetov, V. I. Belikov. Moscow, New Literary Review Publ., 2014, pp. 27–57. (In Russian)
2. *How to be a Grammar Nazi* (In English) Available at: <http://www.wikihow.com/Be-a-Grammar-Nazi> (Accessed 01.08.2015).
3. Nosik A. Grammar-Nazi. *Live Journal*. 18.05.2011. Available at: <http://dolboeb.livejournal.com/2081705.html> (Accessed 01.08.2015). (In Russian)
4. Vnebrachnykh R. A. Trolling as a form of social aggression in virtual communities. *Bulletin of Udmurt University. Philosophy. Sociology. Psychology. Pedagogy*. 2012, vol. 1, pp. 48–51. (In Russian)
5. Smirnov F. O. *The Art of Communication on the Internet. A Guide*. Moscow, Williams Publ., 2006, 240 p. (In Russian)
6. Dubin B. V. *Word – Writing – Literature: Essays on the sociology of contemporary culture*. Moscow, New Literary Review Publ., 2001, pp. 163–174. (In Russian)
7. Krongauz M. A. *Textbook of the Olbansky language*. Moscow, AST Publ., 2013, 440 p. (In Russian)
8. Krongauz M. A. Meme into Russian-speaking Internet: the experience of deconstruction. *The Russian language and new technology*. Ed. M. V. Akhmetov, V. I. Belikov. Moscow, New Literary Review Publ., 2014, pp. 87–95. (In Russian)

9. Butler J. *Excitable Speech. A Politics of the Performative*. NY; L., Routledge Publ., 1994, 185 p. (In English)
10. Efremov V. A. On new forms of naive linguistics in the Internet era. *Anthropological forum*. 2014, no. 21, pp. 74–81. (In Russian)
11. *Russian Wiktionary*. Available at: https://ru.wiktionary.org/wiki/Заглавная_страница (Accessed 01.08.2015). (In Russian)
12. Lukashanets E. G. Internet and Language: folk lexicography. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named by N. I. Lobachevsky*. 2011, no. 6 [2], pp. 378–381. (In Russian)
13. *Reference place of the Russian words: Four amendments*. Compiled by N. Grech. St.-Petersburg, 1839. (In Russian)
14. Zvereva V. V. *Network conversations. Cultural communication in RuNet*. Bergen, University of Bergen Publ., 2012, 279 p. (In Russian)
15. Vokuev N. E. Phenomenology banter in modern popular culture. *Analysis of Cultural Studies*. 2010, no. 17, pp. 161–165. (In Russian)

© М. А. Лаппо

DOI: [10.15293/2226-3365.1505.06](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1505.06)

УДК 81.374 + 81'42

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРАГМАТИЧЕСКОГО МАКРОКОМПОНЕНТА И ЕГО ДИСКУРСИВНЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ*

М. А. Лаппо (Новосибирск, Россия)

Статья посвящена анализу семантики слова **профессионал**, отраженной в толковых словарях и реализуемой в дискурсе. Данное слово, как и ряд подобных слов со значением высокого профессионального или общественного статуса, имеет ряд семантических особенностей. Установлено, что, во-первых, эмоционально-оценочный микрокомпонент значения слова **профессионал** имеет амбивалентный характер (использование лексемы может маркировать уважение, удовлетворение или презрение), во-вторых, в прагматическую зону значения включен национально-культурный компонент, обусловленный особенностями русского речевого этикета (говорить о себе слишком хорошо – неприлично). Негативно воспринимаемый эффект самопохвалы нейтрализуется в текстах, предназначенных для прочтения ограниченным кругом лиц (например, в дневниковой речи), а также при помощи определенных грамматических конструкций. Подобные условия снижают вес самопрезентационного компонента, усиливая долю самоидентификации (поиска и подтверждения личной идентичности) говорящего субъекта. Толковый словарь активного типа может учитывать данную информацию, включив в структуру статьи пометы «о себе», «о других», «для себя», «для других», а зоне иллюстративного материала дать разнообразные примеры, учитывающие особенности жанра и типа языковой личности.

Ключевые слова: структура лексического значения, прагматический макрокомпонент значения, статус, лексикография, самономинация, самоидентификация, элитарная языковая личность.

К числу актуальных проблем современной лингвистики относятся разработка структуры лексического значения слова, а именно типологии его макро- и микрокомпонентов, соотношения этих компонентов и их отраже-

ния в статье толкового словаря. И. М. Кобозева указывает, что «традиционно к лексическому значению относят наиболее существенную часть связанной с лексемой информации – ее денотат, сигнификат и некоторую

* Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ: проект № 15-04-00122 «Прагматический потенциал языкового знака: семасиологический и лексикографический аспекты»; проект 15-14-54001 «Конфликтный текст в зеркале лингвистической экспертизы».

Лаппо Марина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: lama2046@yandex.ru

часть прагматической информации» [1, с. 80]. Однако вопрос о том, как следует понимать прагматический макрокомпонент и что именно из данной информации представляется существенным, остается спорным. По И. М. Кобозевой, прагматический слой значения слова, содержащий информацию об отношении человека к обозначаемому словом объекту или адресату сообщения, входит в структуру лексического значения слова, а информация о прагматических функциях лексемы и ее коннотации – не входит в его структуру, хотя последние и «включают отсылку не к индивидуальному пользователю языка, а к языковому коллективу» [1, с. 92]. Такое понимание структуры лексического значения согласуется с традиционным определением коннотаций лексемы: это «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [2, с. 189].

Согласно другому представлению, коннотации являются центром прагматической информации, хотя и не исчерпывают ее полностью. В. Н. Телия под коннотацией понимает «любой прагматически ориентированный компонент плана содержания языковых сущностей <...> который дополняет денотативное и грамматическое их содержание на основе сведений, соотносимых с прагматическими факторами разного рода»: с ассоциативно-фоновым знанием говорящих, с их оценочным отношением к обозначаемому, со стилистическими регистрами, характеризующими, помимо прочего, социальные отношения участников коммуникативного акта и др. [3, с. 107]. Этот подход расширяет как структуру прагматического компонента в содержательной стороне слова, так и понятие коннотации. Широкий подход к коннотации, по справедливому

замечанию И. Г. Жировой, «отражает те свойства слова, которые выявлены благодаря введению дополнительных (антропоцентрических) параметров в описании лексической единицы. Подобное расширение объема коннотации свидетельствует об активном постижении коммуникативной и когнитивной природы слова» [4, с. 61].

Помимо этого, данный подход расширяет границы самого лексического слова. Существенным ориентиром в осмыслении прагматического макрокомпонента в его структуре являются работы Г. Н. Складневской, которая, понимая значение «не как ограниченный набор семантических элементов, а как бесконечно сложную и избыточную структуру, включающую в себя не только понятийное содержание, но и прагматическую информацию о слове», представляет лексическое значение в виде системы концентрических кругов. Так, внутренний круг означает денотативное ядро, за которым следует периферия денотата и потенциальные семы, а затем – «ряд концентрических кругов, содержащих прагматическую информацию о слове, – разнородный набор коннотаций (социальных, исторических, культурных, эмотивных, экспрессивных и т. д.), который также представляет собой не аморфное образование, а иерархически организованную систему с разными уровнями, в разной степени удаленными от денотативного ядра». Дальше всех от денотативного ядра находятся индивидуальные и ситуативные семантические компоненты, поскольку отражают «ассоциации некоторой части языкового коллектива и могут реализоваться только при определенных обстоятельствах (к ним относятся в первую очередь идеологические прагматические компоненты)» [5].

Г. Н. Складневской также была поставлена проблема отражения прагматических компонентов в толковом словаре [6]. Практика

лексикографирования идеологических компонентов, в частности, стихийного и непоследовательного зонального распределения прагматической информации, анализируется в статье Т. А. Трипольской, Е. Ю. Булыгиной [7]. Авторы показывают, что зональное распределение семантической информации возможно не только в специализированных словарях, таких как словарь синонимов Ю. Д. Апресяна [8], но и в любом толковом словаре, при этом логика закрепления такой информации весьма чувствительна к идеологии времени создания словаря.

В данной статье в рамках заявленного интегрального подхода к лексическому значению и концепции зонального подхода к его лексикографированию будет рассматриваться функционирование слов со значением высокого статуса *профессионал* и *профи*: прагматические микрокомпоненты их значений, динамика этих элементов и их отражение в толковых словарях.

Толковые словари русского языка отражают изменения в семантической структуре слова *профессионал* в течение XX в.:

ПРОФЕССИОНАЛ, -а, м. Человек, сделавший какое-н. занятие своей постоянной профессией. *В игре принимали участие не только профессионалы, но и любители. Фотограф-профессионал.* || То же, что профессиональный революционер (см. профессиональный) (словарь Д. Н. Ушакова [9]).

ПРОФЕССИОНАЛ, -а, м. Человек, который занимается чем-нибудь профессионально (в отличие от любителя). *Фотограф-п. Автомобилист-п. Настоящий п.* (о человеке, к-рый работает высокопрофессионально в 3 знач.) || профессионалка, -и (разг.). (Словарь русского языка С. И. Ожегова [10]).

ПРОФЕССИОНАЛ, -а, м. Тот, кто сделал какое-л. занятие, деятельность своей про-

фессией, хороший специалист. *Охотник-профессионал. Канунников был директором-профессионалом. Заведование чем-нибудь стало его специальностью.* Рыбаков, Водители. (Малый академический словарь [11]).

ПРОФЕССИОНАЛ. 1. Тот, кто сделал какое-л. занятие своей профессией (противоп.: *любитель*). 2. Хороший специалист, знаток своего дела. (Новый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой [12]).

Мы видим, как постепенно формируется и фиксируется новый лексико-семантический вариант лексемы профессионал: на первом этапе *профессионал* – это ‘человек, сделавший какое-н. занятие своей постоянной профессией’ (словарь Д. Н. Ушакова), на втором этапе намечается появление нового значения, зафиксированное в иллюстративном материале – «настоящий профессионал» (словарь С. И. Ожегова), на третьем этапе, который отражен в словаре под ред. А. П. Евгеньевой, значения слиты как два оттенка и даны через запятую – «тот, кто сделал какое-л. занятие, деятельность своей профессией» и «хороший специалист», и, наконец, словарь Т. Ф. Ефремовой фиксирует полисемию.

Можно реконструировать историю значения слова *профессионал* следующим образом. В самом начале своего существования, т. е. приблизительно с конца XVIII в., по данным этимологического словаря [13], слово обозначало лишь принадлежность к какому-либо роду занятий, что само по себе было важно, т. к. в этот период происходило формирование профессиональной дифференциации в обществе. Но, видимо, затем коннотативный слой (позитивная оценка деятельности) стал стремительно приближаться к денотативному ядру значения, так что в определенный момент позитивная оценка профессионала стала ведущей, поэтому словари вычленили второй

лексико-семантический вариант. В. В. Виноградов вскользь описывает его исторические преобразования так: «Затем с углублением профессионализации и демократизации литературная речь сближается с специальными и научными языками. Слово *профессионал* делается антонимом слов *любитель*, *дилетант*» [14, с. 773].

Национальный корпус русского языка фиксирует рост употребления слова *профессионал*: по результатам поиска в основном корпусе найдено 2 298 документов, 4 058 вхождений. Самое первое употребление отмечено в автобиографическом сочинении А. И. Герцена «Былое и думы» (1854–1858 гг.), пики популярности приходятся на 1921, 1978, 2002 и 2010 гг. [15] (рис. 1).

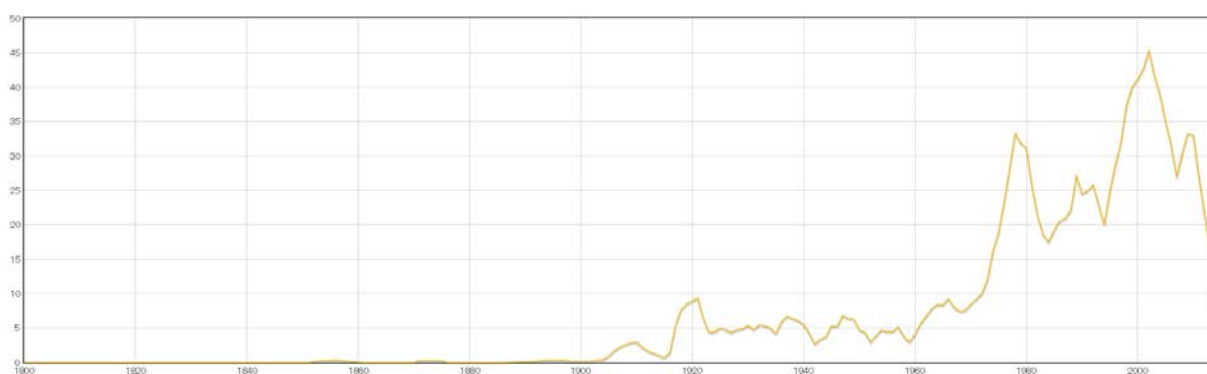

Рис. 1. Количество употреблений слова *профессионал* по данным НКРЯ. Распределение по годам (частота на миллион словоформ)

Следует отметить, что в современном дискурсе второе значение лексемы *профессионал* не только существенно преобладает над первым (см. представленные ниже первый и второй фрагменты), но и противопоставляется ему (см. третий контекст). Об этом свидетельствуют стихийные толкования на форумах и в блогах, обсуждающих проблемы профессиональной деятельности, например:

1) *Профессионал – это виртуоз в своей работе, это человек, который постоянно растет и развивается, находится на волне новостей в данной отрасли, в курсе новых разработок и методик по его направлению, хочет и умеет их внедрять, личность творческая и неординарная* (URL: <http://jaaj.ru/article/blog/113>);

2) *Профессионал – это человек, в совершенстве овладевший своей профессией. В жизни встречаются люди, которые делают*

свою работу так, как никто другой, и результат этой работы стремится приобрести каждый, потому что такая работа качественная, надежная, особенная, неповторимая, она сделана «золотыми руками», с душой, с любовью (URL: <http://www.insai.ru/slovar/professional>);

3) *Профессионал – это не человек с соответствующим образованием, и тем более не тот, кто зарабатывает деньги таким способом. Сейчас тьма, сколько «профессионалов» с вышкой, но насколько они знают свою дисциплину??? насколько они могут применить свои знания в жизни? Профессионал – тот человек, который в совершенстве овладел своим любимым делом* (URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/96314-kakogo-cheloveka-mozhno-schitat-professionalom.html>).

Выдвижение второго лексико-семантического варианта, прежде всего, объясняется экстралингвистическими факторами: количество россиян с высшим образованием с каждым годом неуклонно растет (табл.), при этом

количество хороших специалистов, знатоков своего дела, по определению, увеличиться не может.

Таблица

**Количество высших учебных заведений и студентов на начало учебного года.
Данные сайта «Статистика российского образования!»¹**

Год	Число ОУ	В них студентов – всего, тыс. чел.	На 10 000 насел. приход. студентов
1914	72	87	10
1917	150	149	16
1940/41	481	478	43
1950/51	516	797	77
1960/61	430	1 497	124
1970/71	457	2 672	204
1980/81	494	3 046	219
1990/91	514	2 825	190
1995/96	762	2 791	189
2000/2001	965	4 741	327
2004/2005	1 071	6 884	481

К концу XX в. потенциальные семы денотативного компонента первого лексико-семантического варианта настолько укрепились, продвинувшись к ядру денотата, что словари актуальной лексики стали фиксировать появление новых, специализированных значений слова профессионал: «спортсмен, профессио-

нально занимающийся спортом», «профессиональный преступник»². Прежде всего, было отмечено появление видов деятельности, традиционно не связываемых с профессиональной работой, таких как спорт и криминал³, см. в словаре под ред. Г. Н. Складневской:

ПРОФЕССИОНАЛ, а, м. 1. Спорт. Спортсмен, профессионально занимающийся

¹ URL: http://stat.edu.ru/scr/db.cgi?act=listDB&t=2_6_1a&tttype=2&Field=All

² Есть и неотмеченные словарями новые значения. Так, например, разговорное значение слова профессионалка – 'женщина, занимающаяся проституцией' реализуется в следующем контексте:

– Мне нужна помощь, Ольга! – говорит по телефону низкий, чуть подрагивающий голос. – Я...у

меня беда... Только Вы должны знать. Я – профессиональная проститутка! (О. Хмелевская. Профессионалка и очень порядочные женщины).

³ Подобное отмечалось уже в словаре под ред. Д. Н. Ушакова в качестве варианта значения, но для другого вида деятельности: «То же, что профессиональный революционер».

спортом. 2. *Криминал*. Профессиональный преступник.

ПРОФИ, нескл., м. 1. Спорт. = Профессионал (1 знач.). 2. Криминал. = Профессионал (2 знач.). 3. Профессионал в какой-л. области деятельности, сфере бизнеса [16].

Данная семантическая дифференциация свидетельствует о динамических процессах в профессиональной сфере и социальной потребности членов общества в признании. Активное внедрение в русский дискурс заимствованного из английского языка разговорного слова *профи* также демонстрирует указанное положение. См. его динамику на рис. 2.

Собственно языковые причины, а именно иноязычный ореол, морфологические и словообразовательные характеристики

слова *профи* – способность выражать как субстантивное, так и адъективное значение, присоединяться как слева, так и справа, быть написанным как кириллицей, так и латиницей – дают возможность становиться составным элементом или самостоятельным множества новообразований-эргонимов. В языке города Новосибирска насчитываются десятки таких наименований: ООО/компания/магазин «Профи», Окна Профи, Профи-Новосибирск, ProfiServis, Имидж Профи, ПрофиЭлектроМаркет, ПрофиКом, ПрофиПринт, Автопрофи, АзияПрофи, АлтайПрофи, СибПрофи, АвтозвукПрофи, Алмаз-Профи, Патр-нер_Профи, ПрокатПрофи, СЭС Профи, БагетПрофи и др.

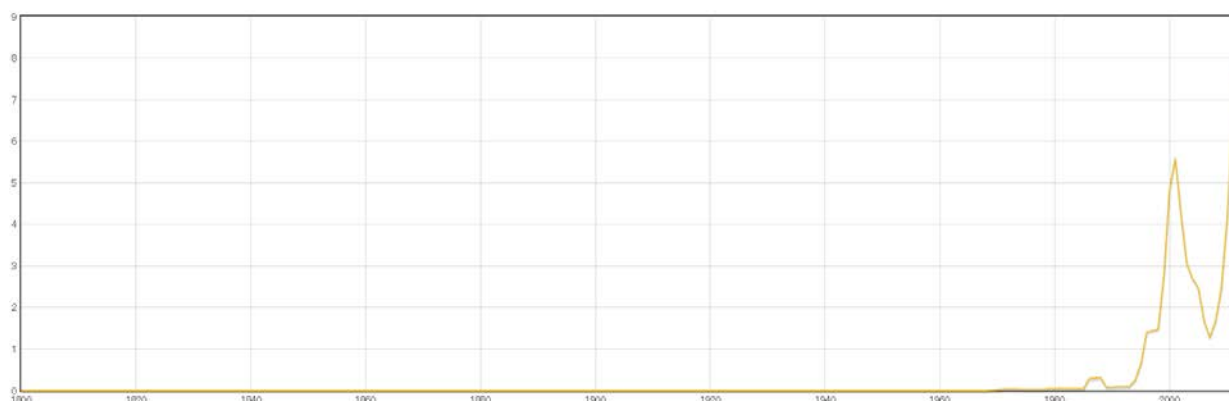

Рис. 2. Количество употреблений слова *профи* по данным НКРЯ.

Распределение по годам (частота на миллион словоформ)

В значении слов *профессионал*, *профи*, как и других подобных слов с семантикой высокого статуса лица в профессиональной/общественной деятельности (например, *деятель*, *спец*, *специалист*, *труженик*, *величина*, *ветеран*, *классик*, *корифей*, *мэтр*, *патриарх* (*перен.*), *светило* (*перен.*), *служитель* (*перен.*), *старейшина*⁴, *эксперт*), помимо позитивной оценки в денотативном ядре, имеется прагматический микрокомпонент эмоциональной

оценки. Этот компонент избыточен, как и указывает Г. Н. Складневская, но он существует отчасти потому, что не всегда согласуется с денотативной оценкой. Семьи больших возможностей, прав и позитивной эмоции удовлетворения от занимаемого положения и уверенности в своих силах реализуются в следующих фрагментах речи о себе:

4) *Критика меня волнует слабо. Я профессионал и не считаю, что критики, при*

⁴ Данный ряд слов приведен по «Русскому семантическому словарю» [17].

всем уважении к ним, могут судить о моей работе лучше, чем я сам. А со зрителем у меня роман, и это главное, потому что только в этом романе – суть профессии [Юлия Кантор. Олег Табаков: «У меня роман со зрителем» (2002) // «Известия», 2002.11.20]⁵;

5) Ты не боишься, что за эту нашу беседу тебя отстранят от прямого эфира? Меня много раз отстраняли, и, конечно, это неприятно. Но у меня нет страха потерять работу. Я знаю, что я – профессионал. И пока у меня есть эфирное время, я хочу помочь как можно большему количеству людей. Не вообще стране, не вообще перестройке. А конкретным людям [Владимир Мукусев, Анастасия Ниточкина. Взгляд изнутри // «Огонек». № 1 (3311), 1991, 1991].

В речи о других часто выражаются эмоции уважения, высокой степени доверия к людям, называемым профессионалами, например:

6) Планирование в идеале это процесс, где каждый обитатель городского пространства делится своими запросами, ресурсами, компетенцией, и это сотрудничество рождает образ города, который постоянно корректируется. У архитекторов в этом процессе незаменимая роль: именно они способны предложить материальное, конкретное выражение всех этих коллективных и частных интересов. Они могут представить себе, насколько предлагаемая градостроительная форма будет восприимчива или устойчива к эволюции этих самых человеческих интересов и запросов. Это называется «пространственным мышлением», и профессионалы с таким навыком редкость во всем мире [Василий Кореецкий. Самоуправляемая электрокапсула //

«Русский репортер», № 45 (223), 17 ноября 2011, 2011].

Это типичные реализации прагматического слоя лексемы профессионал. Менее типичными, но вполне предсказуемыми оказываются негативные коннотации, например:

7) Профессионал – это человек, занимающийся какой-либо деятельностью в качестве зарабатывания средств к существованию, то есть это человек, работающий в каком-либо отделе, структуре и т. п. Обычно профессионалы приобретают специальные знания и навыки в учебных заведениях и обладают всеми «человеческими качествами»: глупостью, продажностью, ленью, лживостью, беспринципностью, коварством, человеконенавистничеством <...> Феномен профессионализма заключается в ограниченности жизненных сценариев и мощности современной системы образования, что позволяет профессионалу адекватно ориентироваться в стандартных ситуациях, характерных для его профессии. В то же время в нестандартных ситуациях и изменении обстановки профессионал может оказаться в худшем положении, чем дилетант, который многого не знает, всего «боится» и, благодаря этому, более адекватно воспринимает переходные процессы и находит решения там, где для профессионала их нет (URL: <http://www.insai.ru/slovar/professional>).

В данном случае мы видим выражение негативной оценки профессионала и негативных эмоций недоверия, презрения или даже ненависти. В основе таких эмоций обычно лежит негативный личный опыт, и приведенный фрагмент вполне подтверждает тезис В. Н. Телля о том, «...практически все оценки относительно, так как зависят от эмпатии, а потому

⁵ Примеры 5–7 взяты из Национального корпуса русского языка [15].

большинство оценочных значений амбивалентны» [3, с. 110].

Анализ материала показал, что выражение тех или иных прагматических микрокомпонентов лексического значения слова *профессионал* и других подобных слов зависит от ряда причин: во-первых, от фактора «Я–Ты–Он–грамматик» [3, с. 122, 212], т. е. описания себя, или адресата, или третьего лица, во-вторых, от жанра текста, и, наконец, от типа языковой личности автора высказывания.

Первый параметр отражен в русской идиоматике следующим образом. Как указывает Л. В. Балашова, чаще всего ложной или приукрашенной считается информация о самом себе или о своих близких (*Каждая курица свой насест хвалит; Всяк кулик своё болото хвалит; Всякая сосна своему бору шумит*) [18, с. 104]. Видимо, в связи с этим русский речевой этикет предписывает скромность, иными словами, более строгое отношение к оценке себя во всех сферах коммуникации. Можно предположить, что семантика единиц языка и особенности их употребления в автореферентном дискурсе (как при его порождении, так и при его восприятии) в той или иной степени отличается от семантики аналогичных единиц в тексте, где объектом описания являются другие.

В связи с этим, чтобы «не потерять лицо», говорящий с высоким уровнем языковой компетенции вынужден избегать самономинаций с прагматическим компонентом высокого статуса и сверхпозитивной оценки.

Другим важным фактором оказывается речевой жанр, типовая коммуникативная ситуация, задающая режим самоописания. К примеру, в жанре самопрезентации говорящий вынужден себя хвалить, представлять себя «в лучшем свете», поэтому при использовании лексем с семантикой высокого статуса нейтрализовать коннотации позитивной оценки и позитивных эмоций не удастся. В некоторых дискурсивных употреблениях такая сверхпозитивная оценка себя и эмоции гордости, удовлетворения представляется чрезмерной, или, как говорится, «зашкаливает»⁶. Например, на своем сайте учитель так рассказывает о себе, о своем призвании:

8) **Профессионалы** нужны в каждом деле. Мне посчастливилось увидеть и почувствовать работу настоящих мастеров. Все самые дорогие для меня люди и по профессии и по призванию учителя. Я принадлежу к педагогической династии, общий педагогический стаж работы которой составляет 247 лет, и с каждым годом он увеличивается. Протянулась незримая, но крепкая ниточка, связывающая воедино несколько поколений. Продолжают династию шесть педагогов. И глубоко в душе чувствую гордость, что являюсь одним из них. Передо мной никогда не стоял вопрос, кем быть (URL: http://zabavinasv.narod.ru/page1_2.html).

Следует заметить, что выбор косвенной формы самономинации (*профессионалы нужны в каждом деле*), т. е. описания в 3-м лице, снижает здесь степень прагматического

⁶ Интенция подобных самоописаний заключается в оказании воздействия на адресата – привлечении на свою сторону, убеждении воспользоваться услугами, вызвать максимальное доверие и под. Аналогичная функция реализуется при

употреблении слова *эксперт*, например: *Я, Ирина Иванченко, Трансформационный тренер и коуч, Первый русскоязычный эксперт по достижению успеха с техникой меридионального простукивания*. (URL: <http://www.happykaterina.com/ya-expert>).

воздействия на адресата, становится своеобразным амортизатором от «удара самопохвалой»⁷.

В тексте дневника, написанного автором для самого себя, отсутствие «потери лица» от самопохвалы обеспечивается его жанром. Например, в дневнике В. Я. Проппа от 25 января 1965 г.:

9) Обсуждение книги В. Е. Гусева. Фридендер, с необыкновенной легкостью, не сказав о книге ничего, очень убедительно и умно хвалил ее. Для меня такая виртуозность совершенно таинственна. Я: надо говорить не о взглядах Веселовского, а о методах. Я показываю как профессионал несостоятельность выводов Веселовского о происхождении эпоса, о комедиях и пр., но подымаю на щит «Поэтику сюжетов» [20, с. 298].

Помимо жанра эффект самопохвалы здесь нейтрализует специфическая грамматическая конструкция с союзом КАК, обозначающая высокий статус путем свернутой логической пропозиции (я как профессионал показываю).

В дневниковом дискурсе В. Я. Проппа вес самопрезентационного компонента сводится к минимуму еще и потому, что на первый план выдвигаются осмысление своей жизни, своей миссии, иначе говоря, увеличивается вес самоидентификации как выражения, описания, конструирования, подтверждения идентичности говорящего. Поэтому самообозначение профессионал встает в один ряд с лексемой ученый как другого самоидентификационного показателя:

10) Моя жизнь протекает непродуктивно, она есть производное от неполноценности других: множество плохих или слабых

диссертаций занимают мое время и исчерпывают мою энергию. <...> Нормальная жизнь ученого – не от слабости других, а от их достижений. Я должен знать, что достигли другие, и сам встать в этот ряд. Иначе получается непродуктивная жизнь. Я должен работать над своей грамматикой космического [20, с. 299].

Итак, специфика самообозначения лексемой высокого профессионального статуса элитарной языковой личностью заключается не приписывании себе определенных качеств, поднимающих статус самой персоны, а во взятии на себя определенных обязательств и каждодневной борьбе за свою идентичность.

Лексикографическое описание слов рассматриваемой семантической группы, как можно было увидеть, крайне лаконично, более того, современные словари, обозначая формирование новых лексико-семантических вариантов, не используют все инструменты словарной статьи (пометы, дискурсивный материал). Думается, что толковый словарь активного типа должен отражать амбивалентный характер их значений и особенности их употребления в соответствии с русским речевым этикетом. При этом лексикограф должен учитывать следующие параметры, обуславливающие выдвижение тех или иных прагматических компонентов значения: 1) речь о себе или речь о другом, 2) жанр, 3) грамматическая конструкция высказывания, в которое попадает слово со значением высокого статуса. В публичном дискурсе о себе данная лексика может нанести урон речевому и личностному имиджу говорящего, будучи воспринятой как самопохвала. Дискурсы с ограниченным кругом

⁷ О других способах подачи положительной самооценки см. в работе Т. А. Трипольской «Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и

прагматический аспекты» [19]. Так, наиболее распространенной стратегией является подача самопохвалы как объективной информации.

адресатов и конструкции со свернутой логической пропозицией (*я как., речь о себе в 3-м лице и др.*) снижают вес самопрезентационного компонента и, следовательно, риск «потери лица» говорящего субъекта. В словарной статье для маркирования национально-культурного прагматического компонента самопохвалы может быть использована помета «о себе» (когда носителями русской культуры

данное действие оценивается негативно), а прагматического компонента, выражающего уважение, – помета «о других» (позитивная оценка данного действия). В иллюстративной зоне могут быть использованы фрагменты из текстов различных жанров, в которых используются лексемы со значением высокого статуса в различных грамматических конструкциях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Кобозева И. М.** Лингвистическая семантика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
2. **Апресян Ю. Д.** Избранные труды. – Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
3. **Телия В. Н.** Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 288 с.
4. **Жирова И. Г.** О проблеме перевода экстралингвистических компонентов с русского языка на английский // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». – 2013. – № 5. – С. 60–66.
5. **Скляревская Г. Н.** Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам. – № 6. – Сеул, 2001. – С. 177–202 [Электронный ресурс]. – URL: <http://philology.ru/linguistics2/sklyarevskaya-01.htm> (дата обращения: 27.02.2015).
6. **Скляревская Г. Н.** К вопросу о прагматической информации в толковом словаре: возможны ли прагматические пометы? // Лингвистическая прагматика в словаре. – СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 1997. – С. 6–13.
7. **Трипольская Т. А., Булыгина Е. Ю.** Идеологическая семантика как объект лексикографирования разновременными словарями // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2015. – № 2 (24). – С. 28–40.
8. **Новый** объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. – Москва; Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2004. – 1488 с.
9. **Толковый** словарь русского языка: в 4 т. – М.: Сов. энцикл.; ОГИЗ, 1935–1940. – Т. 3 / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1939. – 1424 стб.
10. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. – 21-е изд. – М.: Русский язык, 1989. – 924 с.
11. **Словарь** русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
12. **Ефремова Т. Ф.** Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: Св. 136000 слов. ст., ок. 250000 семант. единиц: [в 2 т.]. – М.: Рус. яз., 2000.
13. **Семенов А. В.** Этимологический словарь [Электронный ресурс]. – URL: <http://evartist.narod.ru/text15/019.htm> (дата обращения: 27.02.2015)

14. **Виноградов В. В.** История слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1999. – 1138 с.
15. **Национальный** корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 27.02.2015).
16. **Толковый** словарь современного русского языка Языковые изменения конца XX века / ИЛИ РАН; под ред. Г. Н. Складчиковой. – М.: Астрель; АСТ, 2001. – 944 с.
17. **Русский** семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН, Ин-т русского яз.; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – Т. III. – М.: Азбуковник, 2003. – 720 с.
18. **Балашова Л. В.** Вербальная коммуникация и её отражение в идиоматике русского языка // Прямая и не прямая коммуникация. – Саратов: Колледж, 2003. – С. 93–108.
19. **Трипольская Т. А.** Коммуникативные стратегии самооценки (самопохвалы) // Т. А. Трипольская. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1999. – С. 90–98.
20. **Пропп В. Я.** Дневник старости. 1962–196... // Неизвестный В. Я. Пропп / научное издание; предисловие, сост. А. Н. Мартыновой. – СПб.: Алетейя, 2002. – 480 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1505.06](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1505.06)

Lappo Marina Aleksandrovna, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of Modern Russian Language Department, No-
vosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Fed-
eration.

E-mail: lama2046@yandex.ru

LEXICOGRAPHIC INTERPRETATION OF PRAGMATIC MACRO-COMPONENT AND ITS DISCURSIVE REALIZATION

Abstract

*The article is devoted to the analysis of the semantics of the word **professional**, as reflected in dictionaries and implemented in the discourse. The word has several semantic features the same as a number of similar words with the meaning of high professional or social status. It is defined firstly that emotionally appraisal microcomponent of the word **professional** has an ambivalent character (the usage of the lexeme can mark respect, appreciation or contempt), and secondly that the pragmatic area of the meaning includes the national-cultural component, due to the peculiarities of Russian speech etiquette (speaking about myself too well is indecent). Negatively perceived effect of self-praise is neutralized in the texts intended to be read by a limited circle of persons (e.g. in a diary), as well as by using certain grammatical structures.*

Such conditions reduce the weight of self-presentational component, increasing the proportion of self-identification of the speaker (search and confirmation of personal identity). Explanatory dictionary of the active type can reflect this information including into the structure of the article such notes as "about oneself", "about others", "for oneself", "for others", various examples of specific genre and type of linguistic identity can be introduced in the area of illustrative material.

Keywords

Structure of meaning, pragmatic macrocomponent of the meaning, status, lexicography, self-nomination, self-identification, elite linguistic identity.

REFERENCES

1. Kobozeva I. M. *Linguistic semantics*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2000, 352 p. (In Russian).
2. Apresyan Yu. D. *Selected works, vol. II. Integral description of language and system lexicography*. Moscow, School "Languages of Russian culture" Publ., 1995, 767 p. (In Russian).
3. Teliya V. N. *Russian phraseology. Semantic, pragmatic, linguistic and cultural aspects*. Moscow, School "Languages of Russian culture" Publ., 1995, 288 p. (In Russian).
4. Zhironova I. G. On the problem of translation of extralinguistic components from Russian into English. *Bulletin of Moscow state regional University. Series "Linguistics"*. 2013, no. 5, pp. 60–66. (In Russian).
5. Sklyarevskaya G. N. The word in a changing world: Russian language in the beginning of XXI century: current state, problems, prospects. *Studies in Slavic languages*. No. 6. Seoul, 2000, pp. 177–202. Available at: <http://philology.ru/linguistics2/sklyarevskaya-01.htm> (accessed: 27.02.2015). (In Russian).

6. Sklyarevskaya G. N. To the question of pragmatic information in the dictionary: are pragmatic litters possible? *Linguistic pragmatics in the dictionary*. St. Petersburg, The Institute for linguistic studies Russian Academy of Sciences Publ., 1997, pp. 6–13. (In Russian).
7. Tripolskaya, T. A., Bulygina, E. Yu. Ideological semantics as an object of lexicographically diachronic dictionaries. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2015, no 2 (24), pp. 28–40. (In Russian).
8. *New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language*. (ed.) Yu. D. Apresyan. Moscow, Vienna, Languages of Slavic culture Publ., Vienna Slavic almanac Publ., 2004, 1488 p. (In Russian).
9. *Explanatory dictionary of Russian language In 4 volumes*. Moscow, Sov. Encyclopaedia Publ., Ogiz Publ., 1935–1940. Vol. 3. Ed. D. N. Ushakov. Moscow, Gos. publishing house of foreign. and nat. words Publ., 1939. 1424 stb. (In Russian).
10. Ozhegov S. I. *Dictionary of Russian language*. Ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow, Russian language Publ., 1989, 924 p. (In Russian).
11. *Dictionary of Russian language In 4 volumes*. Ed. A. P. Evgen'eva. Moscow, Rus. lang. Publ., Polygraphists Publ., 1999. (In Russian).
12. Efremova T. F. *New dictionary of Russian language. Sensibly-derivational*. Moscow, Rus. lang. Publ., 2000. (In Russian).
13. Semenov A. V. *Etymological dictionary*. Available at: <http://evartist.narod.ru/text15/019.htm> (accessed: 27.02.2015). (In Russian).
14. Vinogradov V. V. *The history of words*. Ed. N. Yu. Shvedova. Moscow, Institute of Russian language V. V. Vinogradov Russian Academy of Sciences Publ., 1999, 1138 p. (In Russian).
15. *Russian National Corpus*. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed: 27.02.2015). (In Russian).
16. *Explanatory dictionary of modern Russian language. The Language changes of the late twentieth century*. Ed. G. N. Sklyarevskaya. Moscow, Astrel Publ., AST Publ., 2001, 944 p. (In Russian).
17. *Russian semantic dictionary. Dictionary, classified according to the classes of words and meanings*. Ed. N. Yu. Shvedova. Vol. III. Moscow, Azbukovnik Publ., 2003, 720 p. (In Russian).
18. Balashova L. V. Verbal communication and its reflection in the idiom of Russian language. *Direct and indirect communication*. Saratov, College Publ., 2003, pp. 93–108. (In Russian)
19. Tripolskaya T. A. Communicative strategy of self-esteem (self-praise). *Emotive-evaluative discourse: cognitive and pragmatic aspects*. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 1999, pp. 90–98. (In Russian).
20. Propp V. Y. Diary of old age. 1962–196... *Unknown V. Y. Propp*. Comp. A. N. Martynova. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2002, 480 p. (In Russian).

© Л. Н. Храмцова

DOI: [10.15293/2226-3365.1505.07](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1505.07)

УДК 81'373

КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ СКАНДАЛА: СЕМАНТИКА ДОСТОВЕРНОСТИ*Л. Н. Храмцова (Новосибирск, Россия)*

В статье исследуются активные процессы в семантике слова скандал, происходящие в современном русском языке. Обосновывается мысль о том, что изменения в лексическом значении формируются под влиянием социальных процессов, происходящих в обществе. Обращение к масс-медийному дискурсу объясняется тем, что основным пространством возникновения и распространения современных скандалов являются СМИ и Интернет. Прослеживается тенденция подавать происходящие в обществе события со скандальной окраской. На основе изучения текстов СМИ установлено, что слово скандал изменяет свою семантику, появляются новые смысловые компоненты, не отраженные в толковых словарях. Особое внимание уделяется влиянию контекстного окружения на формирование позитивной коннотации в слове: делается вывод о смысловом сближении с семантическими полями «Успех», «Карьера», «Пиар». Скандал из негативного явления, которое старались скрыть, превращается в стратегию для привлечения внимания.

Выявлены ядерные компоненты в лексическом значении слова скандал: событие должно иметь характер новизны, быть шокирующим, сенсационным, может быть основано на недостоверных сведениях, служить цели повышения популярности, рейтинга участника скандала.

Ключевые слова: семантика, активные процессы в языке, коммуникативная ситуация, скандал, конфликт.

Авторы многих работ, изучающие активные процессы в русском языке на рубеже XX–XXI вв., говорят о социальных причинах происходящих изменений. В основе активизации многих лексических единиц чаще всего лежат именно социальные факторы. Скандал относится к группе таких слов, которые отличает высокая частотность употребления, расширение лексической сочетаемости и изменение

семантики. Изучение скандала с философских позиций, позволяет А. В. Дмитриеву утверждать, что «сущность скандала наилучшим образом проявляется на фоне анализа общества, где каждая сфера и каждая эпоха имеют свою символику, свои особенности и свои определяющие ценности» [1, с. 11].

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект 15-04-00122а «Прагматический потенциал языкового знака: семасиологический и лексикографический аспекты».

Храмцова Людмила Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой современного русского языка, Новосибирский государственный педагогический университет.
E-mail: ilyudmilanik@yandex.ru

Обращение к масс-медийному дискурсу как наиболее восприимчивому ко всем новым явлениям в общественной жизни позволяет выявить новые смыслы в семантике лексемы **скандал**, т. к. «в современном мире основным пространством конструирования и драматизации скандала являются СМИ и Интернет» [1, с. 26].

Лексические значения слова **скандал**, зафиксированные в словарях русского языка, не в полной мере отражают современную семантическую структуру слова. К такому выводу мы пришли в результате анализа употреблений данного слова в языке СМИ, который является одной из наиболее активных сфер литературного языка. Лингвисты признают, что изменения, происходящие в языке СМИ, во многом определяются социокультурным и коммуникативным контекстом. В то же время много в последнее время говорится о заметном влиянии языка СМИ на формирование языковых вкусов и предпочтений носителей языка: «Дискурс СМИ <...> – нечто вроде закуской МакДоналдса: такой дискурс должен легко перевариваться и быстро производить свой эффект («усваиваться», как и любая fast food), позволяя по возможности незаметно манипулировать сознанием аудитории» [2].

Все толковые словари русского языка фиксируют у слова *скандал*, как правило, два значения: «событие, происшествие, позорящее участников и ставящее их в неловкое положение» и «ссора с криком, бранью или дракой». Приведем примеры словарных статей лексемы **скандал** из толковых словарей, фиксирующих лексику разных временных периодов.

1. «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова [3]:

Скандал (от греч. *skandalon* – препятствие, соблазн). 1. Событие, происшествие,

позорящее участников и ставящее их в неловкое положение. *Вокруг этого дела разыгрался скандал. Скандал в семье. Политический скандал. Скандал в благородном семействе* (шутл. поговорка). || Безобразие, нечто недопустимое, невозможное (разг. фам.). *Истратил все деньги – прямо скандал! Какой скандал, я забыл написать письмо!* 2. Дебош, происшествие, нарушающее порядок руганью, дракой. *Нарваться на скандал. Устроить скандал.*

2. «Словарь русского языка» С. И. Ожегова [4]:

Скандал, -а, м. 1. Случай, происшествие, позорящее его участников. *Политический с.* 2. Происшествие, ссора, нарушающие порядок (руганью, дракой и т. д.). *Устроить кому-н. с. У соседей опять с.*

3. «Большой толковый словарь русского языка», гл. ред. С. А. Кузнецов [5]:

Скандал, -а; м. [франц. *scandale*] 1. Случай, происшествие, получившие огласку и позорящие его участников. *Мы не должны допустить скандала. Избежать скандала невозможно. Постарайтесь как-нибудь замять с. Нельзя ли предотвратить надвигающийся с.? Разразился громкий политический с. Пресса мулсирует подробности скандала с незаконными поставками оружия. / Разг. О чём-л. предосудительном, недопустимом, невозможном. Как ты посмел не ответить начальству? это с.! 2. Ссора с криками, шумом, дракой и т.п. *У соседей, кажется, начался очередной с. Разразился безобразный с. Хватит, прекратите этот с.! Прибежавшие на шум люди тщетно пытались разнять участников скандала. С. разгорелся с новой силой. Перестань устраивать семейные скандалы!* <Скандалец, -льца; м. Разг. Скандалище, -а; м. Увелич. Скандальчик, -а; м. Смягчит. Скандальный (см.).*

Слово **скандал** было заимствовано русским языком из западноевропейских языков.

Нет однозначного ответа на вопрос, из какого языка пришло слово. Как зафиксировано в этимологическом словаре русского языка М. Фасмера [6], это слово могло быть заимствовано в русский язык посредством немецкого *Skandal* или французского *scandale*. В западноевропейские языки это слово пришло из позднелатинского *skandalum*, которое в свою очередь восходит к греческому:

Скандал род. п. -а. Заимств. из зап. языков через нем. *Skandal* или франц. *scandale* из лат. *scandalum*. Напротив, церк. скандал «соблазн, искушение», др.-русс., ст.-слав. сканѣдаль, сканѣдѣль «ловушка, сеть; соблазн» (Дильс, Aksl. Gr. 35 и сл.) из того же источника, что и зап.-европ. слова, – греч. σκάνδαλον «западня, ловушка; соблазн, досада» (Бауэр, Wb. 1254 и сл.; ср. Фасмер, Гр.-сл. эт. 181; Преобр. II, 294).

В греческом языке слово *skandalon* имело значение «соблазн, искушение». Именно в этом значении слово **скандал** было заимствовано русским языком. В работе Е. И. Коряковцевой приводятся материалы из картотеки Древнерусского словаря, где внимание исследователя привлекли два примера из разных списков переведенной с древнегреческого языка Псалтири XII в. с толкованиями: «...при стези соблазны положиша ми...»; «...при стези скандал положиша ми...» (на пути создали мне препятствие). Выяснилось, что слово **соблазн** было связано со словом **скандал** еще в церковнославянском и древнерусском языках, и при переводе Псалтири они используются как полные синонимы, т. е. синонимы, между которыми нет различий в их лексических значениях [7, с. 61].

Как известно, язык борется с избыточностью, стараясь избавиться от тождественных по значению синонимов, поэтому в языке точных синонимов немного. Уже к XV в., судя по

материалам картотеки Древнерусского словаря, слово **соблазн** вытеснило из употребления слово **скандал** в значении «искушение». Если один из синонимов – исконное слово, а другой – заимствованное, то в большинстве случаев выбор делается в пользу исконного слова. Поскольку исконным словом было слово **соблазн**, то именно за ним закрепилось значение «искушение» [7].

В дальнейшем все те значения, которые могли бы развиваться в русском языке у слова **соблазн**, появились у слова **скандал**, ход развития которого был как у латинского *skandalum*, французского *scandale*, немецкого *Skandal*, английского *scandal* (из греч. *Skandalon*): от значения «искушение» к значениям «неприличный поступок», «ссора» и «возмущение» [7].

В словаре В. И. Даля слово **скандал** соотносится с первым значением из современных словарей «непристойный случай, поступок» и толкуется через синонимы «срам, стыд, позор; соблазн, поношение» [8]. В этом значении слово **скандал** называет такое событие, происшествие, которое вызывает «унижение в глазах людей; застыванье крови от унижительного, скорбного чувства» [8], которым человек ставит себя в «постыдное, унижительное положение» [4]. Таким образом, участник коммуникативной ситуации скандала попадает в неловкое для него положение только в том случае, если само происшествие, событие становится известно окружающим. Виновник скандала становится объектом всеобщего осуждения, поэтому закономерно его стремление скрыть произошедшее, не допустить огласки. Для публичного скандала не характерен высокий градус негативных эмоций, т. к. сама коммуникация опосредована: она запускается не самим «автором» скандала, а его противниками, теми, кто преследует цель опорочить, вызвать чувство стыда, «смущения, раскаяния

от сознания предосудительности поступка» [3]. Лицо, провоцирующее эти обвинения, может исходить как из реальных фактов, так и основываться на ложных утверждениях, домыслах.

В значении слова **скандал**, которое авторы словарей, как правило, ставят на второе место, ядерной является сема 'ссора', и тем самым в сознании носителей языка скандал связывается с взаимными попреками, обвинениями, выражением взаимного недовольства, которые даже могут сопровождаться дракой. Это иной тип коммуникативной ситуации: скандал выступает как форма конфликтного межличностного общения, как разрядка, выплеск негативных эмоций, способ «выпустить пар». Участники частного, бытового скандала, в отличие от публичного, получившего общественный резонанс, как правило, не пытаются скрыть свое поведение, которое противоречит общепринятым нормам. В таких ситуациях часто появляются «зрители», внешние наблюдатели, которые легко могут квалифицировать событие как скандальное, т. к. кроме речевой агрессии для участников коммуникации характерны соответствующие невербальные признаки: возбужденная жестикуляция, неспособность находиться на одном месте и т. п.

В словарной статье «Русского ассоциативного словаря» [9] представлено больше всего таких реакций на стимул **скандал**, которые актуализируют семы 'ссора', 'крик', 'драка': крик (4), ругань (4), ссора (3), шум (3), спор (2), крики и вопли (1), крики и слезы (1), кровь (1), конфликт (1), разборки (1), слезы (1), ссориться (1), пьяный (1) – всего 24 реакции.

На втором месте по числу полученных реакций на стимул **скандал** оказывается

группа слов, объединенных общей семой 'семья': семейный (5), в семье (3), семья (2), в доме (1), в квартире (1), в семействе (1), дома (1), с мамой (1), на почве ревности (1), развод (1) – всего 17 реакций.

Важным для носителей русского языка также оказалось место возникновения конфликта (всего 9 реакций): из них 6 лексем указывают пространственную локализацию скандала: в кабинете (1), на работе (1), на яхте (1), деканат (1), соседи (1), учитель (1).

Всего 4 лексемы соотносят **скандал** с публичными конфликтами: в обществе (1), в прессе (1), в свете (1), международный (2).

Анализ Русского ассоциативного словаря позволяет сделать вывод о том, что слово **скандал** употреблялось в речи преимущественно в значении «ссора, ругань», а участниками скандала чаще были близкие люди, соседи.

Обращение к современному масс-медийному дискурсу показало, что он также не свободен от контекстов со словом **скандал** в этом значении: *Последний выход в свет пары Алена – Иратов обернулся скандалом. На глазах нашего корреспондента Алена накинута на мужа-продюсера с упреками, а потом, наедине, вlepилa ему пощечину!*¹; *Вечеринка Билана на «Евровидении» закончилась скандалом. Действия охранников вызвали настоящее возмущение у одной из журналисток, а по совместительству горячих поклонниц Билана. И в очередной раз, когда бодигард попытался отогнать ее от сцены, девушка не выдержала!*

– Ты кто такой? Я что делаю что-то плохое? – подняла **скандал** она. – Во всей Европе на «Евровидении» и вечеринках все отрываются – это нормально! Я была на пяти «Евровидениях»! А ты на скольких?

¹ «Отдохни!». № 15. 2005.

*В ответ гражданин Азербайджана с бэйджем "Security" лишь что-то промычал и снова попытался **отпихнуть** журналистку. Благо, нарастающий **конфликт** вовремя заметили коллеги горе-охранника и ринулись **разнимать скандалящих**².*

Как видим, слово **скандал** употребляется в окружении таких лексических единиц, как *накинуться с упреками, влечь пощечину, отпихнуть, разнимать*, которые актуализируют значение «ссора с криком, бранью или дракой». Однако современное масс-медийное пространство меняет саму природу скандала: частный конфликт превращается в публичный скандал, который начинает выполнять совершенно противоположную функцию – не вызывать чувство стыда, смущения, неловкости, а привлекать внимание.

Современное употребление слова **скандал** в СМИ показывает, что актуализируется другое значение: «событие, происшествие, позорящее участников и ставящее их в неловкое положение», однако оно претерпевает серьезные изменения, и не последнюю роль в этом процессе играет медиа-дискурс, особая сфера функционирования языка, где формируется лексическая подсистема, которая имеет собственные языковые особенности и обладает особыми социокультурными характеристиками. Мы проследили специфику семантических трансформаций слова **скандал**.

Один из новых смыслов, появившийся в семантике слова **скандал** – ‘новость’. Яркой приметой интернет-дискурса являются словопотребления такого типа: *Последние и самые свежие новости*, слухи, **скандалы** зарубежного шоу-бизнеса³; *Все последние новости* политики, общества, экономики, культуры, спорта, науки и техники, шоу-бизнеса, криминала, **скандалы**, происшествия⁴; Предлагаем Вашему вниманию *шокирующие новости*, фото, видео, *новости, скандалы*⁵; **Скандалы и сенсации: свежие новости** на Informburo.kz⁶

Типичным для языка средств массовой информации стало также выражение **скандальные новости**: На сайте публикуются только самые *скандальные* и *горячие новости* разных сфер жизни⁷; *Последние скандальные новости* желтой прессы России и зарубежья в заголовках страниц нашего новостного сайта⁸.

Приведенные выше контекстные употребления позволяют сделать вывод о сближении слова **скандал** в значении «случай, происшествие» и слова **новость** в значении «недавно полученное известие». В масс-медийном пространстве скандал обязательно должен быть новым, а новость подается со скандальной окраской. А. Г. Волынская считает, что скандал превращается в распространенную форму осмысления действительности: «Скандальность современной культуры в

² Вечеринка Билана на «Евровидении» закончилась скандалом // Экспресс-газета ONLINE. – URL: <http://www.eg.ru/daily/evrovid2012/31919/> (дата обращения 30.07.2015).

³ VetoNet.ru – новости, развлечения, блоги. – URL: http://vetonet.ru/clubs/100_poslednie-novosti-zarubezhnogo-shou-biznesa-segodnja-05-08-2015.html (дата обращения 30.07.2015).

⁴ News.rin.ru. Описание. – URL: <http://megabank.biz/urlinfo.php?url=news.rin.ru> (дата обращения 30.07.2015).

⁵ Шокирующие новости. – URL: <http://inshocking.ru> (дата обращения 30.07.2015).

⁶ Новости Казахстана: лента последних новостей на ИнформБюро. – URL: <http://informburo.kz/> (дата обращения 30.07.2015).

⁷ Скандальные новости, шокирующие подробности. – URL: <http://ru-all.net/link/28223> (дата обращения 30.07.2015).

⁸ Пресса Онлайн. Пресса. Последние новости. – URL: <http://pressano.com/> (дата обращения 30.07.2015).

сравнении с культурой раннего модерна отражает не моральную деградацию общества или рост количества нарушений – скорее, она характеризует саму интенцию общества осмыслить произошедшее именно в скандальном модусе» [10].

Мы сравнили характер новостей на двух различных сайтах:

1) СКАНДАЛЫ.ру, создатели информационного интернет-ресурса своей основной задачей считают доведение до сведения читателей «максимум информации о последних политических и экономических событиях в

России и за рубежом, имеющих скандальную окраску»⁹;

2) РИА Новости – Российское агентство международной информации, миссией которого, по мнению создателей, является «объективное освещение событий в мире, информирование аудитории о различных взглядах на ключевые события, включая те, о которых молчат другие»¹⁰.

Можно было бы предположить, что характер подаваемой на этих сайтах информации будет отличаться (табл.). Ср. анонсы новостей:

Таблица

Анонсы новостей

СКАНДАЛЫ.ру – http://scandaly.ru	РИА Новости – http://ria.ru/
Часы года на «свадьбе года». Олимпийская чемпионка Татьяна Навка вышла замуж за пресс-секретаря России Дмитрия и подарила ему часы стоимостью в квартиру в центре Москвы (URL: http://scandaly.ru/2015/08/03/chasyi-goda-na-svadbe-goda/)	Песков о часах: я не мог не надеть на свадьбу подарок жены (URL: http://ria.ru/society/20150803/1160206682.html)
Лучший следователь Москвы осужден как адвокат. За участие в вымогательстве \$1 млн у советника председателя правления Генбанка Евгения Двоскина Замоскворецкий суд Москвы приговорил к двум годам колонии адвоката Александра Бурчука (URL: http://scandaly.ru/2015/08/04/luchshiy-sledovatel-moskvyi-osuzhden-kak-advokat/)	Прокурор требует 2,5 года колонии для экс-следователя по делу Генбанка. Прокурор требует приговорить к тюремному заключению экс-следователя ГСУ ГУМВД по Москве Александра Бурчука (URL: http://ria.ru/incidents/20150723/1143888687.html)
Санкции по наследству. Как устроен бизнес Романа Ротенберга, отказавшегося от карьеры хоккеиста и попавшего в итоге как отец и дядя под западные санкции (URL: http://scandaly.ru/2015/07/31/sanktsii-po-nasledstvu/)	Попавший под санкции Роман Ротенберг надеется на отмену ограничений (URL: http://ria.ru/sport/20150803/1160614514.html)

Как видим, журналисты не делают различий между последними новостями и скандальными новостями. Сложилось устойчивое

мнение, что именно темы катастроф, скандалов, преступлений пользуются наибольшей

⁹ О проекте СКАНДАЛЫ.ру. – URL: <http://scandaly.ru/about/> (дата обращения 30.07.2015).

¹⁰ МИА «Россия сегодня». – URL: <http://ria.ru/docs/about/index.html> (дата обращения 30.07.2015).

популярностью среди читателей и телезрителей, оказываются наиболее заметными и запоминающимися. Провести границу между «скандальными» и «нескандальными» новостями в интернет-ресурсах оказалось невозможным. Говоря о семиотике событийности в средствах массовой информации, В. З. Демьянков отмечает, что восприятие и осмысление сообщений о событиях опирается на жизненные установки общества в данный период его развития. Поэтому неудивительно существование моды на определенные события и темы [11].

Употребление слова **скандал** в окружении прилагательных *свежий, последний, горячий* (перен.) и сущ. *новости* актуализирует сему 'только что'. Однако не всякое недавно произошедшее событие в СМИ называют скандалом. Трансформации семантики слова **скандал** способствует употребление его в одном контексте с прилагательными *сенсационный* и *шокирующий*: Самые острые сюжеты за прошедшую неделю: злободневные интервью и громкие *скандалы*, *сенсационные* подробности из жизни звезд и мнения блогеров¹¹; Самые *скандальные* и *шокирующие новости*! Вступайте в нашу группу и будьте в курсе всех событий!!!¹²

Эпоха постмодернизма так воспитала массового читателя, что он ждет от журналистов сообщения только о таких событиях, которые могут потрясти, изумить, произвести сильное впечатление, шокировать.

Анализ сенсационных и шокирующих скандалов, представленных в СМИ, позволил сделать вывод о том, что в подобных текстах преобладают сообщения о подробностях личной жизни известных людей. Отмечается даже появление своеобразного штампа – *сексуальный скандал: Сексуальный скандал вокруг премьер-министра Италии Сильвио Берлускони вдохновил повара польского кафе на изобретение нового рецепта начинки для пиццы*¹³; *Сексуальный скандал Билла Клинтона и Моника Левински — политический скандал в США, возникший из-за краткосрочных сексуальных связей между 42-ым президентом США Б. Клинтон и 25-летней стажёркой М. Левински (в кабинете главы государства)*¹⁴; *Бывший глава МВФ Доминик Стросс-Кан вновь оказался в центре сексуального скандала, разразившегося вокруг отеля Carlton*¹⁵.

Темы употребления наркотиков, алкоголя, не подходящего, не приличного для данного случая или данного лица поведения, которые чаще всего становятся поводом для возникновения скандала, могут, с одной стороны, выставить известных людей в неблагоприятном свете, что повлечет за собой негативные последствия, с другой – привлечь внимание читателей, зрителей и тем самым поднять рейтинг известности, популярности: *Глюкоза закрутила роман с фотографом. Наташу и Владимира, видимо, связывает настолько нежная дружба, что Широков позволял себе*

¹¹ Новости «Вести.ру. Пятница». Новости, Россия, 2013 год. – URL: <http://www.zoomby.ru/watch/vestiru-pyatnica> (дата обращения 30.07.2015).

¹² Шокирующие новости мира! – URL: <http://ok.ru/mirkorr> (дата обращения 30.07.2015).

¹³ Секс-скандал вокруг Берлускони вдохновил на пиццу. – URL: <http://vlasti.net/news/12162> (дата обращения 30.07.2015).

¹⁴ Сексуальный скандал Билла Клинтона – Моника Левински. – URL: http://us-cars.ru/cars26475/%D0%98%D0%BC%D0%BF%D0%B8%D1%87%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82_%D0%91%D0%B8%D0%BB%D0%BB%D0%B0_%D0%9A%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%BE%D0%BD%D0%B0 (дата обращения 30.07.2015).

¹⁵ Взгляд. Деловая газета. – URL: <http://vz.ru/tags/5530/> (дата обращения 30.07.2015).

поправлять **бретельки от нижнего белья** Ионовой. Кстати, бельё и **полуобнажённая грудь** Глюкозы оказались в эпицентре звездного внимания и восхищения¹⁶; Мел Гибсон **сражается с алкоголизмом**. Напомним, что в июле, когда Гибсон был арестован, разразился нешуточный **скандал**, связанный не столько с его **недостойным поведением**, сколько с **высказываниями антисемитского характера**, которые позволил себе **непрезывый актер**. Сам Мел позже говорил, что был **слишком пьян**, чтобы отвечать за свои слова¹⁷; Lady GaGa принимает **наркотики**, когда пишет песни. Звезда призналась, что во время сочинительства покуривает марихуану¹⁸.

Следует помнить, что все приведенные контексты размещаются в разделах «Новости» («Скандальные», «Сенсационные», «Шокирующие») и содержат факты, компрометирующие участников события, но тем самым вызывающие интерес у современных читателей: «Для наивных коммуникантов скандал предстает развлечением, зрелищем, одновременно притягивающим и отталкивающим, на которое они взирают с безразличностью и осуждением» [12, с. 142].

Еще один новый смысл появляется в семантике слова **скандал** под влиянием таких «слов-соседей», как **сплетни**, **слухи**: **Скандалы**, **сплетни** и **слухи** знаменитостей¹⁹; Информация, **слухи**, **сплетни**, **скандалы** о жизни российских и зарубежных звезд²⁰; Свежие **слухи**, **скандалы**, **сплетни** о звездах шоу-бизнеса, знаменитостях²¹; Все **слухи**, **сплетни**, **скандалы** из жизни звезд, политиков, спортсменов и просто известных людей²².

Таким образом, можно интерпретировать публичный скандал как событие, основанное на домыслах, сведениях, достоверность которых не установлена. На это указывает контекстное окружение слова **скандал**: лексические единицы *говорят*, *приписывают*, *поговаривают*, *ходят слухи* актуализируют семантику недоверия: *Дженнифер Энистон слишком часто приписывают не существующие романы, сумасшедшие истории любви и скандалы. Совсем не давно о актрисе Энистон ходили слухи, что она плачет в жилетку своим подругам и надеется, что Брэд Питт вернется к ней*²³; *На весь мир прогремел скандал, в центре которого оказался немецкий автоконцерн Daimler AG, подкупивший чиновников в 22 странах, чтобы полу-*

¹⁶ TOPPOP.RU. Весь шоу-бизнес в одном месте. – URL: http://www.toppop.ru/news/glyukoza_zakrutila_roman_s_fotografom/ (дата обращения 30.07.2015).

¹⁷ TVNET. – URL: http://rus.tvnet.lv/showbiz/zvezdi/96809-mjel_gibson_srazhajetsja_s_alkogolizmom (дата обращения 30.07.2015).

¹⁸ Женский журнал Woman's Day: читайте обо всем на одном сайте online. – URL: <http://www.wday.ru/krasota-zdorovie/novosti/ledi-gaga-prinimaet-narkotiki-kogda-pishet-pesni/> (дата обращения 30.07.2015).

¹⁹ Аргументы.ру. – URL: <http://argumentiru.com/scandal> (дата обращения 30.07.2015).

²⁰ Российский информационный портал RRNEWS.RU. – URL: <http://rrnews.ru/articles/>

u2686/2015/08/10/122747 (дата обращения 30.07.2015).

²¹ Все о знаменитостях. – URL: <http://www.known.ru/section/skandaly-i-spletni/> (дата обращения 30.07.2015).

²² Экспериментальный каталог русскоязычных RSS-каналов и сайтов с новостными лентами в формате RSS для всех, кто ищет новости. – URL: <http://www.shcandal.com/feeds/news.php> (дата обращения 30.07.2015).

²³ Новости шоу-бизнеса сегодня в мире. – URL: <http://copoka-news.ru/2011/04/> (дата обращения 30.07.2015).

чить госзаказы на производимые ими автомобили. Россия, конечно, тоже «засветилась». **Поговаривают**, что в качестве «отката» наши чиновники получили 3 миллиона евро. <...> Более того, **ходят слухи**, что в этом замешаны высокопоставленные чиновники, в том числе из структуры МВД, которым vorошить свои же ведомства, мягко говоря, не хочется. **Говорят**, что клиентами Daimler в России стали в первую очередь Гараж особого назначения, обслуживающий аппарат президента страны²⁴.

Обычно человек, ставший объектом сплетен, слухов, испытывает негативные эмоции, потому что обсуждение, разговоры вокруг распространяемых сведений носят, как правило, недоброжелательный характер: в русском языке есть слова-синонимы *пересуды, толки*, в лексических значениях которых яркой является негативная сема 'во всех всех мелочах/подробностях'; близкий по смыслу глагол *злословить* также имеет отрицательную окраску: «язвительно и зло сплетничать о ком-, чем-л.» [13, с. 547]. В масс-медийном пространстве сплетни, слухи выполняют иную функцию – это не просто сведения, известия, основанные на неверных сведениях, но такие, которые служат формированию определенного общественного мнения, а поэтому их распространением занимаются PR-специалисты. Сознательное распространение сплетен, слухов, как отмечают многие исследователи, имеет одну цель – привлечение внимания к персоне, которая в результате оказывается в

центре скандала: «Скандалы могут быть полезны. Если вашу компанию упомянули в СМИ, вы автоматически попали в информационную повестку дня, мелькнули в медиапространстве — и это уже хорошо» [14].

Современный читатель, зритель стал привычен к такому типу скандалов в СМИ, которые позволяют «авторам» управлять последствиями скандальных событий: *Медведев превратил скандал с Японией в пиар-ход. Возмущение Японии после поездки Дмитрия Медведева на Курильские острова пойдет на пользу президенту и поднимет его рейтинг накануне выборов. По мнению опрошенных газетой "Труд" экспертов, визит лидера РФ на Курилы представляет собой не что иное, как пиар-ход²⁵; «Ксения Собчак vs Катя Гордон»: скандал или пиар-акция? Стенограмма и аудиозапись скандального эфира уже несколько дней будоражат Рунет. Известная светская дива и хозяйка радиоэфира вступили в словесную перепалку, которая вылилась в итоге во взаимные оскорбления²⁶; Скандал с Филиппом Киркоровым и избиением журналистки был пиар-ходом. «Пиар хороший был. Прошло 2 дня после этого события. Прошла суббота потом воскресенье, и здесь в понедельник – эта волна. Если учесть то, как это дело обросло, как закончилось, никуда так и не дойдя, мне кажется, **новый альбом или песня за этим последует**», – сказал Басков²⁷.*

Часто очевидная ложность, недостоверность скандального события не только не

²⁴ Коррупции. нет. – URL: <http://www.corruption.net/talks/talk-115.html> (дата обращения 30.07.2015).

²⁵ РБК. Политика. – URL: <http://top.rbc.ru/politics/03/11/2010/492862.shtml> (дата обращения 30.07.2015).

²⁶ Лениздат.ру – информационный портал медиасообщества Санкт-Петербурга, Ленобласти

и Северо-Западного региона. – URL: <https://lenizdat.ru/articles/1064304/> (дата обращения 30.07.2015).

²⁷ Gazeta.ua. – URL: http://gazeta.ua/ru/articles/celebrities/_skandal-s-kirkorovym-byil-piarhodom-baskov/365844 (дата обращения 30.07.2015).

вступает в противоречие с интенциями «создателей» скандала, но напротив приводит к более эмоциональному обсуждению и вовлечению большего количества людей в этот процесс. Читатель, зритель понимает, что современные СМИ не гарантируют ему достоверности сообщаемой информации, но он включается в обсуждение скандальных новостей: «Такие новости интересней читать. Такие новости интересней обсуждать. Такие новости интересно писать»²⁸.

В современном русском языке наблюдается расширение изначальной семантики

слова скандал: из события, позорящего участников и непременно приводящего к нежелательным последствиям, скандал превращается в стратегию для привлечения внимания. Как отмечает А. В. Хашковский, «скандал как коммуникативная стратегия становится популярным и эффективным в эпоху переоценки ценностей» [15]. Семантика позора, унижения часто становится имплицитной или стирается вовсе, а на первый план выходят позитивные коннотации: чем более сенсационным и шокирующим является событие, тем больше оно будет служить своей основной цели – повышать популярность участников скандала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Дмитриев А. В., Сычев А. А.** Скандал. Социофилософские очерки. – М.: ЦСП и М, 2014. – 323 с.
2. **Демьянков В. З.** Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие / отв. ред. М. Н. Володина. – М.: Изд-во Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, 2003. – С. 116–133.
3. **Толковый** словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Терра, 1996. – Т. 4. – 752 с.
4. **Ожегов С. И.** Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1987. – 750 с.
5. **Большой** толковый словарь русского языка / гл. ред. и сост. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1536 с.
6. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка: в 4 т. – М.: Прогресс, 1964–1973. – Т. 3. Муза – Сят, 1971. – 827 с.
7. **Коряковцева Е. И.** Связь скандала и соблазна // Русская речь. – 1984. – № 6. – С. 61–64.
8. **Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Русский язык, 1991 – Т. 4. – 684 с.
9. **Русский** ассоциативный словарь: в 2 т. / под ред. Ю. Н. Караулова и др. – М.: Астрель; АСТ, 2002. – Т. 1: От стимула к реакции. – 784 с.
10. **Волынская А. Г.** Скандал как субверсивная практика. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 60 с.
11. **Демьянков В. З.** Семиотика событийности в СМИ // Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной. – М.: Альма Матер; Академический Проект, 2008. – С. 183–210.
12. **Кочкин М. Ю.** Политический скандал как лингвокультурный феномен: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2003. – 184 с.

²⁸ Самые скандальные новости со всего мира. – URL: <https://shocknews.d3.ru/teper-kontsa-sveta->

[ne-izbezhat-493597/](https://shocknews.d3.ru/teper-kontsa-sveta-)
30.07.2015).

(дата обращения

13. **Словарь синонимов**: справочное пособие / под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Наука, 1976. – 648 с.
14. **Ярославцева Е. И.** Скандал в контексте коммуникативных процессов // Социология образования. – 2012. – № 2. – С. 50–57.
15. **Хашковский А. В.** Стратегии PR [Электронный ресурс]. – URL: http://sovetnik.ru/press/2004/01/31/press_21290.html (дата обращения 30.07.2015).

Khrantsova Lyudmila Nikolaevna, Candidate of Philological Sciences, Associate professor, Head of the Modern Russian Language Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.
E-mail: llyudmilanik@yandex.ru

COMMUNICATIVE SITUATION OF A SCANDAL: SEMANTICS OF PLAUSIBILITY

Abstract

The article is devoted to the current tendencies in the semantics of a word scandal in the modern Russian language. The general idea of the article is that changes in the lexical meaning are influenced by ongoing social processes. The mass media discourse is studied because of the mass media and the Internet being the main environment of modern scandals emergence and spreading. The observed tendency in society is to present events with scandalous highlights. Based on the study of mass media texts it is stated that the word scandal expands its semantics, new semantic features appear that are not represented in dictionaries. Special attention is paid to the influence of the contextual environment on the formation of a positive connotation of the word: the author concludes that the word scandal shifts towards semantic fields “success”, “career” and “public relations”. A scandal, as a negative phenomenon meant to be concealed, turns into an attention attracting strategy.

The core components of the lexical meaning of the word scandal are discovered: an event should be new, shocking, sensational, it may be based on inaccurate information, it can serve the purpose of increasing the popularity or improving the rating of a scandal’s participant.

Keywords

Semantics, active processes in language, communicative situation, scandal, conflict.

REFERENCES

1. Dmitriev A. V., Sychev A. A. *Scandal: socio-philosophical essays*. Moscow, CSF and M Publ., 2014, 323 p. (In Russian).
2. Dem'jankov V. Z. The interpretation of political discourse in mass media. *Language of mass media as an object of interdisciplinary research*. Ed. N. M. Volodina. Moscow, Moscow State University Publ., 2003, pp. 116–133. (In Russian)
3. *Explanatory dictionary of Russian language: in 4 vol.* Ed. D. N. Ushakov. Moscow, Terra Publ., 1996, vol. 4, 752 p. (In Russian).
4. Ozhegov S. I. *Dictionary of the Russian language*. Moscow, Russian language Publ., 1987, 750 p. (In Russian).
5. *Big dictionary of the Russian language*. Ed. S. A. Kuznetsov. Saint Petersburg, Norint Publ., 1998, 1536 p. (In Russian).
6. Fasmer M. *Etymological dictionary of Russian language: in 4 vol.* Moscow, Progress Publ., 1971, vol. 3, 827 p. (In Russian).
7. Koryakovtseva E. I. Connection between scandal and temptation. *Russian speech*. 1984, no. 6, pp. 61–64. (In Russian).
8. Dal V. I. *Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vol.* Moscow, Russian language Publ., 1998, vol. 2, 779 p. (In Russian).

9. *Russian Dictionary associative: in 2 vol.* Ed. Yu. N. Karaulov. Moscow, Astrel Publ., AST Publ., 2002, vol. 1: From stimulus to reaction, 784 p. (In Russian).
10. Volynskaya A. G. *Scandal as a subversive practice*. Moscow, Publishing house of the Higher School of Economics Publ., 2014, 60 p. (In Russian).
11. Dem'jankov V. Z. Semiotics of eventfulness in mass media. *The Language of Mass Media*. Ed. N. M. Volodina. Moscow, Alma Mater Publ., Academic Project Publ., 2008, pp. 183–210. (In Russian).
12. Kochkin M. Yu. *Political scandal as a lingnuocultural phenomenon*. Cand. Phil. sci. Diss. Volgograd, 2003, 184 p. (In Russian).
13. *Synonyms dictionary: reference book*. Ed. by A. P. Evgenyeva. Moscow, Nauka Publ., 1976, 648 p. (In Russian).
14. Yaroslavtseva E. I. Scandal in the context of communication processes. *Sociology of Education*, 2012, no. 2, pp. 50–57. (In Russian).
15. Hashkovsky A. V. *PR Strategy*. Available at: http://sovetnik.ru/press/2004/01/31/press_21290.html (accessed 30.07.2015). (In Russian).

© Е. Г. Басалаева

DOI: [10.15293/2226-3365.1505.08](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1505.08)

УДК 81'371

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ АНТИНОМИЯ В ОДОРАТИВНОЙ МИКРОСИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРФЮМЕРНОГО ДИСКУРСА)

Е. Г. Басалаева (Новосибирск, Россия)

В статье на материале текстов, извлеченных из парфюмерных интернет-форумов, рассматриваются особенности субъективной оценки в восприятии и вербализации запаха. Автор статьи отмечает, что одним из способов описания ольфакторных впечатлений оказывается сравнение личного опыта перцепции с мнением других лиц относительно восприятия одного и того же аромата, которое может как совпадать, так и различаться. Таким образом, выявляются некоторые эталонные признаки запаха парфюмерной продукции с достаточно устойчивыми оценочными ассоциациями, что свидетельствует о некоторой аксиологической закреплённости в интерпретации одорических впечатлений в сознании носителя языка. Так, в парфюмерном интернет-дискурсе может содержаться как позитивная оценка своего аромата другими людьми, так и негативная. В первом случае спектр эталонов запаха оказывается достаточно ограниченным и основан преимущественно на совмещении вкусового и обонятельного восприятия. Во втором случае через ольфакторное восприятие в сознании человека актуализируются ассоциативно связанные с ним образы, отрицательно характеризующие лицо с различных точек зрения (возраста, внешности, пола, рода деятельности и др.), связанные со старостью, смертью, химическими веществами, лекарствами и т. д. Иными словами, в интернет-коммуникации можно наблюдать различные оценочные квалификаторы запаха.

Ключевые слова: лексическая семантика, одоративное восприятие, парфюмерный дискурс, интернет-дискурс.

В широком смысле восприятие, как отмечает И. Г. Рузин, – это любое взаимодействие человека с внешним миром (ментальное, физиологическое, физическое, психологическое и т. д.). В рамках перцептивного подхода в лингвистике восприятие трактуется в узком

смысле и ограничивает поступающую в мозг человека информацию только той, которая предоставляется рецепторами или органами чувств: зрением, слухом, осязанием, обонянием и вкусом (поэтому в лингвистической литературе нередко можно встретить термины

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 15-04-00122а «Прагматический потенциал языкового знака: семасиологический и лексикографический аспекты».

Басалаева Елена Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент, кафедра теории языка и межкультурной коммуникации, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия.

E-mail: lana.bas@mail.ru

«чувственное восприятие», «ощущение» или «чувственное представление», понимаемые, как полные или частичные синонимы по отношению к понятию «восприятие») [1, с. 48].

Восприятие является событием, которое осуществляется не только в физической сфере, но также в чувственной, интеллектуальной, ирреальной [2, с. 4].

По словам Ю. Д. Апресяна, первичная ситуация восприятия включает двух основных участников. Первый – тот, кто воспринимает, второй – то, что воспринимается. Субъектом восприятия выступают одушевленные существа, а объектом – те реалии, которые могут быть восприняты рецепторами [3, с. 357]. Ю. Д. Апресяну же принадлежит замечание об иерархическом устройстве системы восприятия, согласно которому зрительное восприятие находится на первом месте по важности и объему поступающей к человеку информации; далее следуют слух, осязание, обоняние и вкус [4, с. 48].

Обонятельное восприятие, представляя собой сложный психофизиологический процесс, является одним из важнейших, хотя и не ведущих, этапов деятельности человеческого сознания по освоению предметного мира. При этом запах в отличие от других форм перцепции, по мнению многих исследователей (Т.А. Трипольской [5], Е.В. Гейко [6], А.А. Колупаевой [7], Н.С. Павловой [8], Ю.А. Старостиной [9] и др.) является более субъективным, наполненным различными нюансами, к нему неприменимы формальные определения. Как отмечает Т. А. Трипольская, результаты различных экспериментов «указывают на значительно более диффузный тип кодирования в обонятельной системе, чем в других сенсорных системах» [5, с. 54]. Поэтому в процессе вербализации обонятельных ощущений нередко срабатывается «принцип нагляд-

ности», который, как пишет Н. К. Рябцева, заключается в «опредмечивании» непредметных сущностей в их способе описания по образу и подобию (восприятия) предметного мира [10].

В настоящее время наиболее интенсивное развитие ольфакторной составляющей языка можно наблюдать в специальном, активно развивающемся парфюмерном дискурсе, в рамках которого говорящие находятся в постоянном поиске вербальных средств, способствующих наиболее точной или модной, востребованной передаче запаховых ощущений.

Под термином «парфюмерный дискурс» мы, вслед за Т. И. Бельской, подразумеваем любой текст о парфюмерной продукции. По своему содержанию эти сообщения представляют собой презентацию новой продукции парфюмеров (реклама), историю использования ароматов (справки), характеристику специфических свойств компонентов и воздействия парфюмерных композиций на человека (научные статьи), демонстрацию методов создания духов (научно-популярные тексты), описание впечатлений о духах, представленных неспециалистами (отзывы) и пр. [11]. Таким образом, в основе выделения данного типа дискурса лежит тематический критерий, который соотносится не с конкретными ситуациями общения, а со сферами человеческой деятельности. Как отмечает, Т. И. Бельская, формальным признаком этого типа дискурса являются языковые средства, прямо или опосредованно репрезентирующие опорные концепты «Запах» и «Духи» [11, с. 3].

Еще одним из параметров выделения типов дискурса в современной лингвистике является канал общения. С этой точки зрения в настоящее время огромный интерес у современных лингвистов вызывает интернет-дискурс, поскольку интернет-коммуникация,

«представляя собой сложный, многоаспектный феномен, является не просто сферой потребления информационного продукта и развлечения, но и одним из тех пространств, в которых люди создают и разделяют жизненные ориентиры, ценности, знание, что в совокупности предопределяет не только их информационную осведомленность и оценку актуальных событий, но и их повседневную жизнь и картину мира. С помощью масс-медиа индивиды и группы транслируют свое представление о реальности, нормах и проблемах, или же создают смыслы и обмениваются ими» [12, с. 13].

Специфика современной коммуникации относительно парфюмерной продукции состоит, прежде всего, в том, что парфюмерный дискурс оказывается довольно часто опосредован средствами массовой информации, к числу которых относится и сфера интернет-общения.

На том основании, что интернет-коммуникация «содержит в себе признаки всех видов дискурса, не принадлежа ни к какому из них полностью» [13, с. 10], считаем возможным говорить о существовании парфюмерного интернет-дискурса, понимаемого как тематически сфокусированную на описании запаха, социокультурно обусловленную речемыслительную деятельность в масс-медийном пространстве [14, с.17].

Пользователи интернет-форумов, посвященных обсуждению различной парфюмерной продукции, нередко делятся собственными переживаниями относительно восприятия того или иного запаха. Называя себя знатоками, «парфюмерными маньяками», «парфюмерными наркоманами» и пр., коммуниканты используют достаточно богатый спектр

номинаций запаха, отдавая предпочтение преимущественно метафорическому способу вербализации аромата. В описании парфюмерии частотны метафорические модели: запах – звук, запах – вода, запах – одежда, запах – человек, запах – предмет, т. е. выявленное многообразие характеристик «опредмечивает» или «анимирует» запах в языковой картине мира [14].

Еще одним интересным способом описания ольфакторных впечатлений оказывается сравнение личного опыта перцепции с мнением других лиц относительно восприятия одного и того же аромата, которое может как совпадать, так и различаться. Тем самым как бы сталкиваются две «точки зрения»: условно «профессиональной» (участника интернет-форума) и «наивной»/«неспециалиста» (третьего лица, мнение которого важно для пишущего) как относительно самого аромата, так и человека, который пользуется тем или иным парфюмерным продуктом. Вербализация чужих запаховых впечатлений становится, таким образом, одним из косвенных способов самопрезентации (нередко похвалы себя, своего запаха) либо же оценки другого с позиции компетентности в обсуждаемых одорических вопросах.

Тексты строятся по двум моделям: комплиментарного и антикомплиментарного характера. Например, 1) *Тут как-то с утра я шикнула себе Jennifer Lopez Still, так он как рассыпался в комплиментах!*; 2) *Девочка, только пришедшая с улицы, с морозца, сказала: "Фууууууу, как в коридоре какими-то духами пахнет!!" По скривившемуся лицу было понятно, что сей аромат ей далеко не приятен(((¹*

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация сохранены.

В каждом из них мы можем выявить некоторые эталонные признаки запаха парфюмерной продукции с достаточно устойчивыми оценочными ассоциациями, что свидетельствует о некоторой аксиологической закреплённости в интерпретации одорических впечатлений в сознании носителя языка. Поэтому в настоящей статье на материале текстов, извлечённых из интернет-форумов <http://www.laparfumerie.org/>, <http://www.fragrantica.ru/>, <http://forum.aromo.ru/>, <http://parfumclub.9bb.ru/> и др., рассмотрим особенности субъективной оценки в восприятии и вербализации запаха более подробно.

1. Рефлексия пишущих относительно **позитивной оценки** своего аромата другими людьми часто направлена на самопохвалу, поэтому способы достижения такой цели различны. Чужая оценка может заключаться в дословной цитате кого-либо или в описании действий, реакций собеседников на аромат пишущего. Позитивная оценка запаха моделируется следующими способами:

а) субъект высказывания описывается со стороны как некий идеальный образ-носитель аромата, наделяемый исключительно положительными качествами, которые напрямую связаны с запахом и нередко обуславливаются именно им. Ср.: *я садилась в такси, и водитель, смотря на меня, долго всматривался, потом повел носом и так гордо сказал: "Сегодня в моей машине будет настоящая Женщина! Так редко в наше время, чтобы женщина пахла свежестью, любовью и женственностью"; Самый прекрасный комплимент "Ты пахнешь моей женщиной и мечтой"; Аромат принес мне необыкновенный комплимент, с мужем были в ресторане, он долго на меня смотрел, потом сказал, что я "его стойкая леди, наполненная страстью, как будто нам по 20 и мы в Венеции" и под.* В

подобных примерах носитель аромата получает такие характеристики, как *настоящая женщина, желанная женщина, леди, фея, актриса* и др., которые имеют положительную окраску. Кроме того, сам запах нередко описывается достаточно абстрактно: одорические признаки подменяются психофизиологическими реакциями на человека. Подобного рода высказывания можно считать своеобразным откликом на рекламный парфюмерный дискурс, поскольку в нем закреплён стереотипный образ женщины, пользующейся тем или иным парфюмерным продуктом (ср. некоторые фрагменты рекламных аннотаций туалетной воды: *Spirit for Woman* от Antonio Banderas для чувственной и страстной натуры; *Яркий, древесно-цветочный аромат предназначен для современной жизнерадостной женщины, чьё лицо редко покидает улыбка, а глаза сияют озорным блеском; Ву Night – новый аромат обольщения; Этот древесно-цветочный аромат для настоящих любительниц городской жизни, урбанисток, он выражает чувства и эмоции, которые современная, бесконечно женственная, но очень сильная женщина испытывает в большом городе и др.*) [15]. Таким образом, цитируя различных собеседников, автор интернет-сообщений как бы подтверждает свое соответствие идеальному носителю аромата;

б) пишущий прибегает к интерпретации поведения собеседников как реакции на собственный парфюм, тем самым моделируется позитивная оценка как запаха, так и его носителя. Языковыми средствами воплощения такого способа похвалы становятся различные лексемы (наречия, существительные, прилагательные), содержащие в зоне коннотации семы интенсивности и оценки. Например, *Мне когда-то на Versace's Essence Emotional было в приступе дикого восторга* сказано: *"Ты пахнешь какими-то марсианскими духами"; Муж*

уловил шлейф и с придыханием произнес "мм..."; Просто надо было видеть его реакцию. Он нескромно вдыхал, закатив глаза; Девушка-операционист встала из-за стойки, и я вижу, как она начинает вбирать и вдыхать в себя воздух, превращаясь, образно, конечно, в "воздушный шарик", буквально отрываясь от земли. У меня даже возникло секундное подозрение, что она сейчас выпрыгнет ко мне из-за стойки. Complimenta не было, но реакция... и др. Иногда реакция на парфюмерию излагается в форме цитирования собеседника, в котором последний констатирует факт воздействия запаха на него. Аромат, таким образом, провоцирует человека к совершению различных действий, как правило, связанных с удовлетворением физиологических потребностей человека (например, *съесть, прижаться, жить* и под.). Ср.: *Какие у вас духи приятные! Хочется уткнуться в вас и нюхать и нюхать! От Вас так пахнет приятно что хочется Жить; Настасья, от вас пахнет такой плотоядной свежестью, что просто грех не убить кого-нибудь в вашу честь; От тебя так обалденно пахнет, так и хочется прижаться; Пётр Петрович заявил, что готов весь день напролёт ходить за такой вкусной девушкой, дескать, так бы и съел меня и др.*

в) субъект интернет-коммуникации ссылается на положительную оценку аромата собеседником. В данном случае пишущими приводятся позитивные характеристики запаха, даваемые другими людьми: *Старушки говорят: "Какое благоухание!"*. Преобладающими в данном случае становятся признаки запаха, основанные на совмещении вкусового и обонятельного восприятия. Поэтому положительно оцениваемый запах практически всегда определяется как вкусный: *Одна сотрудница сказала: "Как вкууууусно и сладко! Эталонами запаха здесь становятся различные продукты, такие как мороженое, печенье и пр.: Охранник*

у меня на работе сказал комплимент "Пахнет мороженым"; фрукты и ягоды: *"Мамочка, от тебя так вкусно пахнет ягодками!"*; овощи и травы: *Муж уловил шлейф и с придыханием произнес "Ммммм... как вкусно базилик в салате пахнет..."*; *Как от тебя картошечкой вареной пахнет! Вку-у-усно!* Если в первом случае полюс оценки не нуждается в уточнении, то во втором, когда речь идет о достаточно редких запаховых сравнениях, обязательно появляется оценочный маркер (например, *вкусно, нравится, приятный, непротивный* и пр.). Данный факт свидетельствует о том, что в сознании носителей языка есть как устойчивые связи между определенным типом продукта и его запахом (например, сладости всегда вкусно пахнут), так и неустойчивые, субъективные. Особенно интересны многочисленные выводы пишущих девушек о том, что мужчинам нравятся обычно сладкие ароматы (ср.: *По моим наблюдениям, мужчины вообще сладкоежки - ванильные и шоколадные парфюмы всегда идут на ура и вызывают неизменный интерес; Сделала вывод, что охранники любят запах шоколада и под.*).

Нередко запах в сознании людей наделяется абстрактными, далекими от сферы перцепции, признаками, которые в свою очередь становятся маркерами позитивной оценки, например, *добрый, хитрый* и под.: *Говорит "пахнет я не могу описать, чем, но чем-то очень добрым"; Первая фраза массажиста: "Какой у вас парфюм!". Я, подозревая передоз: "Резкий?". Он: "Хитрый".* Помимо этого, почти все могут отличить дорогой запах от дешевого, хотя разъяснений, на каком основании сделан такой вывод, как правило, нет: *На различные ароматы Шанель реакция однообразна: пахнет дорого; На работе мужчины-коллеги отметили: "Дорого пахнешь".*

Некоторые ассоциации, связанные с тем или иным ароматом, носят субъективный характер и обусловлены личным жизненным опытом субъекта высказывания, например, *"Такой приятный запах – прямо, как детская присыпка"*.

Таким образом, в текстах комплиментарного характера задается некий идеальный образ, как пользователя парфюмерной продукции, так и самого аромата.

2. Гораздо чаще участники интернет-форумов прибегают к описанию **негативной реакции** окружающих на тот или иной аромат.

В данных примерах также можно выявить различные стратегии в представлении отрицательной характеристики запаха или его носителя. Рассмотрим эти случаи более подробно.

а) пишуший, обращаясь к мнению другого человека (мамы, мужа, ребенка, коллеги, прохожего и др.), нередко приводит неожиданные реакции на аромат, через призму которых дается разносторонняя оценка самого субъекта высказывания. Так, через ольфакторное восприятие в сознании человека актуализируются ассоциативно связанные с ним образы, характеризующие лицо с различных точек зрения:

- возраста: *Фу, не носи этот парфюм, а то выглядишь как старушка и пахнешь так же;*
- внешности: *Мой парень сказал, что в этом парфюме я выгляжу ужасно лет так на 80;*
- пола: *Мужиком пахнет;*
- рода деятельности, социально или личностно не поощряемого: *Пахнешь как девушка легкого поведения!; Так могла бы пахнуть какая-нибудь стриптизерша!; Реакция следующая: "Не, мать, не покупай! Секретаршами пахнет"; "... фу, это пахнет бухгалтершами, в любой конторе одинаково..."*

Таким образом, запах имеет своего адресата, например, *такое ретро, для дам пост-бальзаковского возраста; духи для взрослой толстой усатой тетеньки*. В подобных случаях говорящими отмечается некое противоречие между носителем аромата и самим запахом: он может старить, компрометировать;

б) у носителей языка есть определенные негативные стереотипы в восприятии того или иного аромата, которые закрепляются в устойчивых эталонах запаха, имеющих самую разнообразную природу.

Так, негативными характеристиками наделяются следующие объекты, попадающие в зону ольфакторного восприятия.

К первой группе можно отнести явления, характеризующиеся в целом как **старые**. Носителями языка достаточно часто вычленяется запах «старого», поэтому в их репликах нередки квалификаторы запаха типа *старье, довоенный, старинный* и под. Ср.: *У тебя есть духи и получше. Эти, наверное, довоенные?; Подходит ко мне коллега и выдает: Ты в чем? От тебя старьем пахнет.*

Эталонами старости могут выступать:

- человек определенного возраста (чаще пожилого): *на все мои ароматы, говорят, что пахнет бабушками; опять от тебя пахнет старушками; Девушка, а зачем вам они? Пахнет ведь стАААрой престАААрой бабкой??? Говорит, пахнет "пожилыми женщинами"; От коллег о «Жемчужине»: благородные старушки в доме престарелых; Когда я в "Лесах", говорит, что пахнет старой армянской женщиной;*
- запах тления, могилы, смерти: *Ужас!!!! Запах старости, смерти и тлена!!!; Чем это так пахнет? Как Ленина бальзамировали...; Что за запах?!!!! Пахнет как от усопшей; мама сморщила нос и сказала, что от меня трупаками пахнет; Почти дословно:*

"ты пахнешь деревянным гробом, в котором лежит забальзамированный покойник"

- старые вещи (одежда, книги, деньги и пр.): *Если примерно процитировать: "пахнет старыми вещами", По его словам, это старая забытая кладовка с женскими вещами. Когда-то эти вещи пахли различными парфюмами, но спустя годы остался только темный и гнилостный запах кладовки; Сегодня Мучной Лес... муж сказал-пахнет старым кухонным шкафчиком; Подруга странно отреагировала на Фрака Пиге, сказала, что это старое пальто старого дедушки; Сказал, что от меня пахнет старой библиотечной книжкой; Мама моей подруги про Классик сказала: "Пахнет старыми купюрами".*

Ко второй группе относятся лексемы-квалификаторы запаха, входящее в лексико-семантические поля «Овощи» и «Фрукты». Так, чье-либо сравнение парфюмерного аромата с запахом овощей воспринимается субъектом интернет-коммуникации как его упрощение, несоответствие заявленной производителем композиции, противоречие с собственным восприятием. Например, частотным объектом идентификации запаха духов становится *огурец*: *А муж как-то на Дарк Пурпл Монталя заявил, что огурцами пахнет; Donna Karan Gold упорно называет маринованными огурцами в дубовой бочке. Неожиданность такой трактовки часто вызывает чувство непонимания и раздражения у пишущего: У меня отродясь никаких огурцов не было. Усиливают негативную оценку запаха признаки, содержащиеся в своем значении сему 'несвежий': Она в машину села, говорит: "Откуда пахнет подгнившими фруктами? Ты опять купила и забыла домой принести?"; Сын сморщился и сказал: "Фу! Ну что у тебя за духи, то солёные огурцы заплесневелые, то хлеб с плесенью!"*

К третьей группе явлений, привлекаемых в качестве эталонов неприятных запахов,

можно отнести слова, номинирующие различные **химические вещества** или **дезинфицирующие средства**. Как правило, это *аммиак, скипидар, мастика, шпатлевка* и под. Ср.: *Как можно женщине так пахнуть? От тебя же просто дряхлой шпатлеванной несет; Протягиваю мужу руку, чтобы оценил аромат, а он мне – чистый аммиак!; А мама возьми да и скажи: "Ой, у тебя так сильно ацетоном пахнет!"; Вот не пойму, откуда тянет дезинфицирующим средством. Знаете, типа пасты Дося; Так сильно стиральным порошком что то запахло. В этой же группе можно рассмотреть примеры идентификации аромата духов с запахом различных средств от насекомых: Сую ему руку под нос, он вообще отстраняется поспешно и восклицает: "Диметилфталат!! Самый настоящий!"; Кто надушился клопомором, я умоляю, больше в таком парфюме не приходите на службу, а также с освежителями воздуха.*

В случаях, когда говорящий затрудняется в выборе наиболее близкого эталона, он прибегает к использованию обобщенной лексемы *химия*: *Мой на все мои парфюмки говорит: "Опять какой-то химией надушилась!"*.

Близкими к вышеназванным являются сравнения парфюмерного запаха с запахом **лекарств**. Наиболее частотными эталонами данной группы можно считать *корвалол, валокардин, йод; лекарство, аптека*. Регулярность данных лексем в контексте реакций на тот или иной запах свидетельствует о достаточно устойчивых ассоциациях у носителей языка, связанными с названными объектами. Например, *Моя коллега выдает во всеуслышание: "Кто пьет валокардин???"*; *Сын забеспокоился: "Мама, ты валокардин пила?"*; *Драгоценный муж водит носом и говорит: "Интересно, почему от тебя так сильно йодом пахнет?"*; *От тебя аптекой пахнет; Вы лекар-*

ство пили? Вам плохо? С лекарственным запахом ассоциируются и врачи, и при оценке парфюмерии наиболее частным образом сравнения запаха становится стоматолог: *Странно, почему в коридоре так стоматологом пахнет; А на работе народ не особо искушенный, говорит, зубным врачом пахнет.*

Особо часто сравнивается запах с **продуктами жизнедеятельности человека или животного**, а также с помещениями для справления естественных нужд. Например, *Она сказала, что воняет общественным туалетом; Озабоченно морщится: "Канализацию, что ли, прорвало?"; Понюхали, сказали: Странно, козьи какашки; Моя племянница 10 лет от роду, констатировала, пахнет конским навозом! Пришел в гости племянник, сунул нос в мои пузырьки-флакончики. С возмущением: "Ну и вкус у тебя, т.Свет! эта фууу, мочей пахнет; После замечания мужа, что от меня пахнет мочой, стесняюсь его носить в люди.* Наиболее яркие и частотные сравнения в данной группе связаны с испражнениями кошек. Для носителей языка этот запах оказывается одним из самых негативных: *Одна из мам начинает вопить "Фу, пахнет как кошки нас...ли; понюхал и добавил, что так пахло у кошки из лотка; в гостях у тетки моего будущего мужа, я вся такая "дыша духами и туманами" и вдруг он, принюхивается, и заявляет мне: "Что-то кошками пахнет".* Ряд зооморфных сравнений можно продолжить такими эталонами, как *хорек, мокрая собака* и др.: *На Gucci rush подруга среагировала так: "от тебя пахнет хорьком!"; мокрыми собаками тащит...*

Большая группа примеров свидетельствует о значимости запаха **дыма, гари, газа** которые также используются для описания своих ощущений носителями языка. Например, *Она говорит: "Нет, дымком от костра так повеяло"; А еще когда спросила маму, как*

ей Мучной лес Артизанский, она ответила, что пахнет дымом и портянками; Супруг: "Что-то гарью запахло!".

Можно выделить еще один тип ассоциация запаха парфюмерии с ароматами **алкогольной продукции** (вино, коньяк, пиво): *От кого вином пахнет?!; Многие реагировали так: "Ты что выпила вина/настойки?"; Супруг: "Почему от тебя пивом пахнет?"; Супруг на Маору заметил: "Коньячком балуешься?".*

Наконец, нельзя не отметить случаи, когда негативная характеристика запаха дается посредством сравнения с **существующими парфюмерными продуктами советских времен**, аромат которых в силу массового потребления становится синонимами посредственности, невыразительности, удушливости, старости и под. Таким эталонами часто являются духи «Красная Москва», одеколон (в частности, «Тройной одеколон», «Шипр»): *Мама все мои некондитерские парфюмы называет "Красной Москвой"; "Так это одеколон Шипр!" и "Нет, постой! Это ты маминной "Красной Москвой" надушилась, где нашла?"*

Таким образом, можно сказать, что в интернет-коммуникации говорящие часто прибегают к различным способам цитирования с целью презентации аксиологических квалификаторов запаха. Выявленные способы организации текстовых сообщений позволяют готовить как о формировании позитивной, так и негативной одорической оценки. Посредством поиска различных эталонов запаха, нередко далеких от ольфакторной сферы, говорящий не только сталкивает различные точки зрения на восприятие одного и того же аромата, но и формирует самооценку. Кроме того, устойчивые оценочные ассоциации, вовлекаемые в ольфакторную зону (физиологические (ста-

рость, смерть и пр.), предметные, аэрохимические и др.) свидетельствует о некоторой ак-

сиологической закреплённости в интерпретации одорических впечатлений в сознании носителя языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рузин И. Г. Модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке: дис... канд. филол. наук. – М., 1995. – 199 с.
2. Ломоносова А. Л. Семантико-синтаксическая организация высказываний со значением восприятия и их функционирование в художественном тексте: дис. ...канд. филол. наук. – СПб., 2004. – 177 с.
3. Апресян Ю. Д. Избранные труды: Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
4. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного исследования // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–68.
5. Трипольская Т. А. Моделирование ментальной структуры «Восприятие запаха» в русской языковой картине мира // Проблемы интерпретационной лингвистики: типы восприятия и их языковое воплощение. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. – С. 50–61.
6. Гейко Е. В. Метафорический потенциал компонентов пропозиции обонятельного восприятия // Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. – 2014. – Вып. 2. – С. 144–150.
7. Колупаева А. А. Концепт *запах* и способы его репрезентации в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2009. – 24 с.
8. Павлова Н. С. Лексика с семой '*запах*' в языке, речи и тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2006. – 20 с.
9. Старостина Ю. А. Метафора как средство языковой реализации концепта «запах»: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2010. – 173 с.
10. Рябцева Н. К. Ментальная лексика, когнитивная лингвистика и антропоцентричность языка. URL: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2000/Dialogue%202000-1/268.htm> (дата обращения 11.06.2015).
11. Бельская Т. И. Средства актуализации опорных концептов парфюмерного дискурса современного французского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010. – 26 с.
12. Кожемякин Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости. Серия «Гуманитарные науки». – 2010. – № 12 (83). – Вып. 6. – С. 13–21.
13. Галичкина Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Астрахань, 2001. – 20 с.
14. Басалаева Е. Г. Языковая репрезентация запаха в парфюмерном интернет-дискурсе // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 375. – С. 16–20.
15. Басалаева Е. Г. Парфюмерный дискурс: выражение невыразимого // Проблемы интерпретационной лингвистики: типы восприятия и их языковое воплощение: межвуз. сб. научн. тр. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. – С. 126–133.

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.08](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.08)

Basalaeva Elena Gennadjevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Theory of language and Intercultural Communication, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation
E-mail: lena.bas@mail.ru

AXIOLOGICAL ANTINOMY IN ODORATIVE MICROSYSTEM OF RUSSIAN LANGUAGE (ON THE BASIS OF PERFUME DISCOURSE)

Abstract

The current article investigates the features of the subjective assessment of odor perception and verbalization using the material of texts collected from the perfume Internet forums. The author points out that one way to describe the olfactory impression is the comparison of personal perceptive experience with the same or different opinion of others regarding the perception of the chosen scent. Thus, the research identifies a benchmark with some characteristics of perfumes with rather stable assessing associations. These associations indicate some tight and fixed axiological interpretation of odorative impressions in native speaker's mind. For example, the perfume online discourse can contain both positive and negative assessment of person's scent by other people. In the first (positive) case the spectrum of odor standards is quite limited and based mainly on the combination of taste and olfactory perception. The second (negative) case uses the olfactory perception and through this perception it shows the actualization of negative images of the person from different perspectives (age, appearance, gender, field of activity etc.). These images are connected with old age, death, chemicals, medicines etc. In other words, Internet communication gives a range of various scent qualifiers with the embedded assessment.

Keywords

Lexical meaning, odourative perception, perfume discourse, internet discourse.

REFERENCES

1. Ruzin I. G. *Modus of perception (vision, hearing, touch, smell, taste) and their expression in language*. Cand. Phil. sci. Diss. Moscow, 1995, 199 p. (In Russian)
2. Lomonosova A. L. *The semantic and syntactic organization of statements with value perceptions and their functioning in a fiction text*. Cand. Phil. sci. Diss. St. Petersburg, 2004, 177 p. (In Russian)
3. Apresyan Yu. D. *Selected works: T. II. Integral description of language and systemic lexicography*. Moscow, School «Languages of Russian culture» Publ., 1995, 767 p. (In Russian)
4. Apresyan Yu. D. The image of man according to the language: Attempt system research. *Voprosy Jazykoznanija*. 1995, no. 1, pp. 37–68. (In Russian)
5. Tripolskaya T. A. Express modelling the mental structure "odour perception" in russian language picture of the world. *Interpretational problems of linguistics: the types of perceptions and their linguistic embodiment*. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2013, pp. 50–61. (In Russian).
6. Gejko E. V. Metaphorical potential pro-position components olfactory perception. *Ural Philology Vestnik. Series: Psycholinguistics in Education*. 2014, no. 2, pp. 144–150. (In Russian).
7. Kolupaeva A. A. *The concept of the smell and its representation in russian language*. Abstract of Cand. Phil. sci. Diss. Tambov, 2009, 24 p. (In Russian).

8. Pavlova N. S. *Vocabulary with Sema 'smell' in language, speech and text*. Abstract of Cand. Phil. sci. Diss. Yekaterinburg, 2006, 20 p. (In Russian).
9. Starostina Yu. A. *The metaphor of language as a means of realization of the concept of "the smell"*. Cand. Phil. sci. Diss. Volgograd, 2010, 173 p. (In Russian).
10. Ryabtseva N. K. *The mental lexicon, cognitive linguistics and anthropocentric language* (In Russian). Available at: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2000/Dialogue%202000-1/268.htm> (Accessed 11.06.2015).
11. Bel'skaya T. I. *Resources of support mainstreaming concepts perfume discourse of modern French language*. Abstract of Cand. Phil. sci. Diss. Moscow, 2010, 26 p.
12. Kozhemyakin E. A. Mass communication and media discourse: a research methodology. *Scientific statements. Series "Humanities"*. 2010, no. 12 (83), issue 6, pp. 13–21.
13. Galichkina E. N. *The specifics of computer discourse in English and Russian languages*. Abstract of Cand. Phil. sci. Diss. Astrakhan, 2001, 20 p.
14. Basalaeva E. G. Language representation of odour in the Internet perfume discourse. *Tomsk state university journal*. 2013, no. 375, pp. 16–20.
15. Basalaeva E. G. Perfume discourse: expressing the inexpressible. *Interpretational problems of linguistics: the types of perceptions and their linguistic embodiment*. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Publ., 2013, pp. 126–133.

© Е. Ю. Тригубович

DOI: [10.15293/2226-3365.1505.09](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1505.09)

УДК 81.03

НАИМЕНОВАНИЯ ГОРОДСКИХ ПРОСТРАНСТВ С СЕМАНТИКОЙ «ЛАНДШАФТ» В РУССКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Е. Ю. Тригубович (Новосибирск, Россия)

В статье представлен фрагмент сопоставительного исследования лексической группы «Наименования городских пространств» в русском, испанском и английском языках. Цель статьи – анализ и систематизация лексем с семантикой «ландшафт» в трех языках. Лексическая группа городских топонимов представляет собой систему номинаций, состав которых варьируется в зависимости от особенностей города: соотношение центра и окраины, воды и суши, горного рельефа и равнины, пешеходных и автомобильных зон. В работе описываются способы лексикографирования лексем (урбанонимов) в толковых словарях в российской и западноевропейской традициях. Рассматривая имена нарицательные в составе урбанонима, мы учитывали их соотношение и взаимодействие с именами собственными, а также возможности перехода из одного разряда в другой. В русском языке нарицательные имена городских пространств чаще всего оказываются в составе имени собственного, «стирая» некоторые особенности ландшафта русского города. Топонимические наименования в английском языке главным образом сохраняют статус имени нарицательного, однако не избегают различных форм трансформаций в модели «имя нарицательное + имя собственное». Особенности русской и европейской традиции лексикографирования материала оказываются разными: русский словарь чаще всего не фиксирует топонимы, входящие в систему городских номинаций (с помощью комментирующих помет, например), в то время как европейский словарь более последовательно описывает лексемы, включая их в «текст» города.

Языковым материалом послужили данные толковых и переводных словарей, интерактивные карты, тексты из национальных корпусов и путеводителей.

Ключевые слова: сопоставительная лингвистика, пространственная картина мира, урбаноним, язык городского пространства, «доминантная точка», национально-культурный компонент в семантике пространственных номинаций.

Тригубович Елизавета Юрьевна – ассистент кафедры теории языка и межкультурной коммуникации, магистрант первого курса по направлению «Русский язык как иностранный», Институт филологии, массовой информации и психологии, Новосибирский государственный педагогический университет

E-mail: eliza5832@gmail.com

Настоящая статья является продолжением сопоставительного исследования тематической группы «Наименования городских пространств» в русском, английском и испанском языках. Мы опираемся в своей работе на методику описания, разработанную Е. Ю. Булыгиной и Т. А. Трипольской в статьях о наименованиях городских пространств в разных языках [7–9; 17].

Новизна работы состоит в том, что основной фокус нашего внимания направлен на изучение нарицательных имен внутригородских пространств, в отличие от большинства работ, в которых главным объектом внимания являются имена собственные.

Цель данного исследования – проанализировать имена нарицательные в составе урбанонима в русской и английской лексикографической традиции.

Исследование проведено на основе следующих источников языкового материала:

1) данных интерактивных карт старинных городов Англии (Бирмингем, Бристоль, Манчестер, Блэкберн, Сандерленд, Слау);

2) толковых и переводных словарей: Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова, Толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой, Concise Oxford English Dictionary, 11th edition (22), US Webster's Unabridged Dictionary (WUD), The Bbi Combinatory Dictionary of English, Longman Dictionary of Contemporary English, Concise Oxford English Dictionary (COED), электронный словарь ABBYY Lingvo; Diccionario de Maria Moliner, Diccionario de la lengua Alkona;

3) путеводителей английских городов.

Изучением топонимики (урбанонимии) городов в сравнительно-историческом и сравнительно-сопоставительном аспектах лингвистика стала заниматься недавно [10]. Начиная с XX века и по сегодняшний день, изучение

ономастических явлений является предметом активного и продуктивного исследования (М. Я. Морошкин, Н. М. Тупиков, А. М. Селищев, В. К. Чичагов, Н. А. Баскаков, В. Д. Бондалетов, Б. А. Успенский, А. В. Суперанская, В. А. Никонов, В. И. Супрун и др.).

Следует добавить, что и испанские лингвисты в своих работах не описывают имена собственные в составе названий улиц того или иного города, но изучают, в основном, топонимические явления – происхождение названий рек, озер, гор, названий городов [2; 4; 5].

Изучение пространственной картины английского города представлено такими исследователями, как М. Геллинг [3], А. Смит [1], С. Перкас [13], П. Рини [6].

Общее направление по исследованию топонимики и топографии русского города представлены в работе А. В. Суперанской «Общая теория имени собственного», «Что такое топонимика?» [14; 15] в которой исследовательница в основном касается вопроса изучения имен собственных в наименованиях «внутригородских объектов». Например, названия улиц в честь или память известных людей (улица Семьи Шамшиных); названия-символы новой эпохи – «Комсомольская площадь»; повторяющиеся названия культурных и промышленных объектов – «Милицейская улица». Пространственная русская языковая картина мира исследована в работе Е. С. Яковлевой «Фрагменты русской языковой картины мира» [18], которая важна и для изучения пространственной картины города.

В организации пространства города всегда участвуют постоянные составляющие, ключевые, «доминантные точки» [12], номинации которых формируют пространственный образ города в сознании человека. Напомним основные типы городских подпространств: а) с семантикой городского рельефа, ландшафта и «водного пространства» (в русском

языке – *канал, артерия, набережная, улицы, закоулки, переулки*; в испанском языке – *canal, arteria, via, malecon, calle, callejon, traviesa*); б) пространство для прогулок (*улица, аллея, бульвар, роца, поле, лес, променад; paseo, alameda, avenida, bulevar, campo*), для созерцания (*площадь, сад, парк, сквер; plaza, jardin, parque*); в) пространство для транспортного перемещения (*проспект, магистраль, проезд, перекресток; avenida, via, enrucijada, paso*).

Связь особенностей ландшафта города с их обозначением в пространственных номинациях достаточно явная. Напомним, что в прибрежных городах преобладают пространственные наименования с водной семантикой (*канал, набережная, мост, артерия; ribera, malecon, rambla, moll; quay, wharf, bank* и др.). В городах, расположенных в горных районах, есть *всходы, взвозы, подъемы, спуски, холмы, горы, горки; subida, bajada; rise, slope*, а также равнинные местности: *поле, равнина, campo, terreno*. Получается, что образ города выстраивается из семантических особенностей ландшафтных наименований: противопоставления равнинной и возвышенной местности (*поле/гора, campo/montana, plain/mountain*), ранжирования высотности (*холм, взгорье, горка, гора; hill, mount*), направления спусков и подъемов (*cuesta* ведет к реке, *bajada* вниз к равнине, *subida* вверх к городу на горе), *кольцо, ronda, rueda, vuelta* – улицы, идущие по кругу; *набережная, paseo maritimo, malecon, bank, quay* – улицы, идущие вдоль водных пространств.

История городов показывает, что подобные нарицательные имена являлись важными ориентирами для человека, которому было необходимо распознавать нужный маршрут. И если в европейских языках большинство топонимов остаются в позиции имени нарицательного (таким образом, в сознании человека не теряется связь с историей, географией и куль-

турными особенностями города), то современная тенденция в русском языке обратная. Важные топонимические номинации теряют свою «нарицательность» и оказываются запрятыми в имена собственные, оставляя место для типичных *улица, проспект, шоссе, площадь*: *Улица Владимировский спуск, Улица Кирпичная горка* (Новосибирск). Такова политика градостроительства, которая свела многие названия до «улица господина N». В то время как в испанском языке многие топонимические названия, оставаясь нарицательными, сочетаются с именами собственными и отражают особенности каждого города: *Las Ramblas* (*rambla* – 1. Высохшее русло реки; 2. Улица в Барселоне), *bajada* (подъем. *Bajada de San Martin, Bajada del Barco* в Толедо), *cuesta* (берег, спуск. *Cuesta de Alhacaba, Cuesta del Realejo* в Гранаде), *ribera* (улица, ведущая к реке. *Ribera/Riera Alta* в Барселоне).

Какие существуют номинации, отражающие ландшафт, в английском и испанском городе [28]? (табл.)

Из таблицы видно, что в английском языке количество лексем со значением «горная местность» и «пространство у воды» гораздо выше количества лексем в русском и испанском языках. Фактически все «ландшафтные» номинации в английском языке являются топонимами (за исключением *quay, wharf*).

Общая тенденция такова, что лексикографические источники далеко не всегда отражают топонимы как часть структуры города, а также не учитывают лингвострановедческие особенности этой лексики. Получается, что пространственные номинации оказываются «недотолкованными», а «городские» значения лексем представлены непоследовательно. К примеру, так произошло со *спусками, взвозами, въездами и подъемами, subida* и *bajada* (исп.), *rise, descent, slope, hillside, hurst* (анг.).

Таблица

**Наименования английских номинаций в сопоставлении
с русскими и испанскими наименованиями городских пространств**

Английские наименования	Перевод	Русские наименования	Испанские наименования
Brow	Выступ (скалы), дорога, ведущая к скале, идущая вдоль скал	–	–
Mount	Высокий холм, гора	Гора (<i>Воробьевы горы. Москва</i>)	
Hill	Возвышение, возвышенность, холм	Холм, горка (<i>Улица Кирпичная Горка. Новосибирск</i>)	Altozano – небольшой холм на равнине
Fold	Складка местности, впадина	–	–
Brae	Крутой берег реки, склон холма	–	–
Quay	Набережная	Набережная (<i>Филевская набережная. Москва</i>)	Paseo maritime (<i>Paseo Marítimo. La Coruña</i>)
Wharf	Пристань, набережная, верфь	–	Muelle (<i>Muelle de la Palloza. La Coruña</i>)
Ground	Участок земли, земля	–	–
Rise	Возвышенность, подъем	Всход, взвоз (<i>Часовенный взвоз. Саратов</i>)	Subida (<i>Subida de la Granja. Toledo</i>)
Ridge	Горный хребет	–	–
Crest	Вершина	–	–
Ditch	Канал, ров	–	–
Canalside	Улица вдоль реки, русла	–	–
Braeside	Улица вдоль склона	–	–
Edge	Улица вдоль горного хребта	–	–
Glen	Узкая горная долина	–	–
Hurst	Бугор, холмик	–	–
Spur	Вершина горного хребта	–	–
Strand	Берег	–	Cuesta (<i>Cuesta de la Reina</i>)
Towpath	Дорога, проложенная вдоль берега реки, канала	–	Cuesta
Canal	Канал	Канал (<i>Канал Круштейна. Санкт-Петербург</i>)	–
Channel	Канал	Канал	–
Hillside	Склон горы, холма	Спуск (<i>Васильевский спуск. Москва</i>)	Bajada (<i>Bajada de San Martín</i>)
Descent	Склон, спуск	Спуск	Bajada
Slope	Наклон, уклон, спуск	Спуск	Bajada

В толковых словарях русского языка читаем: **спуск** – «1. см. спустить, -ся.; 2. Место, по которому спускаются. Крутой спуск к реке.» [25], «место, по которому спускаются, съезжают вниз. Крутой спуск. Отлогий спуск» [27]; **въвоз** – 1. Действие по гл. ввозить; 2. обл. Дорога в гору [27]; **въезд** – Место подъема, въезда на гору [27]; **подъем** – «место в пути, где дорога поднимается кверху. Крутой подъем» [25], «участок дороги, поднимающийся в гору» [27].

В словаре Марии Молинер: **subida (подъем)** – *Sitio o lugar en declive, que va subiendo* – «место, по которому поднимаются»; **bajada (спуск)** – *Camino o senda por donde se baja desde alguna parte.* – «путь или тропинка, по которой спускаются»; **cuesta (спуск)** – *Terreno en pendiente* – «место вдоль склона горы; склон, спуск» [24; 26].

В толковых словарях английского языка даны такие значения лексем: **rise (всход, подъем)** – 1. An act of rising; 2. An upward slope or hill; 3. An increase in number, size, etc.; 4. The vertical height of a step, arch, or incline; 5. The source of a river. – 1. Подниматься; 2. Вершина горы, холма; 3. Поднятие цен, зарплаты; 4. Высота ступеньки, арки, наклона; 5. Исток реки, водоема [19]; *Land which is somewhat higher than the rest; as, the house stood on a rise of land* – земля, которая находится выше другой поверхности; дом стоит на горе [21]; **descent (спуск)** – noun. Inclination downward; a descending way; inclined or sloping surface; declivity; slope; as, a steep descent. – Наклон вниз, по направлению вниз, склон, крутой спуск [21]; **slope** – noun. a surface of which one end or side is at a higher level than another. – поверхность, которая оказывается ниже другой. Склон, спуск, скат [19]; **hillside** – noun. The side or declivity of a hill [21] – склон горы, холма; **brae** – a hillside; a slope; a bank; a hill [21] – склон холма, спуск, холм; **hurst** – archaic (except in

place names). A hillock or wooded rise [19] – архаич. (не в названиях мест). Бугорок, холмик.

Данные толковых словарей показывают, что ни в одном из трех языков лексемы со значением спуска/подъема не обозначены как урбанонимы. Более того, английский словарь, описывая лексему *hurst*, маркирует ее как слово, которое НЕ фигурирует как часть городской номинации. Поэтому картографические сведения о городе могут стать новым источником для уточнения семантической структуры многозначного слова. И если внимательно прочитать карты русского, испанского и английского городов, можно увидеть следующую картину: в русских городах есть *Боровецкий спуск (Владимир)*, *Журинский спуск, улица Чернышевский спуск (Новосибирск)*, *площадь Васильевский спуск (Москва)*, *Сергиевский Взвоз, Бабушкин Взвоз (Саратов)*, *Подъемная улица (Владимир)*; в испанских *Subida de la Granja, Bajada del Barco, Bajada de Sta Ana, Bajada de San Martin (Толедо)*, *Cuesta Escoriaza (Гранада)*; в английских *Andy Slope, Dawn Rise (Бристоль)*, *Cown Brae (Бирмингем)*, *Langhurst (Сандерленд)*, *Beech Hurst (Бирмингем)*.

Непоследовательное словарное описание наблюдается в лексемах *гора (горка)*, *холм, hill, mount* (анг.), *altozano* (исп.): **гора** – Значительная возвышенность, поднимающаяся над окружающей местностью. Взбираться на гору. [25; 27]; **значительное возвышение** (обычно суживающееся кверху), резко поднимающееся над окружающей местностью [23]; **холм** – Округлая возвышенность с пологими склонами. Лесистый х. [25]; **Небольшая возвышенность** – обычно округлой или овальной формы – с пологими склонами [23]; **mount** – archaic or in place names a mountain or hill: *Mount Everest* – древнее наименование горного места или холма [19–20]; **hill** – noun, a naturally raised area of land, not as high or

craggy as a mountain. – естественно возникшая горная местность, но не такая высокая и скалистая, как гора [21]; *altozano* – *sitio más alto y ventilado de ciertas poblaciones*. – возвышенное место в некоторых поселениях [26]. Примеры показывают, что словарь НЕ отражает или отражает непоследовательно лексемы как часть городского ландшафта, исключает их из системы города.

Из приведенных выше примеров видно: словарь нелогично и непоследовательно фиксирует урбанистическое значение топонима. Но и здесь мы можем убедиться в том, что карта является, по сути, «вторым словарем», который фиксирует актуальные значения полисеманта: *Воробьевы горы*, *Крылатские холмы*, *улица Лихоборские Бугры* (Москва), *Pink Mount*, *Church Hill Road* (Бирмингем), *Trooper's Hills* (Бристоль), холм *Montjuic* (Барселона), *Altozano de Amadeo* (La Coruna) [22].

Поднимаясь в горы, спускаясь с них, исследуя холмы, горки, впадины и другие возвышенности, человек должен был называть и те тропы, которые проходили рядом с ними, мимо, около, вдоль них. И в английском языке появились свои специальные названия для таких пространств: **brow** – 1. *a person's forehead*; 2. *an eyebrow*; 3. *the summit of a hill or pass* [19] – 1. Человеческий лоб; 2. Брови; 3. Вершина холма, тропинка; *The edge or projecting upper part of a steep place; as, the brow of a precipice; the brow of a hill* [21] – выступ скалы. (*Durks Brow*, *Fecitt Brow*. Бирмингем, Блэкберн); **ridge** – *a long, narrow hilltop, mountain range, or watershed. The edge formed where the two sloping sides of a roof meet at the top* [19] – длинная узкая вершина холма, горная цепь или водораздел (*Chamgill Ridge*, Бристоль; *Cypress Ridge*, Блэкберн); **crest** – 1. *a comb or tuft of feathers, fur, or skin on the head of a bird or other animal*; 2. *the top of a ridge, wave, etc. Anatomy a ridge*

along the surface of a bone [19] – 1. Гребень, хохолок (у птиц или другого животного); 2. Вершина хребта, гребень волны. Анатомически внешняя часть кости; **braeside** (*brae* – склон, *side* – сторона, склон) – улица, идущая вдоль склона; **edge** – *the outside limit of an object, area, or surface* [19] – горный хребет (*Waters Edge*, Блэкберн); **clough** – *a steep valley or ravine* – крутая низина вдоль горы, лощина, овраг (*Boarshow Clough*, Манчестер); **gap** – *a mountain pass* [21] – горный проход, ущелье (*Higher Bent Gap*, Блэкберн); **glen** – *A secluded and narrow valley; a dale; a depression between hills* [21] – укромная, узкая низина между холмами (*The Glen*, *Glen Path*, Сандерленд). Некоторые номинации возникли путем метафорического переноса «часть тела (форма)» – «место, пространство». Например, второе значение лексемы **brow** «бровь, брови», что по форме и расположению на человеческом лице ассоциируется с выступом скалы. Интересно, что этимологически лексема восходит к значению «мост» (*prob. from Norw. bru, from ON bru 'bridge* [19]), форма которого тоже напоминает форму брови. Лексема **ridge** связана этимологически со значением *spine, crest*, т. е. «позвоночник, хребет»; слово *crest* – к старофранцузскому значению «пучок перьев, травы, волос»; **edge** – *sharpened side of a blade*, что в переводе означает «острая сторона лезвия, языка».

Наравне с английскими номинациями, которые обозначают горный ландшафт, есть и лексемы, отражающие водную семантику: **brae** – *a bank* [21] – берег реки; *bank* – *the land alongside or sloping down to a river or lake* – местность вдоль реки или склон к реке или озеру; **wharf** – *a level quayside area to which a ship may be moored to load and unload*. [19] – часть набережной, к которой судно может швартоваться для загрузки и выгрузки (*Phounix Wharf*. Бристоль); **ditch** – *a narrow channel dug to hold or carry water* [19] – узкий

водный канал для удержания воды (*Hanging Ditch. Манчестер*); **canal** – *an artificial waterway allowing the passage of boats inland or conveying water for irrigation* [19] – искусственный водный путь для движения судов внутреннего плавания и подачи воды для орошения; **channel** – *a length of water wider than a strait, joining two larger areas of water, especially two seas. (the Channel) the English Channel* [19] – шире пролива водное пространство, соединяющее более крупные водные системы, например, моря. Английский канал **strand** – *literary or Irish the shore of a sea, lake, or large river* [19] – лит. или ирланд. Берег моря, озера или реки (*The Strand. Лондон*); **towpath** – *a path beside a river or canal, originally used as a pathway for horses towing barges* [19] – дорога, проложенная вдоль канала, реки; изначально использовалась для бечевой тяги (*Towpath, Блэкберн*); **quay** – *a platform lying alongside or projecting into water for loading and unloading ships* [19] – платформа для погрузки и разгрузки судов; *A mole, bank, or wharf, formed toward the sea, or at the side of a harbor, river, or other navigable water, for convenience in loading and unloading vessels* [21] – плотина, берег, верфь, построенная рядом с морем, рекой для удобства погрузки и разгрузки судов.

Отметим, что английская набережная *quay* не обозначена в словарях как городской топоним. Аналогично в русском и испанском языках словарное обозначение *набережной, muelle, paseo marítimo* не фигурируют в качестве урбанонимов. Карта компенсирует «утраченный» смысл: *Merchant's Quay, Porto Quay* в Бристоле; *Columbus Quay* в Ливерпуле; *Potato Wharf* в Манчестере; *Muelle de Bateria, Paseo Marítimo* в Ла-Корунье; *Нижне-волжская набережная* в Нижнем Новгороде.

Приведенные примеры доказывают, что группа номинаций с ландшафтной семантикой в английском языке представлена широким

спектром лексем, в отличие от русского и испанского языков, в которых их гораздо меньше. Фактически все английские лексемы остаются нарицательными в составе городской номинации (в отличие от русской традиции, согласно которой происходит унификация языка городского пространства, а название улицы, отражающее ландшафтные особенности города, переходит в зону имени собственного). Это дает основание включать подобные номинации в группы наименований городских пространств в английском языке.

Более того, система называния городских пространств в английском языке обладает одной интересной особенностью. Основная модель «имя нарицательное + имя собственное» часто выстраивается по-разному. С одной стороны, есть типичные улицы, которые называется в честь человека/значимого места: *Richmond Hill, Kempton Rise* (Блэкберн), *Dawlish Road, Douglas Avenue, Dart Street* (Бирмингем). С другой стороны, достаточно велико количество улиц, названия которых состоят **только** из топонимов. Человек, непосвященный в систему английского языка, часто оказывается в лингвистическом и культурологическом тупике. Ведь необходимо как-то разбираться в хаотическом наложении топонимических номинаций: *Bank Top* в Манчестере (*bank* – берег реки, край; *top* – вершина местности), *Dale View* в Блэкберне (*dale* – долина, *view* – вид, пейзаж), *Moor View* (*moor* – участок местности, поросшей вереском), *Grassholm Meadows* (*grass* – трава, газон, лужайка; *holm* – речной островок, пойма; *meadow* – луг, низина) в Сандерленде, *Hill Rise* в Слау (*hill* – возвышение, холм; *rise* – подъем, вершина горы, холмы), *Dene Hollow* в Бирмингеме (*dene* – долина, *hollow* – яма, низина).

В ряде случаев оба топонима присоединяются друг к другу, образуя одно слово. Иногда такую лексему можно легко расчленить на

знакомые компоненты-топонимы: *Acresfield* (*acres* – земли, владения; *field* – поле, луг, большое пространство), *Rosemount* (*rose* – роза, *mount* – гора) в Манчестере, *Hillside* (*side* – сторона) в Сандерленде, *Greenside*, *Greenway*, *Wood view* (*wood* – лес), *Streamside* (*stream* – поток, ручей) в Слау.

На карте можно увидеть и совсем малоизвестные (даже для самого просвещенного путешественника) слова: *Grovehurst* (*grove* – лесок, роща; *hurst* – бугор, холмик) в Манчестере, *Heathfield* (*heath* – пустошь, участок земли, поросшей вереском) в Сандерленде, *Fieldhurst* (*hurst* – бугор, холмик, поросший вереском), *Heathacre* в Слау.

Подведем итоги. Анализ показал, что лексикографирование наименований город-

ских пространств во всех трех языках происходит непоследовательно, топонимические характеристики лексем не полностью отражаются в словарных статьях. В русском словаре особенно видны тенденции к системному сжатию информации о слове и включению в словарную статью лишь самых основных, наиболее значимых дефиниций. Английский и испанский словари более подробно описывают лингвострановедческую информацию, однако должной информации об урбанонимах тоже не дают. Удачно дополняют недостающие сведения оригинальные карты, которые обогащают пространственный словарь «урбанистическими» значениями, актуальными и важными для носителей языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Smith C. C.** The survival of British Toponymy. – Nomina 4, 1980. Pp. 27–41.
2. **Gerardo López de Guereñu Galarraga.** Toponimia Alavesa seguido de motuorios o despoblados y pueblos alaveses. – Barcelona, 1989.
3. **Gelling M., Cole A.** The Landscape of Place-Names. – Stamford: Paul Watkins, 2000. pp. 118–121.
4. **Menéndez Pidal Ramón.** Toponimia prerrománica hispana. – Madrid: Ed. Gredos, 1952.
5. **Ordoñez S.** Sobre el origen y evolución de la cuenca de Madrid. Artes Graficas Municipales. – Madrid, 1986.
6. **Reany P. H.** The Origin of English Place-Names. – London: Routledge and Kegan Paul, 1960. 280 p.
7. **Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А.** Городское пространство в языковой картине мира европейцев: стратегии адекватного перевода // Вестник МГУ. Сер. Теория перевода. – 2009. – № 3. – С. 73–89.
8. **Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А.** Итальянский город глазами русского путешественника: травелог П. Вайля // Образы Италии в русской словесности. – Новосибирск; Томск, 2010.
9. **Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А.** Прогулки по европейскому городу: аллея, boulevard, promenade, alberato, passeggiata // Критика и семиотика. Вып. 14. – Новосибирск, 2009. – С. 311–320.
10. **Виноградов В. С.** Лексикология испанского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://rutter.org/forum/viewtopic.php?t=1255287> (дата обращения: 21.06.2015)
11. **Лотман Ю. М.** Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М., 1996. – 464 с.
12. **Меднис Н. Е.** Венеция в русской литературе. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1999. – 392 с.

13. **Перкас С. В.** Парадигматические и синтагматические аспекты лингвостилистического потенциала топонимов в современном английском языке: автореферат диссертации. – М., 1980.
14. **Суперанская А. В.** Что такое топонимика? – М.: Наука, 1985. – 176 с.
15. **Суперанская А. В.** Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 367 с.
16. **Топоров В. Н.** Петербургский текст русской литературы: избранные труды. – СПб.: Искусство – СПб, 2003. – 616 с.
17. **Трипольская Т. А., Булыгина Е. Ю.** Городская карта как текст-палимпсест: географический и культурно-исторический облик европейских городов // Современные проблемы славянской филологии – славянские языки в современном мире. – Тайбэй, 2014. – С. 121–145.
18. **Яковлева Е. С.** Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.
19. **Concise Oxford English Dictionary**, 11th Edition, 2004 (COED) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.diclib.com> (дата обращения: 20.06.2015).
20. **Hornby Albert S.** Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – Oxford, 1980.
21. **US Webster's Unabridged Dictionary (WUD)** [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.diclib.com> (дата обращения: 20.06.2015).
22. **Американский картографический сервис MapQuest** [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.mapquest.com> (дата обращения: 20.06.2015).
23. **Ефремова Т. Ф.** Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.diclib.com> (дата обращения: 25.08.2015).
24. **Испанский толковый словарь общеупотребительной лексики. Diccionario de la lengua Alkona** [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.diclib.com/cgi-bin/d1.cgi?l=en&base=alkonageneral&page=showindex> (дата обращения 20.06.2015).
25. **Ожегов С. И.** Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2000. – 736 с.
26. **Толковый словарь испанского языка Марии Молинер. Diccionario de uso espanol de Maria Moliner** [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.diclib.com/cgi-bin/d1.cgi?l=en&base=moliner&page=showindex> (дата обращения 20.06.2015).
27. **Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова.** – М.: Сов. энцикл.; ОГИЗ, 1935–1940.
28. **АВВУУ Lingvo: электронный словарь.** Вып.: 14.0.0.390. – АВВУУ, 2008.

Trigubovich Elizaveta Yurievna, Assistant of the Department of Theory of Language and Intercultural Communication, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.
E-mail: eliza5832@gmail.com

NAMES OF URBAN SPACES WITH THE SEMANTICS OF «LANDSCAPE» IN ENGLISH LANGUAGE (IN COMPARISON WITH RUSSIAN AND SPANISH CITIES)

Abstract

The article presents the part of comparative research of the lexicological group «Names of an urban spaces» in Russian, Spanish and English languages. The object of the article is the analysis and classification of the lexemes with the «landscape» semantics in English language in comparison with the space-names in three languages. The lexical group of urban space-names is the system of different nominations. Its semantics depends on specific features which a city has: correlation between center and outskirts, water and land, mountain relief and plain, pedestrian and car zones. The author considers different lexicographical methods of a lexemes description in explanatory dictionaries in Russian and European tradition. Investigating appellatives in the structure of urban-name the author takes into consideration that the appellatives can be in various correlations and interactions with the personal names, and it can cross from the one class to another. Russian languages shows that appellatives find itself most often in the structure of a personal names so why there are some features of a Russian city which are obliterated. English placenames mainly save the appellative status but it also shows different transformations in the language model «appellative + proper name». Features of Russian and European lexicographical tradition are different: Russian dictionary more often doesn't include space-names in the system of a city whereas European dictionary describes lexemes as a «text» of a city more logical.

Keywords

Comparative linguistics, mental picture of the world, placename, language of the city, «dominant locus», national-cultural component in the semantics of a space names.

REFERENCES

1. Smith C. C. *The survival of British Toponymy*. Nomina 4, 1980. Pp. 27–41.
2. Gerardo López de Guereñu Galarraaga. *Toponimia Alavesa seguido de motruorios o despoblados y pueblos alaveses*. Barcelona, 1989.
3. Gelling M., Cole A. *The Landscape of Place-Names*. Stamford, Paul Watkins Publ., 2000. pp. 118–121.
4. Menéndez Pidal Ramón. *Toponimia prerrománica hispana*. Madrid, Ed. Gredos Publ., 1952.
5. Ordoñez S. *Sobre el origen y evolución de la cuenca de Madrid*. Artes Graficas Municipales. Madrid, 1986.
6. Reany P. H. *The Origin of English Placenames*. London, Routledge and Kegan Paul Publ., 1960. 280 p.
7. Bulygina E. Y., Tripolskaya T. A. Urban Space in the European Language Picture of the World: Strategy of the Appropriate Translation. *Vestnik MSU. Ser. Theory of translation*. 2009, no. 3, pp. 73–89. (In Russian)

8. Bulygina E. Y., Tripolskaya T. A. Italian city in the eyes of Russian traveller: travelogue of P. Vail. *Images of Italy in Russian literature*. Novosibirsk, Tomsk, 2010. (In Russian)
9. Bulygina E. Y., Tripolskaya T. A. Walks around the European city: alley, boulevard, promenade, alberato, passeggiata. *Critics and semiotics*. Pub. 14, Novosibirsk, 2009, pp. 311–320. (In Russian)
10. Vinogradov V. S. *Lexicology of the Spanish language*. Available at: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=1255287> (accessed: 21.06.2015) (In Russian)
11. Lotman Y. M. *Into intellectual worlds. Human – text – semiosphere – history*. Moscow, 1999. 464 p. (In Russian)
12. Mednis N. E. *Venice in Russian literature*. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publ., 1999. 392 p. (In Russian)
13. Perkas S. V. *Paradigmatic and syntagmatic aspects of lingvostylistic potential of toponyms in modern English*. Abstract of dissertation. Moscow, 1980. (In Russian)
14. Superanskaya A. V. *What is toponymy?* Moscow, 1985. 176 p. (In Russian)
15. Superanskaya A. V. *General theory of a personal name*. Moscow, 1973. 367 p. (In Russian)
16. Toporov V. N. *Saint-Petersburg text of Russian literature: Selected works*. Saint-Petersburg, Art – SPb Publ., 2003. 616 p. (In Russian)
17. Tripolskaya T. A., Bulygina E. Y. City map as a text-palimpsest: geographical, cultural and historic character of European cities. *Contemporary problems of Slavonic philology – Slavonic languages in modern world*. Teibei, 2014, pp. 121–145. (In Russian)
18. Yakovleva E. S. *Fragments of Russian picture of the world (models of spaces, time and perception)*. Moscow, Gnosis Publ., 1994. 344 p. (In Russian)
19. . *Concise Oxford English Dictionary, 11th Edition*. 2004 (COED). Available at: <http://www.diclib.com> (accessed: 20.06.2015).
20. Hornby Albert S. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. Oxford, 1980.
21. *US Webster's Unabridged Dictionary (WUD)*. Available at: <http://www.diclib.com> (accessed: 20.06.2015)
22. *American cartographical service MapQuest*. Available at: mapquest.com (accessed: 20.06.2015)
23. Efremova T. F. *New dictionary of Russian language. Explanatory and word-formative*. Available at: <http://www.diclib.com> (accessed: 25.08.2015). (In Russian)
24. *Diccionario de la lengua Alkona*. Available at: <http://www.diclib.com/cgi-bin/d1.cgi?l=en&base=alkonageneral&page=showindex> (accessed: 20.06.2015)
25. Ojegov S. I. *Explanatory dictionary of Russian Language*. Eds. S. I. Ojegov, N. Y. Shvedova. Moscow, Azbukovnik Publ., 2000. 736 p. (In Russian)
26. *Diccionario de uso espanol de Maria Moliner*. Available at: <http://www.diclib.com/cgi-bin/d1.cgi?l=en&base=moliner&page=showindex> (accessed: 20.06.2015).
27. *Explanatory dictionary of Russian language: in 4th vol.* Ed. D. N. Ushakov. Moscow, OGUZ Publ., 1935–1940. (In Russian)
28. . *ABBYY Lingvo. Electronic Dictionary*. Pub.: 14.0.0.390. ABBYY, 2008.

© И. И. Саженин

DOI: [10.15293/2226-3365.1505.10](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1505.10)

УДК 81'33 + 81'27

К ВОПРОСУ О ПОСТРОЕНИИ БАЗЫ ДАННЫХ ПРАГМАТИЧЕСКИ МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ*

И. И. Саженин (Новосибирск, Россия)

В последние десятилетия все больший интерес исследователей привлекает прагматический компонент лексического значения. Среди наиболее значимых проблем фундаментальной лингвистики, лежащих на пересечении структурно-системного и коммуникативного описания лексического значения слова, находится, в частности, выявление прагматически маркированных фрагментов словаря и построение типологии микрокомпонентов, входящих в структуру прагматического макрокомпонента, а также исследование их речевого потенциала. В настоящей статье затрагиваются вопросы и принципы построения базы данных прагматически маркированной лексики, корпус которой составляется с учетом способов отражения лингвистически значимой информации: идеологического, национально-культурного, гендерного, социального, эмотивно-оценочного и др. компонентов в значении слова. Принципы построения базы данных как с технических позиций, так и с содержательных, учитывают механизмы построения языковых корпусов (Национальный корпус русского языка, Хельсинский аннотированный корпус, Брауновский корпус и др.), опыт создания электронных лексикографических ресурсов (ABBYY LINGVO, «Русские словари», DICT; Cambridge Online Dictionary; Shorter Oxford English Dictionary Webster's Dictionary) и традиции составления бумажных словарей разных типов.

Ключевые слова: прагматика, языковой корпус, словарь, электронная лексикография лингвистический анализ, лингвистическая база данных.

Выявление и лексикографическое описание прагматической семантики слова относится к наиболее актуальным задачам современной коммуникативной лексикологии и

лексикографии. Целенаправленный семантико-прагматический анализ является необходимым условием разработки схем лексикографирования прагматически маркированной

* Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Прагматический потенциал языкового знака: семасиологический и лексикографический аспекты» (грант РГНФ № 15-04-00122) и проекта «Конфликтный текст в зеркале лингвистического экспертирования: оскорбление, унижение чести и достоинства, порочащая информация в публичной коммуникации региона» (грант РГНФ № 15-14-54001)

Саженин Игорь Игоревич – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка, Институт филологии, массовой информации и психологии, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: sajana84@mail.ru

лексики, например, в словарях активного типа и/или в специальных компьютерных базах данных. Исследование прагматически маркированного языкового знака и возможных способов его семантизации предполагает разработку концепции лексикографической интерпретации прагматически маркированных фрагментов лексической системы языка и, наконец, создание компьютерной базы данных прагматически маркированной лексики, доступной для широкого круга пользователей: исследователей, преподавателей русского языка и русского языка как иностранного, лингвистов-экспертов, переводчиков.

Некоторым препятствием на пути исследований в данном направлении до последнего времени был сам язык как динамическая система, с одной стороны, а с другой – довольно скудные человеческие возможности в области обработки и хранения больших массивов информации. Однако развитие информационных технологий позволяет взглянуть на проблему несколько более оптимистично. Дело в том, что до недавнего времени традиционно основным способом фиксации, хранения и предоставления доступа к различным типам информации о слове были классические бумажные словари со всем набором проблем традиционной лексикографии (см. «Парадоксы словарной статьи») [9]. С момента начала применения информационных технологий в гуманитарной сфере прошло не одно десятилетие. За это время успели выделиться в самостоятельные направления такие области филологической науки, как компьютерная лингвистика, корпусная лингвистика и компьютерная лексикография. В рамках этих, в первую очередь, прикладных направлений были созданы инструменты, позволившие во многом облегчить труд исследователя. Мы имеем в виду, прежде всего, языковые корпуса и электронные лек-

сикографические ресурсы. Создание и развитие данных инструментов шли отличными друг от друга путями. Если в области корпусной лингвистики главную роль играли, все-таки, специалисты-филологи, то компьютерная лексикография была отдана во многом на откуп профессиональным программистам и бизнесменам, и это не в последнюю очередь заслуга господства в современном обществе рыночных отношений: когда спрос на электронные лексикографические продукты определяется потребностями практического характера. По этой причине наиболее совершенными и многофункциональными лексикографическими продуктами на сегодняшний день являются переводные многоязычные словари [10–16]. Специализированные же лексикографические продукты прогресс если не обошел стороной, то, по крайней мере, не сказался должным образом на их развитии.

Еще в начале 1980-х гг. в нашей стране велись работы в области специализированной компьютерной лексикографии. В данной области были заняты такие ученые как А. П. Ершов, Ю. Н. Караулов, В. М. Андрющенко, А. Я. Шайкевич и др. Ряд идей и разработок Машинного фонда русского языка впоследствии лег в основу создания Национального корпуса русского языка. Однако, по словам В. М. Андрющенко, информатизация русистики в тех организационных и финансовых условиях как направление оказалось нежизнеспособным. Возможно, по этой причине до сих пор для компьютерной лексикографии не сформирован собственный предмет изучения, а лексикографическая теория отстает от компьютерной лексикографической практики.

Технический инструментарий, используемый при разработке электронных лексикографических ресурсов, изначально не ориентирован на обеспечение работы со словарным

содержанием, а наиболее перспективные методы, разработанные в области, например, корпусной лингвистики, не столь активно применяются в практике создания электронных лексикографических ресурсов [4; 6; 8].

Основной проблемой при создании электронных лексикографических ресурсов является то, что машина не способна в полной мере работать с текстом на естественном языке для репрезентации пользователю информации, соответствующей возможному спектру его запросов [4; 6]. Данная проблема была решена специалистами, разрабатывающими корпусы текстов посредством использования такого инструмента, как разметка. Как отмечают М. В. Копотев и А. Мустайоки «...современная корпусная лингвистика, несмотря на относительно короткую историю существования, является хорошо разработанным направлением языкознания, тесно связанным с компьютерной и когнитивной лингвистикой. С первой она связана технологией и инструментами обработки языкового материала, со второй совпадает в базовой предпосылке: как когнитивная, так и корпусная лингвистика интересуется речевой деятельностью, представленной в бесконечном числе текстов. <...> Каждый новый этап в развитии машинной обработки языкового материала открывает новые возможности сначала для создателей корпусов, а затем и для лингвистов, осуществляющих исследования на основе существующей разметки» [13]. Как целостный инструмент лингвистических исследований корпус, имеет две основных составляющих, а именно: непосредственно массив данных (текстов); корпусный менеджер (специализированная поисковая система), которая и позволяет производить отбор необходимых исследователю единиц из всего массива данных, на основании разметки (аннотации) [5].

Создание любого словаря, после определения его концепции, конечно, начинается со сбора и фиксации материала – единиц словарного писания. В случае с созданием электронного информационного ресурса – оптимальным способом накопления и хранения языкового материала является электронная база данных. Существует множество определений понятия «база данных» применительно к сфере информационных технологий. Приведем некоторые из них. Самое общее определение базы данных дает толковый словарь английского языка *Concise Oxford English Dictionary: database – a structured set of data held in a computer*.

По большому счету, данное определение не является исчерпывающим. Действительно, под это определение может подойти, например, список расположенных по алфавиту файлов, именованных определенным образом, например, с расширением *doc*, или *pdf*, однако будет ли такой набор данных являть собой базу данных – остается вопросом.

Иное определение дает американский специалист по базам данных, автор учебника «Введение в системы баз данных» К. Дж. Дейт: саму же базу данных можно рассматривать как подобие электронной картотеки, т. е. хранилище или контейнер для некоторого набора занесенных в компьютер файлов данных. Пользователям этой системы предоставляется возможность выполнения над такими файлами различных операций [2].

Как видим, данное определение представляет базу данных уже не как структурированный набор неких данных, а как хранилище файлов этих данных, с возможностью для пользователя осуществлять операции с этими данными.

Рассмотрим еще два определения понятия базы данных. Так, авторы книги «Базы данных. Проектирование, реализация и сопровождение. Теория и практика» вносят еще ряд

элементов в определение, не встреченных нами в предыдущих двух: база данных – совместно используемый набор логически связанных данных (и описание этих данных), предназначенный для удовлетворения информационных потребностей [3]. Во-первых, в данном определении появляется такой семантический компонент, как «совместность использования», во-вторых, согласно данному определению, база данных должна содержать описание находящихся в ней данных, в-третьих, в определении появляется информация о целевом назначении подобной структуры – удовлетворении информационных потребностей.

Последнее определение мы взяли из **образовательного Интернет-ресурса «Информатика в школе»**: базы данных (БД) – это организованный набор фактов в определенной предметной области. БД – это информация, упорядоченная в виде набора элементов, записей одинаковой структуры. Для обработки записей используются специальные программы, позволяющие их упорядочить, делать выборки по указанному правилу. Базы данных относятся к компьютерной технологии хранения, поиска и сортировки информации. Данное определение дает нам следующую дополнительную информацию: база данных, помимо самих данных и их описания, содержит также набор компьютерных программ, которые, собственно, и позволяют проводить необходимые операции с данными. Кроме того, данное определение в каком-то смысле раскрывает формулировку «удовлетворение информационных потребностей». То есть, такими потребностями являются хранение, поиск и сортировка информации.

Таким образом, основываясь на рассмотренных признаках базы данных, мы можем представить внутреннее устройство базы прагматически маркированной лексики, как

организованный набор элементов, которыми будут являться в нашем случае лексические и фразеологические единицы.

Следующим этапом по развитию ресурса станет его разметка в соответствии с теми прагматическими компонентами, что присущи той или иной отдельно взятой языковой единице. Так, в своей работе «Введение в прикладную лингвистику» А. Н. Баранов пишет: «Размеченные в соответствии с описанными параметрами тексты представляют собой лишь сырой материал. Отметим, что в традиционной технологии это и есть окончательный результат. В технологии динамического корпуса текстов размеченный исходный массив является источником для формирования конкретных корпусов, более точно отражающих информационную потребность пользователя. Массив хранится в виде базы данных, а каждый отдельный текст – в одной записи (параметры – в текстовых и числовых полях, сама статья – в поле МЕМО). Перевод размеченных текстов в формат базы данных осуществляется с помощью специальной служебной утилиты» [1].

Основываясь на приведенном высказывании, мы, во-первых, спроецируем описанное свойство корпусной базы данных на наш объект, а, во-вторых, поясним ряд моментов относительно некоторых использованных понятий. Обычно база данных являет собой некоторым образом заполненную таблицу, а чаще – набор таких таблиц, атрибутами которых являются строки (записи), столбцы (поля). В табличной структуре адрес данных определяется пересечением строк и столбцов. Поля формируют структуру базы данных, а записи составляют информацию, содержащуюся в базе данных. Текстовое поле – символьные или числовые данные, которые не требуют вычислений. Такое поле может содержать до 255 символов.

Поле **МЕМО** предназначено для ввода текстовой информации, объем которой превышает 255 символов. Такое поле может содержать до 65 535 символов. Этот тип данных отличается от типа **Текстовый** тем, что в таблице хранятся не сами данные, а ссылки на блоки данных, хранящиеся отдельно. За счет этого ускоряется обработка таблиц (сортировка, поиск и т. п.).

Числовой тип используется для размещения числовых данных, необходимых для математических расчетов.

Простейшая база данных, как правило, представляет собой одну такую таблицу. Если бы информация размещалась и хранилась в таких достаточно простых структурах, то для взаимодействия пользователя с табличными данными не требовались бы специальные системы управления базами данных (СУБД). Однако в действительности типы информации, размещаемые в базах данных, имеют большое количество качественных и количественных отличий и находятся между собой в отношениях связанности. Поэтому для работы с более сложными структурами принято использовать несколько таблиц связанных друг с другом. Базы данных, имеющие связанные таблицы, именуются реляционными базами данных.

Применительно к объекту нашей работы – корпусу прагматически маркированной лексики структура базы данных будет зависеть, во-первых, от формальной структуры словарной статьи, поскольку языковая единица без

соответствующего описания ее разноплановых свойств ничего не дает исследователю, во-вторых, будет зависеть и от набора речевых информационных характеристик, тех прагматических потенций, что заложены в единице в силу тех или иных причин.

В первую очередь, структуру словарной статьи необходимо формализовать следующим образом: как известно, базовая структура словарной статьи, например, статьи толкового словаря, имеет вид **лемма – словарная статья**. Проецируя ее на табличную структуру базы данных, получаем две таблицы: в первой таблице (№ 1) хранятся заголовки словарных статей, а во второй таблице (№ 2) – собственно тексты словарного описания. При этом поля обеих таблиц имеют соответствующую корреляцию: одно из полей таблицы № 1, содержащее заголовки словарной статьи связано с полем таблицы № 2, содержащем текст словарного описания, соответствующего данной единице. Составляющими базы данных корпуса прагматически маркированной лексики должны стать также элементы, являющиеся для пользователя параметрами поисковой системы – например, способы семантизации прагматически маркированного языкового знака, прагматические макрокомпоненты [7]; типы и способы реализации прагматической семантики в разных типах дискурсов, способы лексикографического представления прагматической семантики в словарях разных типов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: учебное пособие. – М.: Едиториал УРСС, 2003. КОЛ_ВО СТР
2. Дейт К. Дж. Введение в системы баз данных. – М.: Вильямс, 2006. – 1328 с.
3. Коннолли Т., Бегг К. Базы данных. Проектирование, реализация и сопровождение. Теория и практика. – М.: Вильямс, 2003. КОЛ_ВО СТР
4. Перванов Я. Языковой резонанс и компьютерная лексикография [Электронный ресурс]. Полное ОПИСАНИЕ по ГОСТ URL: <http://www.sedword.com/sed/content/yazykovoi-rezonans-i->

- kompyuternaya-leksikografiya (дата обращения: 05.06.15) **25.08.2013 ПОЧЕМУ ДАТЫ ОБРАЩЕНИЯ ЗА 2013???? Автор обязан проверить существование ресурса на сегодняшний день**
5. **Саженин И. И.** Словарный корпус как элемент оптимизации исследовательского процесса // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2013. – № 2. – С. 120–127.
 6. **Селегей В. П.** Электронные словари и компьютерная лексикография [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lingvoda.ru/transforum/articles/selegeya1.asp> (дата обращения: 05.06.15) **04.09.2013 ПОЧЕМУ ДАТЫ ОБРАЩЕНИЯ ЗА 2013???? Автор обязан проверить существование ресурса на сегодняшний день**
 7. **Трипольская Т. А., Булыгина Е. Ю.** Идеологическая семантика как объект лексикографирования разновременными словарями // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2015. – № 2. – С. 28–40. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1502.02>
 8. **Трипольская Т. А., Гончарова Е. А.** Динамические процессы в лексиконе языковой личности // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2014. – № 3. – С. 57–67. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1403.06>
 9. **Шведова Н. Ю.** Парадоксы словарной статьи // Национальная специфика языка и её отражение в нормативном словаре. – М., 1988. – С. 6-11 **ИЗДАТЕЛЬСТВО**
 10. **ABBYU Lingvo** [Электронный ресурс]. – Изд-во Abby, 2006. – 1 электронн. опт. диск (CD-ROM). **Полное ОПИСАНИЕ по ГОСТ**
 11. **Cambridge Online Dictionary** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 01.08.2013) **ПОЧЕМУ ДАТЫ ОБРАЩЕНИЯ ЗА 2013???? Автор обязан проверить существование ресурса на сегодняшний день**
 12. **DICT** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dict.org/bin/Dict> **Полное ОПИСАНИЕ по ГОСТ (дата обращения: 01.08.2013) ПОЧЕМУ ДАТЫ ОБРАЩЕНИЯ ЗА 2013???? Автор обязан проверить существование ресурса на сегодняшний день**
 13. **Kyröläinen A. J.** Low-Frequency Constructions and Salience: a Case Study on Russian Verbs of Motion of Dative Impersonal Construction Type // Инструментарий русистики: корпусные подходы. – Slavica Helsingiensia, 34. Helsinki University Press, 2008. – С. 176–197.
 14. **Random House Webster's Dictionary Italiana** [Электронный ресурс]. – Изд-во Random House Reference, 2005. – 1 электронн. опт. диск (CD-ROM). **Полное ОПИСАНИЕ по ГОСТ**
 15. **Shorter Oxford English Dictionary** [Электронный ресурс]. – Изд-во Sopheon UK, 1993. – 1 электронн. опт. диск (CD-ROM). **Полное ОПИСАНИЕ по ГОСТ**
 16. **Русские словари** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slovari.ru/> (дата обращения: 01.08.2013) **Полное ОПИСАНИЕ по ГОСТ**

DOI: [10.15293/2226-3365.1505.10](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1505.10)

Sazhenin Igor Igorevich, Candidate of Philological Science, Associated Professor, Modern Russian Language Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.
E-mail: sajana84@mail.ru

ABOUT CONSTRUCTION OF A DATABASE OF PRAGMATICALLY MARKED VOCABULARY

Abstract

In recent years, an interest of researchers attracts pragmatic component of lexical meaning. Among the most significant problems of fundamental linguistics, lying at the intersection of structural-systemic and communicative description of lexical meanings of the word are, in particular, identifying pragmatically marked fragments of vocabulary and construction typology of micro-components, which are part of a pragmatic macro-component, as well as the study of their speech development. This article addresses the issues and principles of building of database of pragmatically marked vocabulary, the corpus of which must be constructed taking into account the linguistically meaningful information: the ideological, national-cultural, gender, social, emotive-evaluative and others components of the meaning of the word. Principles of construction of a database with the technical position and with the content position take into account the mechanisms of constructing of linguistic corpuses (Russian National Corpus, Helsinki Annotated Corpus, the Brown Corpus and others.), the experience of creating the electronic lexicographical resources (ABBYY LINGVO, «Russian dictionaries», DICT; Cambridge Online Dictionary; Shorter Oxford English Dictionary Webster's Dictionary) and the tradition of compiling paper dictionaries of different types.

Keywords

Pragmatics, linguistic corpus, dictionary, electronic lexicography, linguistic analysis, linguistic database

REFERENCES

1. Baranov A. N. *Introduction to applied linguistic*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003. (In Russian).
2. Date C. J. *Introduction to Database Systems*. Moscow, Williams Publ., 2006, 1328 p. (In Russian).
3. Connolly T., Begg K. *Databases. Design, implementation and maintenance. Theory and practice*. Moscow, Williams Publ., 2003. (In Russian).
4. Pervanov Y. *Language resonance and computer lexicography*. Available at: <http://www.sed-word.com/sed/content/yazykovoi-rezonans-i-kompyuternaya-leksikografiya> (Accessed 05.06.15) (In Russian)
5. Sazhenin I. I. Vocabulary corpus as element of optimization of research. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2013, no. 2, pp. 120–127. (In Russian)
6. Selegey V. P. *Electronic Dictionaries and computer lexicography*. Available at: <http://www.lingvoda.ru/transforum/articles/selegeya1.asp> (Accessed 05.06.15) (In Russian)
7. Tripolskaya T. A., Bulygina E. Y. Ideological semantics as the object of lexicographically different-temporal dictionaries. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2015, no. 2, pp. 28–40. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1502.02> (In Russian)

8. Tripolskaya T. A., Goncharova E. A. Dynamic processes in the lexicon of a language personality. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2014, no. 3, pp. 57–67. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1403.06> (In Russian).
9. Kyröläinen A. J. Low-Frequency Constructions and Salience: a Case Study on Russian Verbs of Motion of Dative Impersonal Construction Type. *Russian Studies Instrumentation: corps approaches*. Slavica Helsingiensia, 34. Helsinki University Press Publ., 2008, pp. 176–197. (In Russian).

© Г. И. Кустова

DOI: [10.15293/2226-3365.1505.11](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1505.11)

УДК 81.367

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ В РЕДУЦИРОВАННЫХ КОНСТРУКЦИЯХ: КВАЗИРЕЛЯТИВЫ ТИПА ЧТО ХОЧЕШЬ*

Г. И. Кустова (Москва, Россия)

В статье рассматриваются местоименные конструкции – свободные релятивы (квази-релятивы) типа [Бери] что хочешь, – которые являются результатом редукции местоименных придаточных ([Бери] то, что хочешь/все, что хочешь). Употребления свободного релятива типа что хочешь разделяются на две группы. Первая группа (Ты можешь взять [X] что хочешь [X]) характеризуется денотативным контролером хочешь, который кореферентен субъекту базового глагола, и деонтической модальностью контекста ('X-у разрешается сделать P, предоставляется возможность сделать P' – деонтическая возможность). Вторая группа (Он обманет/может обмануть [X] кого хочешь [Y]) характеризуется коммуникативным контролером хочешь. Он совпадает с адресатом. Контекст выражает алетическую возможность (потенциальность) ('X способен, в состоянии P'). Свободный релятив что хочешь имеет парадигму лица и числа. Основная гипотеза, объясняющая причины неполной морфологизации что хочешь, состоит в том, что у что хочешь, в отличие от что попало и что угодно, сохраняется субъект.

Ключевые слова: неопределенные местоимения, свободный релятив, местоимения свободного выбора, редукция, морфологизация, модальность

Квазирелятивы как редуцированные местоименные придаточные

Многие «полные» конструкции литературного языка в разговорной речи подвергаются редукции и фразеологизации. Одним из источников таких редуцированных конструкций являются сложные предложения с местоименно-соотносительными придаточными

[1–2] или, в терминологии [3, §§ 2924–2929], предложения с неориентированной анафорической связью, ср.: *То, что лежит в коробке, не доставай; Он любит отдыхать там, где есть море или озеро.* В русской грамматической традиции такие придаточные принято называть фразовыми номинациями [1, с. 71], а также перифрастическими (описательными) обозначениями, предикативными перифразами

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-04-00507а.

Литературные примеры извлечены из Национального корпуса русского языка.

Кустова Галина Ивановна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН

E-mail: galinak03@gmail.com

[2, с. 343, 339, 346]: они прикрепляются к местоимению и изоморфны (изофункциональны) слову [2, с. 339]. Местоименные конструкции служат для описательного (непрямого) обозначения лица (*тот-кто*), предмета или ситуации (*то-что*), места (*там-где*), количества (*столько-сколько*) и т. д. и содержат своего рода инструкцию для установления референции: референция устанавливается через ситуацию, в которой участвует обозначенный местоимением объект. Как видно из примеров выше, соответствующий оборот может быть как референтным (*то, что лежит в коробке*), так и нереферентным (*там, где есть море*).

В разговорной речи часто происходит опущение вершинного местоимения, к которому относится придаточное: *Стой где стоишь; Делай что говорят; Ты спрятал что вчера принесли?; Ты поговорил с кем я просил?* В традиционной русистике эти конструкции интересовали исследователей с точки зрения их синтаксического статуса: по структуре они являются предложениями (содержат предикат), но занимают позицию члена предложения, синтаксическое место слова [4; 5, с. 12–15; 6; 7, с. 74].

Современных исследователей интересует, главным образом, тот класс местоименных конструкций, которые подверглись максимальной редукции и морфологизации и превратились в аналоги (или даже эквиваленты) неопределенных местоимений типа *что-нибудь, кое-где, кто бы то ни было* и под., ср.: *кто угодно; что попало; где придется, куда не следует, сколько надо* и под. [8; 9]. В литературе их принято называть свободными релятивами, или квазирелятивами [8; 10–12]. Многие из них образуют серии с разными местоимениями: *кто/что/где... угодно; кто/что/где... попало, что/куда/сколько/как... положено* и т. п. Особым вниманием исследователей пользуются квазирелятивы свободного выбора (*Free*

Choice): *___попало, ___угодно и ___хочешь* [8; 11].

Квазирелятивы являются конечной фазой эволюции (с другой точки зрения – деградации) исходных придаточных. Однако «полная» форма местоименного придаточного и квазирелятив типа *что попало* – это лишь крайние точки, полюса некоторой шкалы. Между этими полюсами на шкале расположены конструкции, которые находятся в разных фазах редукции исходных свойств и компонентов, на разных этапах процесса перехода от «полной формы» к максимально редуцированной типа [*Делай*] *что угодно*, [*Есть*] *что попало* с полностью морфологизованным вторым компонентом (*попало* и *угодно* – неизменяемые элементы, которые уже не обладают свойствами исходного глагола и предикатива, ср. **куда попали; *какая угодна* [8]).

Хотя промежуточные, не полностью морфологизованные и фразеологизованные конструкции пока не стали предметом детального описания, тем не менее, они представляют интерес не только как переходные формы от полноценного придаточного к квазирелятиву, но и как богатейший арсенал средств не прямой номинации и выражения неопределенности, которые используются в разговорной речи.

Будем называть конструкцию исходного главного предложения базовой частью, а конструкцию исходного придаточного (сколько угодно редуцированную) – квазирелятивом: *Делай то, что тебе приказали* → *Делай* [базовая часть] *что приказали* [квазирелятив].

Простейшим случаем редукции является опущение опорного местоимения в базовой части [3, § 2927]. В литературном разговорном языке такое опущение возможно, если падежи обоих местоимений совпадают [1, с. 74]: *Кто* [им.] *выучил* – *получит «пять»* [*тот* = им.]; [?] *Кто* [им.] *выучил* – *поставят «пять»* [*тому* =

дат.]. Однако в непринужденной разговорной речи это ограничение часто нарушается, ср. примеры из [4, с. 89]: – *Что с рыбой-то делать? – Отдай у кого кошки есть; Надо прислушиваться что люди советуют; Найди мне кто вяжет; Лучше пойдем где духи* и т. п., см. также [3, § 2927].

Активным поставщиком квазирелятивов являются предложения, у которых в придаточном есть модальный или речевой предикат (глагол, предикатив, краткое прилагательное) с зависимым инфинитивом, повторяющим глагол базовой части (далее – базовый глагол).

Редукция состоит в одновременном опущении опорного местоимения и инфинитива: *Бери [то], что хочешь [взять] → Бери что хочешь; Отдай [тому], кому хочешь [отдать] → Отдай кому хочешь*; ср. также: *Делает что прикажут [делать]; Предупрежу кого смогу [предупредить]* и т. д. Эта конструкция благоприятна для опущения опорного местоимения, поскольку в ней, в силу одинакового управления у повторяющихся глаголов, совпадает падеж вершинного и относительного местоимений в базовой и зависимой частях.

Поскольку (синтаксически не выражаемый) инфинитив в составе квазирелятива повторяет базовый глагол и не несет новой информации, основная информационная нагрузка приходится на модальный предикат. Наиболее широко представлены в таких квазирелятивах компоненты с двумя типами модальных значений:

– желание/выбор: *Делай (бери) что хочешь (захочешь)/что желаешь (пожелаешь)/что нравится (понравится)* (ср. также интерпретационные: *делает что вздумается/что в голову взбредет/что заблагорассудится*; о предикатах интерпретации см. [13, с. 145–160]);

– необходимость/долженствование/разрешение/возможность: *Делай (делает) что сказано (скажут, сказали)/что приказано (прикажут, приказали)/что велено (велят, велели)/что позволят/что разрешат/что положено (полагается)/что надо/что должен (должно)/что можно*.

Примечание. Глаголы речи в таких конструкциях тоже ведут себя как модальные, т. е. содержат модальный (побудительный) компонент и подчиняют инфинитив (*Идет куда прикажут [идти]*) либо семантически разлагаются на побудительный компонент и смысл, дублирующий базовый глагол (*Идет куда пошлют* = ‘идет куда заставляют/побуждают идти’). Далее мы будем рассматривать только собственно модальные предикаты.

Квазирелятивы с модальным компонентом занимают промежуточное положение между свободными (композиционными в семантическом плане) конструкциями типа *[взял] что потребуется; [предупредил] кого нашел* и полностью морфологизованными и фразеологизованными единицами типа *что угодно; кого попало*.

Разумеется, в одной статье невозможно рассмотреть весь обширный класс предикатов, комплекствующих квазирелятивы, поэтому мы вынуждены ограничиться квазирелятивами серии *хочешь*. Всю группу (со всеми возможными местоимениями) будем условно обозначать как *что хочешь*, или «группа *хочешь*», или __ *хочешь*.

В отличие от *угодно* и *попало*, которые, будучи исходно предикатами, утратили морфологические (например, время) и синтаксические (например, управление) свойства, *хочешь* такие свойства еще сохраняет, хотя и в редуцированном виде, и на этом материале можно проследить процессы фразеологизации и морфологизации в сфере квазирелятивов.

Группа *хочешь*

Квазирелятив с элементом *хотеть* может быть как референтным, так и нереферентным.

В референтном употреблении глагол *хотеть* сохраняет исходное значение (желание, намерение субъекта) и выступает в форме прошедшего времени: *Ты поговорил с кем хотел?*; *Ты сказал ему что хотел?*; *Вскрыл замок, взял что хотел и ушел*. Случаи референтного употребления максимально далеки на шкале редукции от классических квазирелятивов типа *что угодно* и рассматриваться не будут. Далее мы рассмотрим нереферентные употребления *что хочешь*.

Что хочешь по семантике похоже на *что угодно*, и во многих случаях они взаимозаменяемы (*Бери что хочешь* – *Бери что угодно*). Обозначая нереферентный (т. е. еще не выбранный, см. [14]) объект, квазирелятивы *что хочешь* и *что угодно* употребляются в контекстах снятой утвердительности [15], к которым относятся косвенные наклонения – повелительное и условное, будущее время, контекст модальных предикатов и т. п., ср.: *Напиши/можно написать/написал бы/напишет что угодно*, но: **Написал что угодно*.

В [8] квазирелятив *__хочешь* включен в группу квазирелятивов свободного выбора (*Free Choice*) наряду с *__попало* и *__угодно*. В качестве характерных для *__хочешь* контекстов приводятся:

- возможность: *Эту задачу кто хочешь может решить*;
- пермиссивный императив: *Делай что хочешь*;
- неперспективное будущее: *Кто хочешь скажет тебе, что это вредно*;
- гипотетические и контрфактические контексты: *Я бы заплатил сколько хочешь денег, если бы ты согласился*.

На наш взгляд, в этом списке объединены два разных типа контекстов, которые следует разделить. В отличие от *__угодно* и *__попало*, у модального компонента *хотеть* сохраняется субъект, хотя он синтаксически не выражается, и парадигма, пусть и редуцированная. Поскольку в предложении с квазирелятивом могут быть и другие глаголы со своими субъектами, субъекта *хотеть* далее будем называть контролером. У *хотеть* может быть контролер двух разных типов – денотативный (он совпадает с агенсом базового глагола и повторяющего его инфинитива) и коммуникативный (он совпадает с адресатом), – что, в свою очередь, коррелирует с двумя разными модальными контекстами: денотативный контролер связан с деонтической возможностью (пермиссивностью), коммуникативный – с алетической возможностью (потенциальностью) (о разных типах возможности в логике и естественном языке см., например, [16; 17]). По этим двум параметрам – тип контролера и модальность контекста – употребления *что хочешь* отчетливо разбиваются на два класса, которые мы условно обозначим через характерные примеры: *Бери что хочешь* и *Сбежит откуда хочешь*.

Денотативный контролер (*Бери что хочешь*)

Если объект, обозначаемый квазирелятивом *что хочешь*, нереферентный, то субъект *хочешь* обычно референтный. В данном типе употреблений *что хочешь* этот субъект – не только субъект выбора, но и участник денотативной ситуации, кореферентный субъекту базового глагола: *Еды в холодильнике полно. Бери (X) что хочешь (X)* [взять (X)]. Поскольку выбирает тот же X, который будет реализовывать этот выбор, мы и назвали его де-

нотативным контролером. Разумеется, он может совпадать и с адресатом, как в приведенном примере, но для данного типа употреблений это не существенно, т. к. возможны и другие лица.

В данной конструкции происходит согласование формы *хотеть* с глаголом базовой части: *Ты можешь брать что хочешь, кроме золота; Я могу поехать куда хочу; Он может гулять где хочет* – т. е. имеется полная парадигма лица (а также числа, ср.: *Садитесь где хотите*).

Примечание. Полная парадигма лица есть только у референтного субъекта: *В холодильнике полно еды. Ешь что хочешь/могу есть что хочу/он может есть что хочет*. Если субъект нереферентный, обобщенный: *У них там шведский стол. Бери что хочешь, – хотеть* имеет фиксированную форму 2-го лица, что характерно для обобщенно-личного предложения.

Форма *хочешь* (*хочу, хочет*) в составе квазирелятива *что хочешь*, обозначающего еще не выбранный объект (*Можешь делать что хочешь; Садись где хочешь; Могу брать что хочу*), не выражает реально существующее в момент речи желание. Субъект еще ничего не хочет, и выбор, если он состоится, относится к плану будущего. Тем самым *хочешь* обозначает не желание, а возможность выбора: *Открой сундук и возьми что хочешь* ≈ ‘любую вещь по твоему выбору, без ограничений’. Именно этот тип употреблений *что хочешь* естественно назвать свободным выбором.

Однако речь идет о свободе выбора в определенных рамках (точнее – в определенной модальной рамке). «Модальная рамка», в которой происходит выбор, т. е. сама возможность выбора, не контролируется субъектом, не зависит от него, а появляется в результате действия внешних факторов: это, так сказать,

– объективная возможность, которая предоставляется другим лицом (в широком смысле – разрешение) или обусловлена внешними обстоятельствами. Поэтому контексты употребления *что хочешь* либо включают глагол *мочь* в деонтическом значении ‘разрешается’ (а не ‘в состоянии’), либо допускают перифразирование с участием такого *мочь*:

– пермиссивный («разрешительный») императив: *Дружи с кем хочешь; Гуляй где хочешь* (‘можешь дружить с кем хочешь/гулять где хочешь’);

– в 3-м лице разрешение, допущение, не препятствование выражается аналитической формой *пусть P*:

— *Отвяжись от него, — донеслось из ванной. — Пусть спит в чем хочет*. [Андрей Геласимов. Год обмана (2003)]; *А состоятельные люди пусть ставят себе мини-котельные и жгут в них что хотят* [Сергей Телегин. Царь-холод (2003)];

– модальные предикаты *мочь, иметь право*:

Ты можешь дружить с кем хочешь; А дети имеют право делать на уроке что хотят — играть в игрушки, звонить по телефону и т.п. [Сегодня в топе блогов история учительницы (блог) (2008)]

– будущее время: *Вот уедут родители, и я буду гулять где хочу* (‘появится возможность’).

Хотя значение *хотеть* меняется с желания на выбор, в пермиссивном употреблении сохраняется идея желательности, положительной оценки выбираемого: *что хочешь* имплицитно ‘что понравится’, ‘что подойдет’, ‘что устраивает’.

Коммуникативный контролер (*Сбежит откуда хочешь*)

Для этого класса употреблений характерен другой тип возможности – алетическая возможность: она тоже выражается глаголом *мочь*, но в значении ‘способен, в состоянии’, а также другими средствами, ср. будущее время с потенциальным значением совершенного вида [18, § 1440]:

Он с кем хочешь может договориться;

Он кого хочешь уговорит = ‘может уговорить’.

Здесь контролером *хочешь* является адресат (в том числе – обобщенный адресат), который обычно не является участником денотативной ситуации, но является участником коммуникативной ситуации, почему он и назван коммуникативным контролером.

Поскольку модальный компонент *хочешь* соотносится с адресатом, он имеет фиксированное 2-е лицо. Денотативный субъект (субъект базового глагола) – обычно 1-е лицо (*Я откуда хочешь могу сбежать*) или 3-е лицо (*Он откуда хочешь может сбежать*).

В принципе, здесь возможно и 2-е лицо: *Я знаю, ты откуда хочешь можешь сбежать*, – но тогда возникает конфликт, который может быть разрешен, например, заменой *хочешь* на *захочешь* (*Знаю, ты можешь сбежать откуда захочешь*) либо на *угодно* (*Ты можешь сбежать откуда угодно*).

Если в предыдущем (пермиссивном) классе употреблений от *хочешь* семантически зависел инфинитив, совпадающий с базовым глаголом (*Я могу гулять где хочу* [гулять]; *Ты можешь гулять где хочешь* [гулять]), то в данном случае из-за отсутствия кореферентности субъектов *хочешь* и базового глагола инфинитив не восстанавливается: *Он убежит откуда хочешь* [*убежать] → ‘он убежит откуда ты хочешь, чтобы он убежал’.

Хочешь в таких фразеологизованных конструкциях претерпевает семантические изменения и обозначает не желание и даже не выбор (поэтому для данного употребления квазирелятива название «свободный выбор» не очень подходит), – здесь предполагается перебор воображаемых возможностей:

Он откуда хочешь сбежит – ‘из любого места, какое ты можешь себе представить/вообразить’.

Поскольку таких возможностей неопределенное (неопределенно большое) количество, в этой конструкции возникает значение высокой степени (‘очень’): *Он откуда хочешь сбежит* – ‘таких мест много, практически – из любого места’.

Конструкция *что хочешь* употребляется в диалоге (и неуместна в нарративе [8]), так что контролер *хочешь*, вообще говоря, соответствует реальному адресату. При этом адресат может быть заинтересован в базовой ситуации: *Ты только скажи. Я могу достать что хочешь* = ‘что угодно, в том числе то, что тебе нужно’; а может быть внешним, незаинтересованным наблюдателем: *Я могу куда хочешь пройти без пропуска* = ‘в любое место, какое ты можешь вообразить’. Но даже при отсутствии личной заинтересованности элемент вовлеченности адресата в данной конструкции все-таки есть, но он имеет риторическую (прагматическую) природу: используя форму 2-го лица, прямо апеллирующую к адресату, говорящий как бы пытается вовлечь адресата в рассмотрение ситуации, побуждает его вообразить, «перебрать» разные возможности.

Хочешь в данном употреблении не имеет парадигмы лица, но сохраняет парадигму числа. Поскольку в диалоге участвует конкретный адресат, числовая форма *хотеть* зависит от отношений говорящего и собеседника – если отношения с адресатом неформальные, неофициальные, *хотеть* стоит в

форме единственного числа: *Он откуда хочешь убежит*; если собеседники на «вы» или говорящий обращается к аудитории, должно употребляться множественное число: *Он откуда хотите может убежать*, ср. также: *Попросите X-а. *Он что хочешь найдет → Он что хотите найдет*.

Хотя речь не идет о выборе и реализации того, что понравилось контролеру, здесь сохраняется импликация желательности, которая связана с исходным значением *хотеть* (если человек чего-то хочет, значит, это хорошо, желательно, полезно, приятно и т. д. для него). Поэтому ситуация, к которой относится __*хочешь*, не должна быть «негативной». Так, если речь идет о сбежавшем преступнике, не очень уместна фраза *Такой человек на что хочешь способен* (более приемлемо: *на что угодно способен*).

Мы рассмотрели два основных класса употреблений квазирелятива *что хочешь*. Обе рассмотренные конструкции задают множество с неопределенным числом элементов. Конструкция *Бери что хочешь* предусматривает выбор (в рамках заданной денотативной ситуации), осуществляемый субъектом этой ситуации, однако денотативный контролер может выбирать только после того, как другим лицом или обстоятельствами ему дана возможность выбора. При этом то, что он выберет, он сам будет реализовывать. Конструкция типа *Он откуда хочешь сбежит* является сообщением о способности денотативного субъекта реализовать ситуацию, которую адресат не выбирает, а только представляет. *Что/где/сколько... хочешь* выполняет функцию показателя высокой степени («X способен реализовать ситуацию любой сложности»). Квазирелятив, конечно, не отражает реальных способностей субъекта (которые не могут

быть безграничными), а используется как риторический прием. Общей для обоих употреблений является идея отсутствия ограничений.

Контаминированные конструкции типа *Я могу брать что хочешь* («мне разрешается брать все, что ты можешь себе представить») тоже возможны; вообще, в языке часто существует зона неразличения между смежными явлениями. Однако, во-первых, это не отменяет самого выделения двух классов, а во-вторых, такие конструкции звучат небезупречно: *Ему можно гулять где хочешь*; *Ему разрешается гулять где хочешь*.

Остальные классы употреблений *что хочешь* возникают на базе свободного выбора (пермиссивных употреблений).

«Принудительный выбор»

Квазирелятивы группы __*хочешь* употребляются в составе сложных предложений, первая часть которых должна быть побудительной:

Где хочешь ищи, но чтоб в среду запчасти были.

Что хочешь делай, а документы подними.

Это своего рода синтаксический фразеологизм, где возможно ограниченное количество форм.

Хочешь употребляется преимущественно во 2-м лице, которое согласуется со 2-м лицом императива базового глагола, причем в обоих числах: *Где хочешь ищи, но чтоб в среду запчасти были*; *Что хотите делайте, но к среде запчасти достаньте*.

Кроме того, для этой конструкции, как и для других императивных конструкций (ср. *Входи – Пусть войдет*), возможен «перевод» в 3-е лицо, ср.: *Пусть где хочет ищет, но чтоб в среду запчасти были*; но: *Он сказал,*

что я должен где хочу искать, но к среде запчасти найти; ²Я буду где хочу искать, а запчасти найду.

Контролер *хочешь* здесь, как и в пермиссивных употреблениях, денотативный и кореферентен субъекту базового глагола. Но если там субъекту предоставлялась возможность сделать выбор (причем выбор «в свою пользу», в своих интересах), то здесь субъекта как бы принуждают сделать выбор, и это не выбор возможности, которая больше нравится, а выбор стратегии, которая даст результат.

Примечание. Полное отсутствие компонента ‘желательность’ есть и в других фразеологизованных оборотах с *хотеть*: *Вчера сын поздно пришел. – А что ты хочешь? Он уже взрослый; – Укол – это больно. – А как ты хотел? Надо лечиться.*

Здесь еще более отчетливо, чем в предыдущей конструкции, представлено значение высокой степени: *что хочешь* ≈ ‘все возможное, максимум усилий, любыми средствами’ (естественно продолжение: *Что хочешь делай, хоть в лепешку расшибись, но...*).

С семантической точки зрения эта конструкция парадоксальна. С одной стороны, это почти ультиматум, во всяком случае – приказ: адресат занимает подчиненное положение и должен выполнять требование говорящего, с другой – сохраняется характерный для *что хочешь* компонент ‘без ограничений, на твое усмотрение’.

Какой смысл имеет употребление *хочешь*, если субъект не хочет, а вынужден делать выбор? Здесь *хочешь* выполняет функцию самоустранения говорящего: ‘ты должен сам найти решение, я тебе ничего не советую, не предлагаю; меня не интересует, как ты достигнешь цели, – нужен результат’.

В ослабленном виде это же значение имеют квазирелятивы *__хочешь* в ответной реплике диалога (как правило, без базовой части):

Где я тебе найду запчасти? – Где хочешь (это твое дело, сам решай, меня не касается).

Здесь также возможен «перевод» в 3-е лицо:

– Ну и где он будет искать запчасти ночью? – Где хочет/Пусть ищет где хочет.

Самоустранение (безразличие) говорящего

На базе значения самоустранения говорящего (невмешательства в принятие решения) возникают и другие употребления квазирелятивов группы *хочешь* в качестве ответных реплик диалога. При этом выражаются значения разрешения, согласия, безразличия говорящего по поводу выбора, решения адресата:

– Кого пригласить? – Кого хочешь; Куда мы поедем? – Куда хочешь;

Может быть введен в рассмотрение конкретный объект выбора:

– Я приглашу Петю?/Я, пожалуй, приглашу Петю – Как хочешь – ‘мне все равно, на твое усмотрение, выбор за тобой’.

Поскольку это сокращенная императивная конструкция ‘делай/поступай как хочешь’, которая имеет пермиссивное (разрешительное) значение либо значение согласия (в ответ на запрос), то формально такая конструкция «переводится» в 3-е лицо:

– Он все-таки решил ехать – Как хочет/Пусть как хочет (= ‘пусть поступает как хочет’).

В данной конструкции, в отличие от «принудительного выбора» (*Ищи где хочешь, но найди*), имеется в виду выбор не из множества возможностей, а из двух совершенно

определенных вариантов: 'Хочешь – приглашай, не хочешь – не приглашай; мне безразличен твой выбор' – при этом говорящий устраняется, не влияет на волю и на выбор субъекта.

То же значение безразличия выражается в ответе на реплику, содержащую отрицание (обычно – но не обязательно – это отказ от ранее сделанного предложения, приглашения):

– *Я не пойду в кино – Как хочешь* (ср.: *Не хочешь – как хочешь; Не хочешь – не надо*) – 'Мне безразличен твой отказ; я не буду уговаривать, настаивать'.

Итак, конструкции *что хочешь, что положено, что надо* и под. пополняют арсенал средств выражения неопределенности. При этом они находятся на разных стадиях морфологизации, т. е. превращения в неопределенные местоимения типа *что-нибудь*. Для рассмотренной нами группы квазирелятивов типа *что хочешь*, как мы попытались показать, одна из причин неполной морфологизации состоит в том, что, в отличие от *что попало* и *что угодно*, у *хочешь* сохраняется субъект, который вступает во взаимодействие с разными типами контекста, чем и определяются разные типы употреблений квазирелятивов *что хочешь*. При этом *угодно* употребляется, вообще говоря, примерно в тех же типах контекстов, ср.: *Ты можешь гулять где угодно – Он может сбежать откуда угодно*, – однако, в

силу полной морфологизации, не сигнализирует об этом своей формой.

Примечание. Впрочем, контексты употребления *хочешь* и *угодно* не полностью совпадают. У *мочь* есть еще значение эпистемической возможности (ср. пример из [16, с. 210] *Петька мог и соврать* в значении 'Возможно, Петька соврал'). В контексте эпистемической возможности предпочтительно употребление *угодно* (*Со страха он мог наврать что угодно*), но не *хочешь* (*Со страха он мог наврать что хочешь*).

Таким образом, квазирелятивы интересны не только с точки зрения степени морфологизованности. Они интересны также свойствами своих составляющих – модального компонента и относительного местоимения. В этой работе мы попытались показать, что модальный компонент не только позволяет говорящим выразить разные виды неопределенности (ср., например: *где хочешь – где положено – где надо – где следует – где получится – где придется*), но может иметь дополнительные прагматически релевантные характеристики. Что касается относительных местоимений, то они тоже имеют особенности, например группа квазирелятивов с компонентом *как* (*как хочешь; как положено; как надо; как следует, как прикажете*) очевидным образом выделяется на общем фоне. Но это уже тема другого исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Крючков С. Е., Максимов Л. Ю.** Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. – М.: Просвещение, 1977. – 191 с.
2. **Максимов Л. Ю.** Многомерная классификация сложноподчиненных предложений. – Ставрополь; Пятигорск, 2011. – 675 с.
3. **Русская грамматика.** Т. II. Синтаксис / под. ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. – 709 с.
4. **Егорова И. Н.** Позиционные эквиваленты слова в составе предложения (к изучению вариативных синтаксических рядов) // Русский язык. Грамматические исследования. – М.: Наука, 1967. – С. 78–95.

5. **Верницкая С. Г.** Предложения с предикативными единицами, выполняющими функцию членов предложения: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1969. – 18 с.
6. **Уханов Г. П.** Двусоставные конструкции с придаточным во второй части // Мысли о современном русском языке. – М.: Просвещение, 1969. – С. 105–117.
7. **Шведова Н. Ю.** О понятии «регулярная реализация структурной схемы простого предложения» // Мысли о современном русском языке. – М.: Просвещение, 1969. – С. 67–80.
8. **Былинкина Е. Г., Тестелец Я. Г.** О некоторых конструкциях со значением неопределенных местоимений: амальгамы и квазирелятивы. Доклад на семинаре «Теоретическая семантика» под. рук. акад. РАН Ю. Д. Апресяна. – М., 2005.
9. **Bylinina E. G., Testeleets Ya. G.** Sluicing-Based Indefinites in Russian // Formal Approaches to Slavic Linguistics 13: The South Carolina Meeting, 2004, pp. 355–365 / ed. Steven Franks, Frank Y. Gladney and Mila Tasseva-Kurkchieva. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications.
10. **Haspelmath M.** Indefinite Pronouns. – Oxford: Oxford University Press, 1997. – 364 p.
11. **Татевосов С. Г.** Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – 239 с.
12. **Assmann A.** Three Stages in the Derivation of Free Relatives. // In: F. Heck & A. Assmann, eds, Rule Interaction in Grammar (Linguistische Arbeitsberichte 90). – Universität Leipzig, Leipzig, 2013, pp. 203–245.
13. **Апресян Ю. Д.** Основания системной лексикографии // Ю. Д. Апресян (ред.). Языковая картина мира и системная лексикография. – М.: ЯСК, 2006. – С. 33–160.
14. **Падучева Е. В.** Высказывание и его соотносительность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. – М.: Наука, 1985. – 271 с.
15. **Падучева Е. В.** Сфера действия отрицания. Презумпция и ассерция. Снятая утвердительность // Е. В. Падучева. Русское отрицательное предложение. – М.: ЯСК, 2013. – С. 21–40.
16. **Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.** «Возможности» естественного языка и модальная логика // Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 209–160.
17. **Кобозева И. М., Лауфер Н. И.** Значение модальных предикатов долженствования в русском языке // Russistik. – 1991. – № 1. – С. 68–76.
18. **Русская грамматика: Т. I.** / под. ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. – 783 с.

Kustova Galina Ivanovna, Doctor of Philological Sciences, Leading
Researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
E-mail: galinak03@gmail.com

PRAGMATIC FACTORS IN REDUCED CONSTRUCTIONS: FREE RELATIVES OF THE *HOCHESH* SERIES

Abstract

The article deals with pronominal constructions – free relatives like [Beri] chto hochesh ('Take what you like'). They are the result of pronoun clauses reduction (Beri vsio, chto hochesh 'Take whatever you like').

Russian free relatives (free-choice pronouns) of the hochesh series (chto hochesh 'what(ever) you like'; kogda hochesh 'when(ever) you like', kto hochesh 'who(ever) you like'...) have two types of uses. The first type (Ty mozhesht vziat' chto hochesh 'You may take what you want') is characterized by denotative controller of hochesh ('want', 'like') and by deontic modality of context ('X was allowed to do P' – deontic possibility). The second type (On mozhet obmanut' kogo hochesh 'He can deceive anyone') is characterized by communicative controller of hochesh (i.e. addressee). The context expresses alethic possibility (potentiality). Free relative chto hochesh ('what(ever) you like') has a paradigm of the person and number.

The main hypothesis: incomplete morphologization of free relatives of the hochesh series can be explained by the fact that hochesh has a subject in contrast to ugodno.

Keywords

Indefinite pronouns, free relative, free-choice pronouns, reduction, morphologization, modality

REFERENCES

1. Kryuchkov S. E., Maksimov L. Yu. *The Modern Russian. The syntax of complex sentence*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1977, 191 p. (In Russian)
2. Maksimov L. Yu. *Multivariate classification of complex sentence*. Stavropol, Pyatigorsk, 2011, 675 p. (In Russian)
3. *Russian Grammar, Vol. II. Syntax*. (ed.) N. Yu. Shvedova. Moscow, Nauka Publ., 1980, 709 p. (In Russian)
4. Egorova I. N. Positional equivalents of words in sentence (to analysis of syntactic variable series). *The Russian. Grammatical studies*. Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 78–95. (In Russian)
5. Vernitskaia S. G. *Sentences with a predicative units as sentence part*. Moscow, 1969, 18 p. (In Russian)
6. Ukhanov G. P. Two-member constructions with a subordinate clause in the second part. *Essays on the Modern Russian*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1969, pp. 105–117. (In Russian)
7. Shvedova N. Yu. About regular alternant of formal model of simple sentence. *Essays on the Modern Russian*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1969, pp. 67–80. (In Russian)

8. Bylinina E. G., Testeleys Ya. *On some indefinite pronouns constructions: amalgams and free relatives*. Report of the workshop «Theoretical semantics» under the direction of Ju. D. Apresjan. Moscow, 2005. (In Russian)
9. Bylinina E. G., Testeleys Ya. G. Sluicing-Based Indefinites in Russian. *Formal Approaches to Slavic Linguistics 13: The South Carolina Meeting*. 2004, pp. 355–365, ed. Steven Franks, Frank Y. Gladney and Mila Tasseva-Kurkchieva. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications.
10. Haspelmath M. *Indefinite Pronouns*. Oxford, Oxford University Press Publ., 1997, 364 p.
11. Tatevosov S. G. *Semantics of constituents of noun phrase: quantifier words*. Moscow, IMLI RAS Publ., 2002, 239 p. (In Russian)
12. Assmann A. Three Stages in the Derivation of Free Relatives. *F. Heck & A. Assmann. Ed. Rule Interaction in Grammar (Linguistische Arbeitsberichte 90)*. Universität Leipzig, Leipzig, 2013, pp. 203–245.
13. Apresjan Ju. D. The grounds of systematic lexicography. Ju. D. Apresjan (ed.). *A Linguistic Picture of the World and Systematic Lexicography*. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., pp. 33–160. (In Russian)
14. Paducheva E. V. *Utterance and its relation to reality: Referential aspects of semantics of pronouns*. Moscow, Science Publ., 1985, 271 p. (In Russian)
15. Paducheva E. V. The Scope of the Negation. Presumption. Suspension of Assertion. E. V. Paducheva. *Russian negative sentence*. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2013, pp. 21–40. (In Russian)
16. Bulygina T. V., Shmelev A. D. Possibilities of natural language and modal logic. T. V. Bulygina, A. D. Shmelev. *Linguistic conceptualization of the world (on a material of Russian grammar)*. Moscow, Languages of Russian Culture Publ., 1997, pp. 209–160. (In Russian)
17. Kobozeva I. M., Laufer N. I. Meaning of modal predicates of obligation in Russian. *Russistik*. 1991, no. 1, pp. 68–76. (In Russian)
18. *Russian Grammar, Vol. I*. (ed.) N. Yu. Shvedova. Moscow, Nauka Publ., 1980, 783 p. (In Russian)

© А. Бадрах, Ц. Ширнэн

DOI: [10.15293/2226-3365.1505.12](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1505.12)

УДК 81'42

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ

А. Бадрах, Ц. Ширнэн (Улаанбаатар, Монголия)

Возникновение информационных технологий привело к определенным изменениям русского языка. Сегодня уже не язык, не общество, не культура оказывают влияние на Интернет, а сам Интернет и процессы, происходящие в нем, оказывают влияние на общество, язык, культуру и многие сферы нашей жизни. Переписки с помощью СМИ и по электронной почте, в чатах и блогах – всё это влияет на русский язык. Происходит изменение ценностей: компьютерное образование ценится больше языкового, поэто-му считается особым шиком изъясняться упрощенным языком, противоречащим нормам повседневного общения. Все это существенно влияет на языковую ситуацию и требует серьезных лингвистических исследований. Вполне возможно, что речь идет о формировании нового стиля в русском языке – стиля интернет-общения, отличительными признаками которого являются преимущественно письменная форма, гиперинтертекстуальность и запечатленная разговорность. При этом качественно новым признаком стиля также является его спонтанность, несмотря на письменное воспроизведение. В данной работе мы рассматриваем словообразовательные процессы, происходящие в Сети, часть из которых получили вторую жизнь в интернет-коммуникации: словосложение, бленды, аббревиация, обратное словообразование, сокращения и т. д.

Ключевые слова: словообразование, интернет-коммуникация, коммуникативная среда, интернет-сообщество.

С появлением и развитием Интернета возникают новые модели социального взаимодействия, образование виртуальных сообществ, базирующихся, главным образом, на онлайн-коммуникации. Возникновение информационных технологий привело к определенным изменениям языка. Причем эти

языковые изменения столь масштабны и глобальны, что некоторые лингвисты говорят о возникновении сетевого или электронного языка, в особенности по отношению к англоязычному языковому сообществу. Появляются такие термины, как *e-language*, *e-talk*, *wired-style*, *geekspeak*, *netspeak*, *Internet language* и

Бадрах Анар – преподаватель кафедры русского языка, Монгольский государственный университет образования, аспирант Новосибирского государственного педагогического университета.

E-mail: anarka128@gmail.com

Ширнэн Цолмон – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка, Монгольский государственный университет образования

E-mail: tsomuush_sh@mail.ru

прочие, поэтому на настоящий момент необходимо всестороннее изучение лингвистических аспектов электронной коммуникации [4, с. 81].

Сегодня уже не язык, не общество, не культура оказывают влияние на Интернет, а сам Интернет и процессы, происходящие в нем, оказывают влияние на общество, язык, культуру и многие сферы нашей жизни. Переписки с помощью СМИ и по электронной почте, в чатах и блогах – всё это влияет на русский язык. И в данной работе мы бы хотели уделить особое внимание словообразовательным процессам, происходящим в Сети, часть из которых получили вторую жизнь в интернет-коммуникации: словосложение, бленды, аббревиация, обратное словообразование, сокращения и т. п. Например, можно рассмотреть один комментарий к фильму, где используются различные замены и нетрадиционные написания: *jagoda05, Июнь 2011 05:43; На4ало было интересным, итригующим. Думал дальше будет гуд, но дальше все стало затянуто и нудно; Итог ни о 4ем. Зря 2 4аса времени драгоценного убил; Всем респект* и др. Следовательно, в интернет-общении проявляется письменная разговорная спонтанная речь, т. е. Интернет заполняют тексты, образованные спонтанно в рамках электронной почты, чатов, форумов, обсуждений, комментариев. Подобные сообщения стремятся стать более плотными, сжатыми, чтобы максимально увеличить информационный объем [4, с. 82].

Происходит изменение ценностей: компьютерное образование ценится больше языкового, поэтому считается особым шиком изъясняться упрощенным языком, противоречащим нормам повседневного общения. Все это существенно влияет на языковую ситуацию и требует серьезных лингвистических исследований. Вполне возможно, что речь

идет о формировании нового стиля в русском языке – о стиле интернет-общения, отличительными признаками которого являются преимущественно письменная форма, гиперинтертекстуальность и запечатленная разговорность [10, с. 118]. При этом качественно новым признаком стиля также является его спонтанность, несмотря на письменное воспроизведение [5, с. 135-138].

Интернет, как особая коммуникативная среда и как ранее не существовавшая сфера реализации языка, принес с собой новые способы общения, стереотипы речевого поведения, новые формы существования языка. Интернет наполнен большим количеством документов, содержащих текст, видео- и аудиоинформацию, связанную ссылками, ему характерна нелинейность, интерактивность, имманентность [8, с. 146].

Важность данной проблемы доказывает тот факт, что в разных странах ученые наблюдают и исследуют схожие процессы, происходящие в естественных национальных языках, на которых общаются пользователи Интернета. В английском языке идет бурный языкотворческий процесс: рост сокращений, аббревиатур, проникновение терминов в разговорный язык [7]. Например, в Англии, где нет ситуации заимствования интернет-терминологии из чужого языка, ученые пришли к необходимости выделения и изучения нового функционального стиля «Веблиш» (*Web + English*), который энергично распространяется в среде пользователей Интернета, охватывая все более широкие слои массовой аудитории [2, с. 65]. В Интернет-коммуникации переплавляются и смешиваются жанры, стили, типы и виды речи. «Одни из них смешиваются, другие, наоборот, дробятся, третьи сохраняют свои основные характерные черты, четвёртые исчезают, пятые возраждаются, а шестые

появляются в речевой практике впервые» [9, с. 112].

Любой язык постоянно пополняется новыми словами – неологизмами. Эти слова возникают в языке из-за необходимости обозначения новых предметов или выражения новых понятий. В современном русском языке различают лексические неологизмы, т. е. вновь созданные (с помощью словообразовательных средств языка) или заимствованные из других языков слова и выражения, а также семантические – к ним относятся новые значения ранее известных слов. Наряду с общеязыковыми неологизмами, существуют те, которые называют индивидуально-авторскими или окказиональными.

Большое количество неологизмов появилось в связи с созданием новых, ранее не существующих видов интернет-ресурсов, интернет-должностей и технологий. Например, слово флуд (от неверно произносимого англ. *Flood* – наводнение) – размещение однотипной информации на нескольких ветках форума или разных форумах, одной повторяющейся фразы, символов, букв, слов, одинаковых графических файлов или просто коротких сообщений на веб-форумах, в чатах, блогах. Лицо, которое распространяет флуд, в Интернете называется *флудером*.

Новую интернет-должность пользователи называют *одминэ* или *админ* – сотрудник, отвечающий за работу компьютерной Сети в штатном режиме. Или слово – *модер* (модератор) – пользователь, имеющий более широкие права по сравнению с обыкновенными посетителями на общественных сетевых ресурсах (чатах, форумах), он имеет право стирать чужие сообщения, редактировать их, удалять страницы пользователей.

Из-за появления новых технических средств, появились такие понятия, как *гаджет* – современные пользователи назы-

вают оригинальное, нестандартное техническое приспособление. Сегодня гаджетом можно считать любой цифровой прибор, достаточно небольшой, чтобы надеть на руку или подключить к телефону. Еще одним техническим неологизмом является слово *браузер* – программное обеспечение для просмотра веб-сайтов, для запроса веб-страниц; интерфейс – от англ. *Interface* – совокупность средств методов взаимодействия между элементами системы. В зависимости от контекста понятие применяется к отдельному элементу, например, *интерфейс элемента*.

Благодаря широкому распространению различных социальных сетей появились такие выражения, как *зарегаться* – создать свою собственную страницу на сайте, ввести свое имя и пароль; *зафрендить* (*френдиться*, *расфрендиться*), т. е. добавлять пользователей в список друзей, которые могут просматривать страницу автора.

Из этого можно сделать вывод о том, что неологизмов в русском языке с каждым днем становится все больше и больше. Большинство новых слов являются заимствованиями из иностранных языков, в первую очередь из английского. Кроме того, эти слова не являются остро необходимыми и имеют эквиваленты в русском языке. Так почему же современный пользователь Интернета или просто современный человек выбирает вместо слова *дружить* – *френдиться*, вместо *играть* – *погамать*? Это можно объяснить сменой социальных, политических, психологических установок в обществе. Всего несколько десятилетий назад сохранение языка поддерживалось чтением образцов классической художественной литературы. В XXI в. чтение не самое популярное занятие, большинство россиян предпочитают смотреть фильмы, телепередачи, а в Интернете «проходят мимо»

новостей с надписью «много букфф» или подписывают в комментариях «ни асилл» [11].

Еще одной причиной появления и широкого распространения неологизмов является стремление к экономии, сокращению. Сравните: *конты – контакты, добавлять в друзья – френдиться, нуб – новичок*. Но все эти слова, а в особенности слова-сокращения типа *лол – очень смешно, имхо – по моему скромному мнению*, являются свидетельством ограниченного словарного запаса. «Новая норма, более свободная и одновременно менее определенная и однозначная, оказывается под воздействием массовой печати. Телевидение, радио, периодика, в целом массовая культура все активнее становятся “законодателями моды”, “воспитателями” нового языкового вкуса...» [3, с. 66].

Неологизмы, безусловно, необходимы любому языку, но они должны свидетельствовать не об упадке, а о развитии общества, которое должно не только заимствовать чужие слова из других языков, а должно производить их, если это необходимо, и распространять в мире [11].

Процесс появления новых слов приобретает в языке Интернета лавинообразный характер. Важнейшим источником пополнения словаря языка Интернета является словообразование. Значительный объем материала, несмотря на сравнительно краткий срок существования феномена русского Интернета – Рунета, позволяет сделать выводы о наиболее продуктивных здесь словообразовательных моделях.

Как правило, в основе каждого словообразовательного гнезда лежит заимствование или калькирование англоязычной корневой морфемы. Заимствуются не только морфемы, но и аббревиатуры, которые затем занимают место корневых морфем [6].

Далее процесс словообразования идет в соответствии с правилами русской словообразовательной системы. Продуктивны словосложение, суффиксация, префиксация и другие обычные способы. В ряде случаев заметно стремление к выбору словообразовательных парадигм, более типичных для просторечия. В результате появляются, например, следующие глаголы ультрамгновенного действия: *кликнуть, хакнуть, ангрейднуться*; и прочие новообразования: *банить, флудить, коннектиться, офлайнный* и т. п.

Интересны случаи, когда заимствованный элемент – корневая морфема или аббревиатура – сохраняется в латинской графической форме: *чатланит, FTP-сервер, MIDI-контроллер, GIF-анимация*.

Суффиксы, продуктивные в общелитературном языке при словообразовании наименований лиц, машин и устройств по виду выполняемой ими деятельности, используются для образования наименований программных продуктов. Активны, в частности, заимствования с суффиксом *-ер*: *браузер, мейлер, спеммер*.

В ходе заимствования форма нового слова может уподобляться форме какого-нибудь уже бытующего слова. В результате заимствованное английское обозначение электронной почты – *э-мейл* (сокращенно *мейл*) часто фигурирует в чатах как *мыло*. Например, *сбрось фотку мне на мыло* означает «отправь ее мне по электронной почте».

В некоторых словообразовательных моделях несколько более активно используются исконные корневые морфемы. Активна, в частности, универбация с суффиксом *-к(а)*. Так, из «программы для перелистывания

страниц» получается *листалка*, из «программы для осуществления телефонных звонков» – *звонилка*.

Весьма активны в качестве исходных элементов словообразовательных гнезд синонимы самого понятия Интернет, как заимствованные, так и исконные: *Интернет*, *веб* и *Сеть*. Они дают следующие ряды производных: *интернет-технология*, *интернет-кафе*, *интернетчик*, *по-интернетски*; *веб-дизайн*, *веб-узел*, *веб-сайт*, *вебовский*; *сетянин*, *сетеголовый*, *сетеголик* и т. п.

Пополнение словарного состава происходит также за счет лексико-семантических изменений, не сопровождаемых изменениями на морфемном уровне. Параллельно с заимствованием преимущественно англоязычных слов для передачи новых значений, развиваются новые значения и у слов исконно русских. Например, слово *страница* приобретает новое значение, синонимичное значению заимствованного из английского языка слова *сайт* или *интернет-сайт*.

Среди других явлений лексико-семантического уровня можно отметить активное использование аббревиатур и акронимов. Они являются неотъемлемым атрибутом диалогов в реальном времени (в чатах и дискуссионных группах). Перечни этих аббревиатур многократно воспроизводились в Интернете и в печатном виде.

Как видим, Интернет – это новая сфера функционирования русского языка. Первая

основная особенность языка Интернета – это разговорный стиль. Несмотря на то, что далеко не все формы общения в Интернете предполагают маски для его участников, тем не менее, тенденция демократичности и упрощения проникает даже в деловые бумаги, создаваемые и существующие в формате онлайн, значительно облегчая официальные стандарты деловой переписки. Причем ситуация максимального сближения речевого интернет-стиля с традициями разговорного стиля вообще повышает степень доверия к высказыванию, что крайне важно при осуществлении деловых контактов.

Таким образом, воздействие Интернета, в том числе Рунета на русский язык чрезвычайно многопланово, но вместе с тем не затрагивает системных категорий. При функционировании русского языка в Интернете наблюдаются изменения, которые необходимы для его приспособления к новым условиям существования личности и общества в Интернете в целях обеспечения их наиболее комфортного вхождения в мировое виртуальное пространство. Подводя итог, можно утверждать, что Интернет – это удивительный продукт эпохи и технологии, дающий совершенно новое качество в общении между людьми, разделёнными не только расстояниями, и притом большими, но и национальными, социальными и прочими факторами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Алексеев Д. И.** Аббревиатуры как новый тип слов // Развитие словообразования современного русского языка. – 3-е изд. – М., 1977.
2. **Виноградова Т. Ю.** Специфика общения в Интернете // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. – 2004. – № 11. – С. 63–67.
3. **Донсков С. В.** Сопоставительное исследование жанровых особенностей англоязычных и русскоязычных газетных текстов: дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2004. – 180 с.

4. **Иванова Т. С.** Речевое поведение интернет-общения // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2011. – № 3 – С. 81–85
5. **Иванов Л. Ю.** Язык интернета: заметки лингвиста // Словарь и культура русской речи / под ред. Н. Ю. Шведовой, В. Г. Костомарова. – М.: Индрик, 2001. – С. 131–148.
6. **Новикова Л. А.** Интернет в межкультурном общении. – Омск: ОмГПУ, 2006. – 52 с.
7. **Потапова Р. К.** Новые информационные технологии и лингвистика: учеб. пособие. – 3-е изд., суш. доп. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 368 с.
8. **Правкина С. Н., Григоренко И. Н.** Гипертекст как проявление текста в Интернете // Вестник АГУ. Сер. Филология и искусствоведение. – 2009. – № 4.
9. **Трофимова Г. Н.** Языковой вкус интернет-эпохи в России: Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. – М.: Изд-во РУДН, 2004. – 380 с.
10. **Чернявская В. Е.** Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. – М.: Либро – ком, 2009.
11. **Причины** и источники появления неологизмов в интернет-ресурсах [Электронный ресурс]. – URL: http://theoldtree.ru/inostrannye_yazyki_i_yazykoznanie/prichiny_i_istochniki_poyavleniya.php (дата обращения: 28.08.2015)

DOI: [10.15293/2226-3365.1505.12](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1505.12)

Badrakh Anar, Lecturer of Russian Language Department, Mongolian National University of Education, Ulaanbaatar, Mongolia.

E-mail: anarka128@gmail.com

Shirnen Tsolmon, Candidate of Philological Sciences, Lecturer of Russian Language Department, Mongolian National University of Education, Ulaanbaatar, Mongolia.

E-mail: tsomuush_sh@mail.ru

THE STUDY OF USE OF RUSSIAN LANGUAGE IN INTERNET ENVIRONMENT

Abstract

The creation of information technology has led to certain changes in Russian language. Today it is not a language, not a society without culture influence on the Internet, and the Internet itself and the processes occurring in it have an impact on society, language, culture and many areas of our lives. Correspondence through the media and via e-mail, chat rooms and blogs – all this affects the Russian language. There is a change of values – computer education is more valuable language, is therefore considered particularly chic communicate simplified language, contrary to the norms of everyday communication. All this greatly affects the language situation and requires serious linguistic research. It is possible that we are talking about the formation of a new style in Russian – style Internet communication. The features of Internet communication written pronunciation, hyper-intertextuality, and spontaneity. This qualitatively new feature is its style and spontaneity, despite written reproduction. In this paper, we consider the word-formation processes occurring in the network, some of which received almost second life in the Internet communication: word composition, blends, abbreviation, reverse word formation, reduction and so on.

Keywords

Word formation, internet communication, communication sphere, internet community

REFERENCES

1. Alekseev D. I. Abbreviations as a new type of word word. *The development of modern Russian language*. 3rd ed. Moscow, 1977.
2. Vinogradov T. Yu. The specificity of Internet communication. *Russian and Comparative Philology: Lingvokulturologichesky aspect*. 2004, vol. 11, pp. 63–67. (In Russian)
3. Donskov S. V. *Comparative study of genre peculiarities of English and Russian newspaper texts*. Tver, 2004, 180 p. (In Russian)
4. Ivanova T. S. Speech behavior of Internet communication. *Bulletin of the Adygeya State University*. 2011, vol. 3, pp. 81–85. (In Russian)
5. Ivanov L.Yu. Internet language: Dictionary notes linguist. *Russian language and culture*. Ed. N. Yu. Shvedovoy, V. G. Kostomarov. Moscow, Indrikis Publ., 2001, pp. 131–148. (In Russian)
6. Novikov L. A. *Internet in intercultural communication*. Omsk, OGPU Publ., 2006. (In Russian)
7. Potapova R. K. *New information technologies and linguistics*. 3rd ed. Moscow, Editorial URSS Publ., 2005, 368 p. (In Russian)

8. Pravkina S. N., Grigorenko I. N. Hypertext as the display of text on the Internet. *Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts»*. 2009, no. 4. (In Russian)
9. Trofimova G. N. *Language flavor Internet era in Russia: Russian language functioning in the Internet: conceptually-intrinsic dominant*. Moscow, Peoples' Friendship University Publ., 2004, 380 p. (In Russian)
10. Chernjavskaja V. E. *Text Linguistics: polycodovost, intertextuality, interdiskursive*. Moscow, Libro – com Publ., 2009. (In Russian)
11. *The causes and sources of the appearance of neologisms in the online resource*. Available at: http://theoldtree.ru/inostrannye_yazyki_i_yazykoznanie/prichiny_i_istochniki_poyavleniya.php (Accessed 28.08.2015) (In Russian)

© А. Е. Козлов, И. И. Саженин

DOI: [10.15293/2226-3365.1505.13](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1505.13)

УДК 81'33 + 81'27

ПРОВОКАТИВНЫЙ ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**А. Е. Козлов, И. И. Саженин (Новосибирск, Россия)*

Статья посвящена изучению провокации как особой тактики, стратегии, а также специфического свойства прагматически направленного дискурса. Актуальную проблему современной коммуникативной лингвистики представляет не только изучение эксплицитных вербальных провокаций, реализованных в диалогической речи, но и имплицитных, не осознанных либо говорящим, либо, что возможно значительно чаще, слушающим. С точки зрения авторов статьи, провокацию можно охарактеризовать как многовекторное и многоаспектное понятие. Провокация может являть собой коммуникативное намерение, однако в некоторых случаях, несмотря на последовавшую реакцию (прогнозируемую или непрогнозируемую), она может быть непреднамеренной. Вообще, коммуникативная ситуация провокации имеет один основной параметр – реакцию; остальные параметры можно считать опциональными. В ряде случаев это затрудняет саму возможность объективного лингвистического анализа. Данная проблема рассматривается на материале блогов, информационных ресурсов Новосибирской области, а также иных текстов, представляющих интерес с точки зрения лингвистического анализа и экспертизы.

Ключевые слова: конфликтный текст, лингвистический анализ, провокативный дискурс, лингвистическая экспертиза.

Современная теория дискурса утверждает в качестве его непреложного свойства коммуникативность [1]. Эта концепция, активно разрабатываемая как в зарубежной [10], так и отечественной [1; 7; 16] лингвистике,

позволила акцентировать внимание на экстралингвистических и паралингвистических факторах, иными словами, на том, что часто не эксплицировано в тексте и может быть извлечено посредством специального анализа [4; 12].

* Статья подготовлена в рамках реализации грата РГНФ «Конфликтный текст в зеркале лингвистического экспертирования: оскорбление, унижение чести и достоинства, порочащая информация в публичной коммуникации региона (грант № 15-14-54001, тип проекта «а»).

Козлов Алексей Евгеньевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературы, Институт филологии, массовой информации и психологии, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: alexey-kozlof@rambler.ru

Саженин Игорь Игоревич – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории обучения русскому языку и педагогической риторики, Институт филологии, массовой информации и психологии, Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: sajana84@mail.ru

В ряде случаев дискурс как сообщаемое и сообщающее коммуникантов может быть прагматически направлен и связан с провокацией, т. е. действием или действиями, производимыми с целью вызвать ответное действие/бездействие провоцируемого(ых). Кажется целесообразным выделить два основных вида провокации: 1) эксплицитная провокация как коммуникативное намерение (*удалось/не удалось вызвать ответные действия*); 2) непрямая или имплицитная провокация, возникающая в том случае, если цель сообщения иная, но ответные действия, реакции есть, в силу того, что само по себе сообщение содержит элементы, провоцирующие данные реакции.

Очевидно, в диалогических жанрах провокации часто возникают спонтанно как один из возможных вариантов ответа собеседнику. Провокации могут организовывать коммуникацию и быть связанными с коммуникативным намерением и прагматикой речевого акта. Наиболее очевидно это в масс-медийных диалогических жанрах, например, интервью. Несколько иначе данный принцип работает в монологической сфере. Здесь перед автором сообщения предстает обобщенный адресат, обладающий некоторым набором потенциаль-

ных интерпретаций¹. Часто различия определяются спецификой письменных и, в коммуникативной ситуации, речевых жанров.

Этот принцип остается неизменным и в масс-медийных жанрах, имеющих сегодня наибольшую популярность – блогах. До недавнего времени отсутствие сколько-нибудь функциональной юридической платформы делало это пространство неупорядоченным; сегодня ситуация начинает постепенно изменяться. Тем не менее, в современном воззрении блог остается «территорией личной свободы» и, судя по записям, часто ассоциируется у пишущего с дневником. Однако открытость этого дневника позволяет представить его как прагматический код или взаимосвязанную последовательность семантических точек; в этом отношении каждое высказывание как бы продолжает движение по определенному вектору² [5]. В итоге публичная интернет-коммуникация такого рода за последние десять лет превратилась в мощный инструмент влияния: как на общественное мнение, так и на судьбы конкретных людей. Более того, информация, сообщаемая в блогах, нередко влечёт разного рода правовые последствия как для авторов-блоггеров, так и для «героев» их постов. Возможный вариант развития событий представляет далее обращение в

¹ При этом совершенно очевидно, что, например, моделируемый адресат «Критики чистого разума» Канта значительным образом отличается от целевой аудитории «Антихристианина» Ницше; равным образом, отличается и спектр возможного истолкования сообщения. В то же время логично предположить, что и у И. Канта, и Ф. Ницше есть общая прагматическая цель – найти (или создать) единомышленников, убедить читателя в правильности своего суждения, воздействуя как на уровне концептов (Кант), так и на эмотивном уровне (Ницше).

² Как пишет о соотношении семантики и прагматики М.Я. Дымарский, «...однако, согласившись с тем, что прагматика – это не более чем особый тип семантики, мы все равно остаемся перед вопросом о качественном различии между этими двумя типами семантики. Для достижения более удовлетворительной формулировки этого различия можно использовать аналогию с известной парой математических понятий – а именно с противопоставлением скалярных и векторных величин. В этом случае можно сказать, что прагматика – это векторная семантика» [5, с. 120].

судебные инстанции с исками о защите чести, достоинства и деловой репутации, осуществление разного рода проверок надзорными и правоохранительными органами или возбуждение уголовных дел по соответствующим статьям уголовного кодекса Российской Федерации. Закономерно, что одним из значимых элементов в правовом поле является судебная лингвистическая экспертиза [2–3]. С точки зрения лингвистики, а точнее коммуникативной прагматики, поводом для обращения в суд в подобных случаях является провокация: говорящий сообщает публично о лице или о совокупности лиц некую информацию, которая *воспринимается* данным лицом или же совокупностью лиц как негативная по отношению к нему/к ним. При этом резко негативная реакция на информацию может быть вызвана чем угодно и определяется субъективной оценкой сообщаемого и индивидуальными, не всегда корректными, интерпретациями исходного сообщения. Ключевое слово здесь – «воспринимается», т. е. необязательно, что в сообщении действительно содержится некая информация, которую можно признать порочащей в юридическом или даже лингвистическом смысле этого слова.

Например, истец Н. был крайне возмущен фразой в отношении собственной персоны: *Н. большой мастер делать дерьмо чужими руками*. С точки зрения лингвистики, фраза содержит негативную информации об Н. Однако фразеологизованная конструкция *делать дерьмо чужими руками* (ср. с антонимической в каком-то смысле конструкцией со сходной оценочной компонентой: *чужими руками жар загребать*) не содержит фактуальной информации и в силу этого равным счетом ничего не сообщает адресату. Это высказывание, несмотря на утвердительную форму, не может быть как-нибудь точно проинтерпре-

тировано, ему невозможно присвоить параметр истинности. Однако именно оно стало катализатором для обращения «героя» материала в правоохранительные органы.

Итак, провокация – многовекторное и многоаспектное понятие. Рассматривая провокативный акт с точки зрения субъектов коммуникации, можно констатировать, что, во-первых, провокация может являть собой коммуникативное намерение говорящего: *Я говорю это, чтобы получить реакцию R*, во-вторых, может быть непреднамеренной, однако с последовавшей реакцией R (см. выше об имплицитной и эксплицитной провокации). Иными словами, коммуникативная ситуация провокации имеет всегда один постоянный параметр – реакцию. Иные параметры опциональны (например, если реакция R была целью сообщения, или же, напротив, целью сообщения была реакция R, а получилась реакция R₁ и др.).

Итак, акт провокации всегда включает в себя реакцию, более того, само его существование определяется именно реакцией, при отсутствии которой, не может идти речи о провокации как о состоявшемся событии. Катализатором реакции может выступать план содержания некоего высказывания (сообщаемое) или иначе – диктумный компонент высказывания (*Депутат Иванов присваивает бюджетные деньги*); план выражения, т. е. форма подачи информации, стилистический компонент высказывания (*Депутат Иванов – конченая мразь и жулик*); или же и то, и другое (*Депутат Иванов притырил ранее шпионеренные бюджетные деньги, как заправская крыса*). Для суда в рамках дел по клевете и разбирательствам, связанным с защитой чести и достоинства, важными являются следующие параметры высказывания/текста:

1) относится ли сообщаемая информация к конкретному лицу/совокупности лиц;

2) является ли сообщаемая информация негативной;

3) выражена ли сообщаемая информация в форме утверждения о факте, который можно проверить на соответствие действительности, или же являет собой оценочное суждение, мнение. Некоторым особняком в этом ряду стоят высказывания – оценочные суждения, содержащие фактическую ссылку (фактические основания) [11].

Согласно ст. 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, «утверждение о фактах и событиях можно проверить на соответствие действительности; мнение, предположение и оценочное суждение не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности, оценочные суждения, содержащие фактическую ссылку (фактические основания) иногда могут быть проверены на соответствие действительности»³. Заметим, что базовым компонентом, маркирующим «мнение» являются разного рода метапоказатели, эксплицирующие категориальное значение неуверенности, недостоверности⁴.

Основная проблема, далее рассматриваемая в статье, – возможность/невозможность

выявления коммуникативных намерений говорящего/автора в рамках провокативного дискурса, а также поиск механизмов, которые позволяют это осуществить. И если исследование речевых целей представляет достаточно простую операцию, то выявление коммуникативного намерения часто затруднительно из-за множества лингвистических и экстралингвистических показателей [8; 15; 18].

Проведя ряд наблюдений, мы решили отметить, что можно говорить о двух основных группах текстов, размещаемых в блогах. Оговоримся, что часто это определяется репутацией пишущего.

1. Приоритет дан диктумной информации. Автор сообщения отстраняется от происходящего, констатируя факты, имеющие место, с его точки зрения.

Подобным примером может быть статья «О росте благосостояния семьи Юрченко», получившая значительный резонанс и имеющая серьезные политические последствия. Точнее, события, связанные с отстранением губернатора НСО В. А. Юрченко, получили развитие после писем, отправленных в Следственный комитет. Примерно в это же время в пространстве *livejournal* появился текст, опубликован-

³ См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод и практика её применения (ст. 10); Конституция РФ; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 года, № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»; Маковей М., Чефранова Е. А. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 10. Право на свободу выражения своего мнения. Прецеденты и комментарии. – М., 2001 и др.

Разграничение оценочных суждений, мнений и утверждений о фактах в провокативном дискурсе и конфликтном тексте представляет отдельную исследовательскую проблему, выходящую за рамки настоящей статьи.

⁴ В экспертной практике по делам, связанным с экстремистской деятельностью, также важным является такая характеристика информации, содержащейся в тексте, как негатив, но, кроме этого, обязательным является также проведение экспертной оценки речевых и коммуникативных целей сообщения [6; 17].

ная под именем М. Галокова, почти неизвестного в блогосфере Новосибирской области и Российской Федерации. Текст М. Галокова написан в официально-деловом стиле, при этом в тексте присутствуют как опечатки, так и ошибки, возникшие, судя по характерным признакам, в результате сканирования⁵.

01.02.2005 распоряжением №63-рк губернатора Новосибирской области «О Юрченко В.А.» Юрченко Василий Алексеевич с 01.02.2005 назначен на государственную должность 1 Новосибирской области – исполняющим обязанности первого заместителя главы администрации Новосибирской области.

До этого времени близкими родственниками Юрченко В.А. было зарегистрировано 3 юридических лица

в целях строительства инженерной инфраструктуры путем их перечисления на счета ГБУ НСО «Управление капитального строительства», а затем – на счета ОАО «ППП».

Статья М. Галокова представляет довольно неоднозначное явление в свете лингвистического исследования. Большинство читателей этого материала, судя по комментариям, жаловалось на затруднения при прочтении. Данная информация представлена в необработанном для коммуникации виде: совершенно очевидно, что опубликовавшие ее люди не преследовали своей задачей информировать как можно большее количество читателей.

⁵ Очевидно, что представленные опечатки связаны с распознаванием сканированного текста. Если опечатка в слове ГБУ (ГБУ) возможна в связи с тем, что клавиши Ъ и Б находятся рядом на клавиатуре, то написание

Скорее, должна была возникнуть иллюзия конфиденциальной информации, буквально «слитой», ставшей гласной и потому интересной читателям. Кроме того, появление такого материала в блогосфере давало негласную возможность для региональных и столичных СМИ сослаться на представленную информацию (при условии снятия категоричности и с использованием соответствующего модуса осторожности) без репутационных потерь.

2. Приоритет дан модусной информации, диктумная информация содержит ряд намеков.

Примером такого типа является статья «Меньше есть и больше пахать», опубликованная на новосибирском портале «Сибкрай». Автор В., присутствуя на конференции ППС вуза N, высказала ряд соображений по поводу происходящего мероприятия.

В. начинает с перечисления причин, приводя аргументы различного веса и качества:

При этом зарплату поднимать никто не собирается, и сам вопрос поднятия зарплаты на повестке не стоит. Что как бы прямо противоречит Трудовому Кодексу, но обходить ТК вуз научился в совершенстве, и вполне способен предъявлять руководству красивые цифры о средней зарплате ППС (профессорско-преподавательского состава) в 35 тыс. рублей, при том, что большинство сотрудников не получают и 15.

Используя метапоказатель «как бы прямо», В., с одной стороны, включается в игру с читателем (учитывая так называемые мемы, объединенные «как бы»/«как бэ»), с

Новосибирской области находит однозначное объяснение.

другой, – используя метапоказатель в прямом значении, указывает на неуверенность в сообщаемой информации. Разбивая коммуникативный смысл на два предложения, В. использует констатирующую интонацию и тем самым сохраняет диктумную информацию в первом предложении. В то же время при критическом разборе становится совершенно очевидным произвольное использование метонимии: факт единичной конференции ППС возводится здесь в нечто большее; у читателя может возникнуть ощущение, что «вопрос поднятия зарплаты», вообще не стоит на глобальной повестке дня.

Следующая причина, указываемая В., – небольшое, с точки зрения автора статьи, количество преподавательских ставок и – с той же точки зрения – излишнее количество обслуживающего персонала.

Поскольку преподавателей в университете всего лишь 525 ставок, а число разнообразного чиновничества, похоже, больше, то у «чиновников» голосов больше, чем у преподавателей.

При этом последняя группа получает обобщенное наименование «чиновничество» (слово снабжено кавычками только во втором словоупотреблении), что явным образом работает на определенный фактор адресата, актуализируя множество негативных коннотаций. Эта актуализация находит развитие в следующем предложении высказывания: *«Кроме того, штат не преподающих работников сильно раздут, поскольку необходимо трудоустроить всех детей, кумов, сватов, любовниц и т. д.»*. Заметим, что в этой пропозиции причины дано однозначное объяснение, при этом перечислительный ряд, следующий после слова «поскольку», явным образом связан с концептом «коррупция» (неслучайно ряд

представляет градацию: дети (прямая степень родства) – кумовья, сваты (косвенные связи) – любовницы (связи, не являющиеся родственными, обычно порицаемые обществом). Вероятно, поэтому модератор блога (или сам автор статьи) после слов *«сильно раздут»* скорректировал высказывание, поставив *[причина удалена цензурой]*.

В дальнейшем изложении материала В. неоднократно использует слово «фальсификация», называя так голосование, происходящее на конференции: *администрация решила на фальсификацию общих собраний, сознательная фальсификация* и т. д. Заметим, что иногда автор становится несколько более осматрительным и своих суждений: *Очевидно, настолько настоятельно, что на двух факультетах администрация решила на фальсификацию протоколов общих собраний, и два делегата не обнаружили себя в списках*. Используемое слово «очевидно», указывает здесь на точку зрения автора сообщения, в то же время, избранный метапоказатель провоцирует читателя на согласие с предоставляемой информацией.

Из этого может последовать отдельная история, хотя в данный момент я не могу понять корысти идти на сознательную фальсификацию и позориться перед преподавателями, когда один делегат все равно ничего не решает. Смысл?

Указание на «я» во втором приведенном фрагменте также снимает категоричность. Автор статьи подчеркивает, что не может (или «как бы» не может) понять прагматических причин, таким образом, снимая с себя ответственность за написанное.

Довольно часто В. использует высокую степень категоричности, называя ППС вуза N.

крайне предсказуемым сообществом и подчеркивая, что *почти каждый человек зависит от распределяющей руки*. В ряде случаев автор практически нарушает черту повседневной этики общения, обращаясь к инвективам. Так, ректор вуза N., по оценке В., ...*накидал нам в уши тегов*. Речь ректора в данном случае уподоблена действию автомата, не управляющего своим языком (вместо слов – теги), сочетание «накидал нам в уши» также имеет различные значения, в чем можно убедиться, обратившись к словарю.

Об учебном заведении, в котором, как следует из контекста, В. работает, сообщается: *«Но это необходимо, чтобы вуз работал и жил, а не имитировал жизненные процессы, чтобы решения конференции были легитимными в глазах работников, чтобы не росла социальная напряженность»*. Перевод высказывания в оптативную модальность, правда, без использования сослагательного наклонения, своеобразно сочетается с показателем категоричности «необходимо». Приводится своего рода «автонарративный» фрагмент, в котором автор сообщения становится действующим лицом:

Далее слово взяла я, постаравшись донести идею, что данный проект предлагает увеличение обязанностей при той же низкой зарплате, а голосовать за этот проект – означает голосовать за имитацию жизненных процессов вуза. Написать 200 тезисов за месяц – имитация. Отчитываться о средней зарплате в 35 тыс – имитация. Собрать конференцию заранее согласных, дав им неделю на чтение проекта – имитация.

Троекратно используемое слово «имитация», наряду с использованным выше словом – «фальсификация» устанавливает очевидный

знак тождества между этими понятиями. Обращаясь к косвенной речи – *как бы сказанной* в другой момент и при другой аудитории, В. тем самым показывает и неизменность своих суждений и особое право на выражение точки зрения. В результате, по оценке В. произошедшее мероприятие можно назвать *выхолощенной конференцией*.

Заметим, что запись В. как известного блогера «Сибкрай» и сотрудника вуза N. снабжена фотографическими материалами, которые дополнительно работают на подтверждение всего описанного в статье. На этих фотографиях можно увидеть членов ППС, что подчеркивает то, что сообщаемая информация соотносится с действительно произошедшим событием и имела место в определенном месте и определенном времени. Последнее изображение, взятое В. в качестве подписи, – скан-копия документа о заработной плате. Это изображение уже на уровне визуального кода работает на достижение определенного коммуникативного намерения, которое будет описано далее.

Кажется очевидным, что автор статьи В. осуществляет ряд коммуникативных намерений:

- 1) сообщить о происходящем событии;
- 2) сообщить о происходящем событии со своей точки зрения;
- 3) указать на нарушения устава вуза и государственного закона в происходящем событии;
- 4) сделать факт нарушения устава вуза и государственного закона гласным;
- 5) поставить под сомнение репутацию членов ППС;
- 6) намекнуть на необходимость реформ;
- 7) найти читателя, готового к активным действиям;

- 8) *AutoPR* – автор сообщения активно влияет на формирование и утверждение своей репутации [9; 18].

На наш взгляд, коммуникативные намерения 3–7 могут быть рассмотрены в контексте провокативного дискурса. Не обладая абсолютно точной информацией, В. подает ее как «существующую с высокой долей вероятности». Чтобы приблизить свои высказывания к истинным, В. подчеркивает факт личного присутствия на мероприятии и последовательно излагает «фабулу» собрания. Однако как следует из комментариев к статье В., другие участники конференции ППС вуза N. оценивают эту ситуацию иначе. Обращение автора статьи к инвективам и словам, содержащим высокий коннотативный потенциал, безусловно, работает на достижение коммуникативного намерения. В этом случае совершенно очевидно происходит столкновение объективной информации с ее субъективной оценкой и представлением как события. На наш взгляд, В., осознавая себя как известного блоггера и социально ангажированное лицо, могла привлечь своей статьей не только потенциальных оппонентов – участников конференции и иных членов ППС, не согласных с излагаемой позицией, но и людей, не знакомых с ситуацией и ее деталями.

На другом примере мы бы хотели проиллюстрировать реализацию автором такой цели, как создания негативного образа за счет особого использования метапоказателей категории неуверенности и уступительных конструкций. Героем материала является новосибирский бизнесмен N.

Похоже, примерно в это время у N. уже созрела мысль о будущем установлении единоличного контроля над бурно растущим предприятием, которое первоначально он всерьез и не воспринимал.

Информация, содержащаяся в высказывании, является негативной, поскольку захватнические действия в системе ценностей современного общества оцениваются негативно. Метатекстовый показатель модусной категории неуверенности *«похоже»* относится к той части высказывания, в которой говорится о времени возникновения у N. желания взять «Рога и копыта» под единоличный контроль. Иными словами, автор сообщает, что мысль о захвате компании возникла в период ее расцвета (*К концу 2006 года «Рога и копыта» закономерно становится крупнейшей компанией отрасли в России. Похоже, примерно в это время у N. уже созрела мысль о будущем установлении единоличного контроля над бурно растущим предприятием...*), но в том, что такая мысль возникла, автор уверен: *«у N. уже созрела мысль о будущем установлении единоличного контроля над бурно растущим предприятием»*. Таким образом, информация о желании N. установить единоличный контроль над фирмой «Рога и копыта» представлена в утвердительной форме. Несмотря на наличие метапоказателя «похоже» высказывание воспринимается читающим субъектом как утвердительное. Тем не менее, содержательная сторона данного утверждения такова, что проверить истинность или ложность сообщаемого не представляется возможным, т. к. речь идет о ментальной деятельности (*мысль созрела*). Автор в действительности может лишь предполагать возникновение такого желания у N., но при отсутствии должной рефлексии такая особенность высказывания не считывается, и за счет этого формируется нужный автору образ: N. давно планировал установить единоличный контроль, т. е. осуществить захват компании. Сформировав у читателя образ последовательного захватчика, автор получает «сторонника», поскольку особенность восприятия человеком информации такова,

что каким бы развитым ни было логическое мышление – оценка производится на эмоциональном уровне, и в дальнейшем весь логический аппарат работает на поиск тезисов, подтверждающих «правоту» изначального впечатления.

N. из партнера по бизнесу все более явно обозначается как нелояльный к компании арендодатель и кредитор, хотя везде заявляет о себе как о главном акционере компании

Данное высказывание является повествовательным сложноподчиненным предложением с уступительным придаточным. В предложениях, выражающих уступительные отношения, соотносятся две ситуации, из которых одна, представленная в придаточной части, не является достаточным основанием для того, чтобы отменить собой другую, представленную в главной части. Это значит, что в придаточной части либо сообщается о неблагоприятном условии, о препятствующем обстоятельстве), либо в этой части заключен контраргумент (или поправка, корректив), опровергающий либо ограничивающий истинность, безоговорочность утверждаемого в главной части [13]. В главной части предложения сообщается, что N. становится нелояльным компании кредитором. В придаточной говорится, что N. позиционирует себя на публике как главного акционера. Таким образом, действия, осуществляемые N., противоречат его положению (главный акционер) и его действиям по самопрезентации. Автор материала имплицитно обозначает идеальную ситуацию и сравнивает ее с реальной. В идеальной ситуации лицо, являющееся главным акционером, заинтересовано в развитии компании, значит, действия данного лица в отношении компании конструктивны и носят созидательный характер. В представленной автором реальности

действия N. носят деструктивный характер, следовательно, это плохо. Факт несовпадения декларируемого статуса с реальными делами, соответствующими данному статусу, характеризует N. как нечестного человека (то, что он говорит, противоречит тому, что он делает). Лицо, чьи слова расходятся с делами, оценивается в обществе негативно.

N. обладает негативными свойствами, является нечестным человеком, поскольку, позиционируя себя как лицо, заинтересованное в успешном функционировании компании, предпринимает действия, препятствующие ее успешному функционированию (устанавливает слишком высокую арендную плату и выдает кредиты по завышенным ставкам). Данная информация является логическим следствием, вытекающим из синтаксической формы высказывания: метапоказатель *хотя* эксплицирует смысловое несоответствие того, что говорится в главной части тому, о чем сказано в придаточной:

субъект A говорит, что он Y;

Y не делает D;

субъект A делает D;

значит субъект A не Y.

Данная негативная информация является имплицитно выраженной. Автор не сообщает прямо, что N. обладает негативными свойствами, является лжецом, но подразумевает это. Верифицировать сказанное не представляется возможным: это оценочное суждение. Тем не менее, за счет актуализации несоответствия реального идеальному автор, не называя N. лжецом прямо, присваивает ему подобную характеристику. Иными словами, фраза *N. из партнера по бизнесу все более явно обозначается как нелояльный к компании арендодатель и кредитор, хотя везде заявляет о себе как о главном акционере компании* преобразуется в сознании читателя в образ N – лжец, нечестный человек.

Таким образом, можно констатировать, что одним из механизмов выявления коммуникативных намерений может быть «анализ результата», как определенного провоцируемого действия. «Анализ результата» – действие, напрямую связанное с комплексной оценкой коммуникативной ситуации в целом: кто говорит, кому говорит, в какой ситуации, каков предшествующий социально-культурный и событийный контекст высказывания. В случае, когда перечисленные параметры коммуникативной ситуации известны анализирующему субъекту, он может встать на позицию так называемого «наивного читателя» и сформулировать общее впечатление от материала; анализ же семантической структуры высказывания затем позволяет утвердить или же опровергнуть возникшее общее впечатление. При совпадении результатов структурно-семантического анализа с впечатлением можно констатировать, что коммуникативным намерением было сформировать у читателя именно данное впечатление.

В завершение хотелось бы привести пример еще одного высказывания. Для большей ясности мы опишем некоторые параметры коммуникативной ситуации: в финансовой структуре S. в отношении одного из сотрудников было возбуждено дело по факту хищения денежных средств. Иными словами, сотрудник имел статус подозреваемого, вина его на момент появления высказывания доказана не была. В то же время внутри компании руководством было распространено сообщение, в котором говорилось: «Сотрудник N. находится под подозрением, в тесной связке с ним работали также M. и R. Заметим, что M. и R. сами не имели статуса подозреваемых. По всем признакам данное сообщение принадлежит к речевому жанру предостережения, результатом же стали репутационные издержки M. и R., с которыми прекратились рабочие

контакты. Коммуникативная цель данного предостережения (определяемая самим жанром) – предостеречь от возможных последствий, вероятность которых отнюдь не стопроцентная; рекомендовать быть внимательнее в определенных условиях, однако результатом стало формирование у адресата образа мошенников (M. и R.). Иными словами, впечатление и реакция адресата после ознакомления с высказыванием одни, структурно-семантический анализ же демонстрирует отсутствие подобного коммуникативного намерения.

Подводя итог, подчеркнем:

1. Можно констатировать векторную природу провокации как составляющей провокативного дискурса вне зависимости от намерения говорящего. Вводимое разграничение между имплицитными и эксплицитными провокациями позволяет повысить объективность независимого лингвистического анализа, расширить спектр возможных интерпретаций исходного сообщения.
2. Вербальные провокации, реализованные на диктумном уровне, чаще всего относятся к эксплицитному типу и могут быть проверены на соответствие действительности. Следовательно, наиболее велики репутационные потери, возникающие вследствие реализации подобной провокации в масс-медийной среде или блогосфере.
3. Вербальные провокации, реализованные на модусном уровне, несмотря на декларируемое соответствие действительности, транслируют это соответствие в модусе возможного/предполагаемого. Такой тип сообщения часто позволяет говорящему избежать правовых (и иных экстралингвистических) последствий, но в то же время репутационные потери, которые несет объект матери-

ала нивелируются слабо вследствие психофизиологических особенностей восприятия информации читающим субъектом.

В заключение отметим, что изучение провокативного дискурса как особого типа общения имеет определенный практический

смысл. Решение этого вопроса в дальнейшем, предположительно, может способствовать усовершенствованию методологического аппарата лингвистической экспертизы⁶.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Арутюнова Н. Д.** Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
2. **Баранов А. Н.** Авторизация текста: пример экспертизы (приложение 3) // Цена слова. – М.: Галерея, 2002. – С. 356–364.
3. **Баранов А. Н.** Лингвистическая экспертиза текста: Теоретические основания и практика. – М.: Флинта, Наука, 2007. – 592 с.
4. **Гальперин И. Р.** Текст как объект лингвистического исследования. – М.: КомКнига, 2005. – 148 с.
5. **Дымарский М. Я.** Прагматика как векторная семантика // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2015. – № 2. – С. 118–125. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1502.11>
6. **Ефремов В. А.** Словари субстандарта в лингвоэкспертной практике // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2015. – № 2. – С. 41–49. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1502.03>
7. **Кубрякова Е. С.** О термине «дискурс» и стоящей за ним структуре знания // Язык. Личность. Текст – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 23–33.
8. **Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник** / под общ. рук. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. – М.: Флинта; Наука, 2003.
9. **Лаппо М. А.** Сущность идентичности и методы ее анализа в лингвистических/психолингвистических исследованиях // Вопросы психолингвистики. – 2014. – № 19. – С. 30–39.
10. **Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка** / пер. с англ., сост. и ред.: В. В. Петров, В. И. Герасимов. – М.: Прогресс, 1988. – 320 с.
11. **Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсульты** / под ред. проф. М. В. Горбаневского. – М.: Медия, 2004. – 104 с.
12. **Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А.** Современный русский язык. – М.: Международные отношения, 1995. – 446 с.
13. **Русская грамматика: в 2-х т.** – Т. 2. – М.: Наука, 1980. – 714 с.
14. **Саженин И. И.** Словарный корпус как элемент оптимизации исследовательского процесса // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2013. – № 2. – С. 120–127.

⁶ Одним из способов усовершенствования существующих методик может быть создание

специального корпуса прагматически маркированной лексики [14].

15. **Словарь** русского языка: в 4-х т. [Электронный ресурс] / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm> (дата обращения 20.05.15)
16. **Степанов В. Н.** Провокативный дискурс массовой коммуникации: дисс. ... д-ра филол. наук. – СПб.: СПбГУ. – 230 с.
17. **Трипольская Т. А., Булыгина Е. Ю.** Идеологическая семантика как объект лексикографирования разновременными словарями // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2015. – № 2. – С. 28–40. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1502.02>
18. **Трипольская Т. А., Гончарова Е. А.** Динамические процессы в лексиконе языковой личности // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2014. – № 3. – С. 57–67. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1403.06>

DOI: [10.15293/2226-3365.1505.13](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1505.13)

Kozlov Alexey Eugenievich, Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer, Russian and Foreign literature, Theory of literature and Methodic of Literature Teaching, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

E-mail: alexey-kozlov@rambler.ru

Sazhenin Igor Igorevich, Candidate of Philological Sciences, Associated Professor, Modern Russian Language Department, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation.

E-mail: sajana84@mail.ru

PROVOCATIVE DISCOURSE AS OBJECT OF LINGUISTIC INVESTIGATION

Abstract

The article is devoted to investigation of different types of provocation (as tactic, strategies and characteristic of pragmatically directed discourse). In our mind, consideration of the explicit verbal provocation and implicit provocation too are constituted the problem of cognitive linguistic and theory of communicative acts. On our opinion, provocation may be characterized as multipronged and multi-dimensional phenomenon of everydayness communication. Frequently provocation presents a communicative intention, but in some cases it may be unintended. As a general rule, reaction is main parameter of the communicative situation provocation; other parameters can be considered optional. In some cases it is difficult to the very possibility of objective linguistic analysis. This problem is seen on the material blogging, information resources (media sphere or mass-media) of the Novosibirsk region, as well as other texts that are of interest from the point of view of linguistic analysis and examination.

Keywords

Conflicted discourse, linguistic analysis, provocative discourse, linguistic examination

REFERENCES

1. Arutunova N. D. Discourse. *Linguistic dictionary*. Moscow, Soviet encyclopedia Publ., 1990. pp. 136–137. (In Russian)
2. Baranov A. N. *Authorization of text. The price of words*. Moscow, Galerya Publ., 2002. pp. 356–364. (In Russian)
3. Baranov A. N. *Forensic linguistic examination of text: theory and practice*. Moscow, Flinta Publ., Science Publ., 2007, 592 p. (In Russian)
4. Galperin I. R. *Text as object of linguistic investigation*. Moscow, ComBooks Publ., 2005. 148 p. (In Russian)
5. Dymarskiy M. Y. Pragmatic as vector semantics. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2015, no 2, pp. 118–125. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1502.11> (In Russian)
6. Efremov V. A. Dictionaries of substandard language in lingvo expert practice. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2015, no 2, pp 41–49 DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1502.03> (In Russian).

7. Kubryakova E. S. On the term “discourse” and behind it the structure of knowledge. *Language. Personality. Text*. Moscow, Languages of the Slavic culture Publ., 2005, pp. 23–33. (In Russian)
8. *Culture of Russian speech*: Collegiate Dictionary Directory (Ed.: Ivanova L. Y., Skovorodnikova A. P., Shiryayev E. N). Moscow, Flinta Publ., Science Publ., 2003. (In Russian)
9. Lappo M. A. Essence of identity and methods of analysis in the linguistic / psycholinguistic research. *Questions of psycholinguistics*. 2014, no 2, pp. 30–39. (In Russian)
10. *New in foreign linguistics. Cognitive aspects of language*. Moscow, Progress Publ., 1988. 320 p. (In Russian)
11. *Instruction on the appointment of forensic linguistic expertise* (Ed.: Gorbanevsky M. V). Moscow, Medeja Publ., 2004, 104 p. (In Russian)
12. Rozental D. E., Golub I. B., Telenkova M. A. *Modern Russian*. Moscow, Foreign Relations Publ., 1995, 446 p. (In Russian)
13. *Russian Grammar: in 2 vol.* Vol 2. Moscow, Science Publ., 1980, 714 p. (In Russian)
14. Sazhenin I. I. Vocabulary corpus as element of optimization of research. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2013, no 2, pp. 120–127. (In Russian)
15. *Dictionary of Modern Language*: in 4 vol. Moscow, Russian Language Publ., 1999. Available at: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm> (accessed 20.05.15) (In Russian)
16. Stepanov V. N. *Provocative discourse of mass communication*. Saint Petersburg, 230 p. (In Russian)
17. Tripolskaya T. A., Bulygina E. Y. Ideological semantics as the object of lexicographically different-temporal dictionaries. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2015, no. 2, pp. 28–40. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1502.02> (In Russian)
18. Tripolskaya T. A., Goncharova E. A. Dynamic processes in the lexicon of a language personality. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2014, no. 3, pp. 57–67. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2226-3365.1403.06> (In Russian).

© В. В. Дубичинский

DOI: [10.15293/2226-3365.1505.14](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1505.14)

УДК 811.161.1'374(075.8)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В УЧЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

В. В. Дубичинский (Харьков, Украина)

В статье предлагается широкая трактовка понятия «прикладная лингвистика». Прикладной лингвистики касаются все те области человеческой деятельности, где применяются («прикладываются») лингвистические данные и знания: политика, социология, психология, коммуникация, культурология, производство, техника, информатика, математика, преподавание языков, перевод и т. п. Особое место среди направлений прикладной лингвистики занимает лексикография (наука о словарях), которая систематизирует и вбирает в себя всё человеческое знание. Важное значение приобретает сегодня преподавание лингвистических дисциплин, которые являются направлениями прикладной лингвистики, студентам, обучающимся не только на гуманитарных факультетах, но и в технических высших учебных заведениях.

Ключевые слова: прикладная лингвистика, социолингвистика, психолингвистика, лингвокультурология, компьютерная и математическая лингвистика, преподавание языков, перевод, лексикография, словарь.

В настоящее время понятие прикладной лингвистики многозначно и довольно аморфно. Иногда понятия прикладной и компьютерной лингвистики считаются синонимическими, в некоторых ситуациях прикладной считается переводческая деятельность. Однако современный объем понятия «прикладная лингвистика» значительно расширился.

Во-первых, следует заметить, что **современное языкознание** [2–3; 17] можно подразделить:

- на **теоретическое языкознание**, которое изучает язык как систему, языковые единицы и отношения между ними, правила

их сочетания, грамматические, лексико-семантические категории и т. п.;

- **практическое языкознание**, которое изучает конкретные языки с целью их использования как средства общения;
- **прикладная лингвистика** (прикладное языкознание), которая занимается разработкой и прикладыванием лингвистических данных и знаний к практическим потребностям человеческого общества.

Во-вторых, под понятием «прикладная лингвистика» понимают такое направление языковедческой науки, которое разрабатывает и осуществляет практическое лингвистическое

Дубичинский Владимир Владимирович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой украинского, русского языков и прикладной лингвистики Национального технического университета, Харьковский политехнический институт.

E-mail: vovodu@bk.ru

обеспечение для разнообразных сфер производства, науки, культуры и др.

Таким образом, попробуем определить современную **прикладную лингвистику** [5; 17; 24] как совокупность многих языковедческих наук, данные которых *используют* (ср. польск. *lingwistyka stosowana*, англ. *applied linguistics*) различные отрасли человеческой деятельности.

Предмет исследований прикладной лингвистики лежит на границе языка и различных отраслей производства, науки, техники, культуры, которые пользуются лингвистическими данными и знаниями в своей деятельности.

Основными направлениями прикладной лингвистики сегодня считаются:

1) **социолингвистика** [9; 13; 22; 25]:

- взаимодействие языка и общества;
- влияние общества на язык – социальная вариативность речи и влияние языка на общество – виды государственной языковой политики;
- политическая лингвистика;
- социолингвистические процессы в разных странах мира;

2) **психолингвистика** [7; 11]:

- взаимодействие языка и мышления;
- теория речевой деятельности;
- порождение и восприятие речи;
- стратегии и тактики нейролингвистического программирования;

3) **коммуникативная лингвистика** [6]:

- теория коммуникации;
- риторика;
- коммуникативные тактики речевой деятельности;

4) **когнитивная лингвистика** [20; 23]:

- познавательная деятельность человека при помощи языка;

- концептология как наука о концептах – содержательных единицах мышления, квантах структурированного знания;
- гештальт, фрейм, сценарии речевого поведения;

5) **антрополоингвистика** [13]:

- языковая/научная/национальная картина мира;
- языковая картина отдельного носителя определённого языка;

6) **лингвокультурология** [21]:

- знание языка через знание истории, культуры, традиций народа;
- лингвострановедческие концепты;

7) **структурная и математическая лингвистика**:

- типы структур и формальные методы анализа и описания языка;
- квантитативная (статистическая) лингвистика;
- создание структурно-вероятностных моделей языка и сферы его использования: лингвистический мониторинг, дешифровка закодированного текста, авторизация текста (экспертиза авторства) и т. п.;

8) **компьютерная лингвистика**:

- компьютерное моделирование языка;
- информационно-поисковые системы;
- лингвистическое обеспечение компьютерных систем;
- лингвистические базы данных;
- автоматический синтез и анализ языка;
- системы машинного перевода;
- системы автоматического перефразирования;
- компьютерная лексикография;
- типы электронных словарей;

9) **терминоведение и терминография** [1; 8; 12; 19; 26–27]:

- специальные подязыки национального языка;

- языки для специальных целей;
- структура терминов;
- требования к терминам и терминологическим элементам;
- способы создания новых терминов;
- специальные терминологические словари;

10) *лексикография* [12; 14–15]:

- макро- и микроструктура словаря;
- лексикографическая параметризация;
- принципы лексикографирования;
- типы и виды словарей;
- правила пользования словарями;
- структура словарной статьи;

11) *преподавание языков*:

- методика и практика преподавания родного и иностранного языков;
- классификация методов обучения языкам;

12) *переводоведение* [4; 10; 18]:

- история, теория и практика перевода;
- виды перевода;
- лексические, словообразовательные, морфологические, синтаксические трудности перевода;

13) *языковая кодификация*:

- государственная деятельность по нормированию языковых явлений и процессов;
- орфографические и орфоэпические нормы;

14) *теория письма*:

- требования к графике определённого языка;
- этапы развития письма;
- категории фонетического письма;
- создание графики для народов, которые не имеют своей письменности;
- дешифровка текстов, записанных неизвестным исследователям языком;

15) *обработка текстовой информации*:

- реферирование и аннотирование;

- виды рефератов и аннотаций;

16) *интерлингвистика* [16]:

- искусственные языки;
- лингвопроектирование;
- языки программирования, информационные языки, формализованные языки науки, международные вспомогательные языки, авторские языки.

В технических высших учебных заведениях Украины уже не первый год ведётся подготовка специалистов-филологов по специальностям «Прикладная лингвистика» и «Перевод научно-технической литературы».

В Национальном техническом университете «Харьковский политехнический институт» (НТУ «ХПИ») предлагаются следующие курсы филологического направления:

- для будущих переводчиков технической литературы: «Введение в языкознание», «Основы терминоведения», «Лексикография», «История и теория перевода», «Методология переводоведческих исследований», «Украинский язык профессиональной направленности» и др.;
- для будущих прикладных лингвистов: «Введение в языкознание», «Основы прикладной лингвистики», «Лексикография», «Общее языкознание», «Современные аспекты прикладной лингвистики», «Украинский язык профессиональной направленности» и др.

Эти учебные курсы НТУ «ХПИ» направлены на взаимодействие языковедческих и технических учебных дисциплин, на междисциплинарную основу прикладной лингвистики как науки, которая развивается сегодня во многих направлениях, приобретает новые результаты и перспективы.

Подготовка специалистов по прикладной лингвистике в технических высших учебных заведениях предполагает формирование

широко/глубоко образованной личности, которая владеет знаниями, умениями и навыками использования языковедческих категорий, понятий и теоретических положений на практике, в различных сферах народного хозяйства.

Особо следует отметить одно из главных направлений прикладной лингвистики – **лексикографию**. Это наука, искусство и практика создания, изучения и использования словарей. Лексикография систематизирует и вбирает в себя всё человеческое знание.

Как учебная дисциплина наука о словарях необходима не только филологам, но и специалистам других отраслей знаний. Каждый человек должен научиться ориентироваться в море информации, которая, как правило, собрана и определённым образом организована в словарных произведениях. Математик, химик, технический или гуманитарный специалисты обязаны знать, где и какую информацию они могут найти, а эти сведения может предоставить, прежде всего, такая база энциклопедических и лингвистических данных как словарь.

Главная цель специальности «Прикладная лингвистика» – сформировать междисциплинарного специалиста на грани наук – языкознания и других информационных, технических, производственных отраслей челове-

ческой деятельности. Определённое Министерством образования и науки Украины направление подготовки прикладных лингвистов – «Филология» – подчёркивает и требует от технических вузов направленности на гуманитарную составляющую технического образования.

Будущее прикладной лингвистики видится в гармонизации всех перечисленных направлений и в подготовке широко образованных специалистов по соответствующим лингвистическим и научно-техническим дисциплинам.

Разработка и использование новых информационных технологий также невозможны сегодня без учёта интеллектуальных компонентов, без обеспечения их системами, работающими с естественными языками. Это обуславливает исследования механизмов естественного языка, что, в свою очередь, требует разработки современных математических методов формального описания текстовой информации. Все народнохозяйственные отрасли, связанные с информатикой и компьютерной техникой, требуют лингвистического обеспечения информационных систем, а государство, со своей стороны, – наличие специалистов (прикладных лингвистов), которые владеют знаниями современных информационных технологий и высокой языковедческой квалификацией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Авербух К. Я.** Общая теория термина – М.: МГОУ, 2006. – 252 с.
2. **Актуальные** проблемы современной лингвистики: уч. пос. / сост. Л. Н. Чурилова. – 3-е изд. – М.: Флинта; Наука, 2008. – 416 с.
3. **Алефиренко Н. Ф.** Современные проблемы науки о языке: уч. пос. – 2-е изд. – М.: Флинта; Наука, 2009. – 416 с.
4. **Алимов В. В.** Теория перевода – М.: УРСС, 2005. – 160 с.
5. **Баранов А. Н.** Введение в прикладную лингвистику: уч. пос. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.
6. **Бацевич Ф. С.** Основи комунікативної лінгвістики: підручник – К.: Академія, 2004 – 344 с.

7. **Белянин В. П.** Психоллингвистика: учебник. – М.: Флинта; Наука, 2009. – 416 с.
8. **Васенко Л. А., Дубічинський В. В., Кримець О. М.** Фахова українська мова: навч. пос. – К.: Центр учбової літератури, 2008 – 272 с.
9. **Вахтин Н. Б., Головкин Е. В.** Социоллингвистика и социология языка: уч. пос. – СПб.: Гуманитар. Академия, 2004. – 336 с.
10. **Гарбовский Н. К.** Теория перевода – М.: МГУ, 2007. – 544 с.
11. **Горелов И. Н., Седов К. Ф.** Основы психоллингвистики: уч. пос. – М.: Лабиринт, 2008. – 320 с.
12. **Гринев-Гриневич С. В.** Введение в терминографию. Как просто и легко составить словарь. – М.: УРСС, 2009. – 224 с.
13. **Гринев-Гриневич С. В., Сорокина Е. Я., Скопюк Т. Г.** Основы антрополлингвистики: уч. пос. – М.: Академия, 2008. – 128 с.
14. **Дубічинський В. В.** Українська лексикографія: історія, сучасність та комп'ютерні технології: навч. пос. – Харків: НТУ «ХП», 2004 – 203 с.
15. **Дубичинский В. В.** Лексикография русского языка: уч. пос. – М.: Флинта; Наука, 2009. – 432 с.
16. **Дуличенко А. Д.** История интерлингвистики: уч. пос. – М.: Высшая школа, 2007. – 184 с.
17. **Звегинцев В. А.** Теоретическая и прикладная лингвистика: уч. пос. – 2-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 336 с.
18. **Латышев Л. К.** Технология перевода: уч. пос. – М.: НВИ-Тезаурус, 2000. – 280 с.
19. **Лейчик В. М.** Терминоведение. Предмет, методы, структура – М.: КомКнига, 2006 – 256 с.
20. **Маслова В. А.** Когнитивная лингвистика: уч. пос. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
21. **Маслова В. А.** Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001 – 208 с.
22. **Мечковская Н. Б.** Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков: уч. пос. – М.: Флинта; Наука, 2003 – 312 с.
23. **Попова З. Д., Стернин И. А.** Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ; Восток-Запад, 2007. – 314 с.
24. **Прикладное языкознание: учебник / сост. Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Г. Я. Мартыненко и др.** – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996. – 287 с.
25. **Чудинов А. П.** Политическая лингвистика: уч. пос. – 3-е изд. – М.: Флинта; Наука, 2008. – 256 с.
26. **Шелов С. Д.** Термин. Терминологичность. Терминологические определения. – СПб.: СПб. гос. ун-т, 2003 – 280 с.
27. **Шелов С. Д., Лейчик В. М.** Терминология и профессиональная лексика. Состав и функции: уч. пос. – СПб.: СПб. гос. ун-т, 2012. – 96 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1505.14](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1505.14)

Dubichynskyi Vladymyr Vladymyrovych, Doctor of Science in Philology, Chief of the Ukrainian and Russian Languages and Applied Linguistics department of the National Technical University Kharkiv, Kharkiv, Ukraine.
E-mail: vovodu@bk.ru

MAIN AREAS APPLIED LINGUISTICS IN EDUCATIONAL PROCESS

Abstract

In the article the wide definition of the notion “Applied Linguistics” is given. Applied linguistics is concerned with those spheres of the human activity, where the linguistic data and knowledge are used (or are “applied”) naming politics and sociology, psychology, communication, cultural science, manufacturing, technology, informatics, mathematics, language teaching, translation etc. One of the important directions of applied linguistics is lexicography (dictionary science), which includes and systematizes the whole human knowledge. Nowadays the linguistic disciplines (which are directions of the applied linguistics) teaching of students, who study not only the humanitarian sciences but also the technical ones, is urgent and relevant.

Keywords

Applied linguistics, sociolinguistics, psycholinguistics, linguacultural studies, computer and mathematical linguistics, languages teaching, translation, lexicography, dictionary.

REFERENCES

1. Averbukh K. Ya. *General Theory of the Term*. Moscow, Moscow State Regional University Publ., 2006, 252 p. (In Russian)
2. *Current Problems of the Modern Linguistics*. Learning guide. Composed by L. N. Churilova. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2008, 416 p. (In Russian)
3. Alefirenko N. F. *Current Problems of the Science about the Language*. Learning guide. Moscow, 2009, Flinta Publ., Nauka Publ., 416 p. (In Russian)
4. Alimov V. V. *Translation Theory*. Moscow, URSS Publ., 2005, 160 p. (In Russian)
5. Baranov A. N. *Fundamentals of the Applied Linguistics*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001, 360 p. (In Russian)
6. Batsevich F. S. *Fundamentals of the Communication Linguistics*. Textbook. Kiev, Academia Publ., 2004, 344 p. (In Ukrainian)
7. Belyanin V. P. *Psycholinguistics*. Textbook. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2009, 416 p. (In Russian)
8. Vasenko L. A., Dubichynskyi V. V., Krymets O. M. *Professional Ukrainian Language*. Learning guide. Kiev, Center of educational literature Publ., 2008, 272 p. (In Ukrainian)
9. Vahtin N. B., Golovko E. V. *Sociolinguistics and Sociology of the Language*. Learning guide. Saint Petersburg, Humanitarian Academy Publ., 2004, 336 p. (In Russian)
10. Garbovskij N. K. *Theory of the Translation*. Moscow, MSU Publ., 2007, 544 p. (In Russian)
11. Gorelov I. N., Sedov K. F. *Fundamentals of the Psycholinguistics*. Learning guide. Moscow, Labirint Publ., 2008, 320 p. (In Russian)

12. Grinyov-Grinevich S. V. *Fundamentals of the Terminology. How to compose a Dictionary Simply and Easily*. Moscow, URSS Publ., 2009, 224 p. (In Russian)
13. Grinyov-Grinevich S. V., Sorokina E. Ya., Skopyuk T. G. *Fundamentals of the Anthropolinguistics*. Learning guide. Moscow, Academia Publ., 2008, 128 p. (In Russian)
14. Dubichynskyi V. V. *Ukrainian Lexicography: History, Modernity and Computer Technologies*. Learning guide. Kharkiv, NTU "KPI" Publ., 2004, 203 p. (In Ukrainian)
15. Dubichynskyi V. V. *Lexicography of the Russian Language*. Learning guide. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2009, 432 p. (In Russian)
16. Dulichenko A. D. *History of the Interlinguistics*. Learning guide. Moscow, High School Publ., 2007, 184 p. (In Russian)
17. Zvegintsev V. A. *Theoretical and Applied Linguistics*. Learning guide. Moscow, LKI Publ., 2007, 336 p. (In Russian)
18. Latyshev L. K. *Technology of the Translation*. Learning guide. Moscow, NVI-Tezaurus Publ., 2000, 280 p. (In Russian)
19. Lejchik V. M. *Terminology Science. Subject, Methods, Structure*. Moscow, KomKniga Publ., 2006, 256 p. (In Russian)
20. Maslova V. A. *Cognitive Linguistics*. Learning guide. Minsk, TetraSistems Publ., 2004, 256 p. (In Russian)
21. Maslova V. A. *Linguacultural Science*. Moscow, Academia Publ., 2001, 208 p. (In Russian)
22. Mechkovskaya N. B. *General Language Science. Structural and Social Typology of Languages*. Learning guide. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2003, 312 p. (In Russian)
23. Popova Z. D., Sternin I. A. *Cognitive Linguistics*. Moscow, Vostok-Zapad Publ., 2007, 314 p. (In Russian)
24. *Applied Linguistics*. Textbook. Comp. L. V. Bondarko, L. A. Verbitskaya, G. Ya. Martynenko et al. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 1996, 287 p. (In Russian)
25. Chudinov A. P. *Political Linguistics*. Learning guide. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2008, 256 p. (In Russian)
26. Shelov S. D. *Term. Terminology. Terminological Definitions*. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2003, 280 p. (In Russian)
27. Shelov S. D., Lejchik V. M. *Terminology and Professional Vocabulary. Structure and Functions*. Learning guide. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2012, 96 p. (In Russian)

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Научный журнал «Вестник Новосибирского государственного педагогического университета» – электронное периодическое издание, учрежденное ФГБОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет», в котором публикуются ранее не опубликованные статьи, содержащие основные результаты исследований в ведущих областях научного знания.

Материалы статей, подготовленные автором в соответствии с правилами оформления регистрируются, лицензируются, проходят научную экспертизу, литературное редактирование и корректуру.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией и редакционным советом электронного журнала.

Регистрация статьи осуществляется в on-line режиме на основе заполнения электронных форм. По электронной почте статьи не регистрируются.

Редакционная коллегия электронного журнала оставляет за собой право отбора присылаемых материалов. Все статьи, не соответствующие тематике электронного журнала, правилам оформления, не прошедшие научную экспертизу, отклоняются. Корректур статей авторам не высылаются.

Тексты статей необходимо оформлять в соответствии с профессиональными требованиями к научной статье, объемом в пределах половины печатного листа (20000 знаков).

Публикуемые сведения к статье на русском и английском языках:

- заглавие – содержит название статьи, инициалы и фамилию автора/ авторов, город, страна, а также УДК;
- адресные сведения об авторе – указывается основное место работы, занимаемая должность, ученая степень, адрес электронной почты для связи;
- аннотация статьи (от 1000 знаков) – отражает ее основное содержание, обобщающие результаты и ключевые слова;
- пристатейный список литературы – оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008; формируется в соответствии с порядком упоминания в тексте статьи; регистрируется ссылкой (ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, содержат порядковый номер в списке литературы и страницы цитируемой работы).

Одновременно с направлением в редакцию журнала текста статьи, подготовленного для публикации, автору необходимо выслать сопроводительные документы к статье, оформленные в соответствии с требованиями.

Сопроводительные документы к статье:

- оригинал развернутой рецензии направляющей организации / научного руководителя / специалиста по теме публикации (с подписью и печатью);
- авторский лицензионный договор.

Подробнее с правилами публикации можно ознакомиться на сайте журнала:

<http://vestnik.nspu.ru/avtoram>

FOR AUTHORS. THE INFORMATION ABOUT THE ORDER OF PUBLICATION OF ARTICLE

The scientific journal «Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin» is electronic periodical founded by Novosibirsk State Pedagogical University. Journal articles containing the basic results of researches in leading areas of knowledge were not published earlier.

The materials of articles, carefully prepared by the author, are registered, are licensed, materials are scientific expertise, literary editing and proof-reading.

The decision about the publication is accepted by an editorial board and editorial advice of electronic journal.

Also it is displayed in personal "cabinet" of the author.

Registration of article is carried out in on-line a mode on the basis of filling electronic forms e-mail articles are not registered.

The Editorial Board of the electronic journal reserves the right to itself selection of sent materials. All articles are not relevant to the content of electronic magazine, to rules of the registrations rules that have not undergone scientific expertise, are rejected. The proof-reading of articles is not sent to authors. Manuscripts are not returned.

Texts of articles are necessary for making out according to professional requirements to the scientific article, volume within the limits of 0,5 printed page (20000 signs).

Published data to article in Russian and English languages:

the title – contains article name, the initials and a surname of authors / authors, the city, the country, and also UDC;

address data on the author – the basic place of work, a post, a scientific degree, an e-mail address for communication is underlined;

the abstract (100–250 words) – reflects its basic maintenance, generalizing results and keywords;

the references – is made out according to requirements of GOST P 7.0.5-2008; it is formed according to order of a mention in the text of paper; it is registered by the reference (references in the text are made out in square brackets, contain a serial number in the References and page of quoted work).

Simultaneously with a direction in edition of electronic journal of the text of articles prepared for the publication, it is necessary for author to send accompanying documents to articles, issued according to requirements.

Accompanying documents to article:

the original of the developed review of the directing organization / the research supervisor / expert in a publication subject (with the signature and the press);

author's license contract.

In detail the rules of the publication on the site of journal:

<http://en.vestnik.nspu.ru/avtoram>